

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

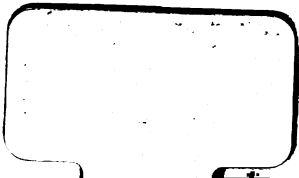
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vct. DK4. 5276. 085

Vet. DK4. 5276. 085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р - Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ОЛЕГЕМЪ БУЛГАРИНЫМЪ.

Ч А С Т Ъ С Т О Д Е В Я Т А Я .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1 8 2 6 .

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛНО,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Августа 15 дня 1826 года.

*Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № XVII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Э Д У А Р Д Ъ.

(Повѣсть (*), сочин. Герцогини Дюрасъ,
Автора Урики.)

Отправляясь въ Бальшиморь къ полку своему, находившемуся въ отрядѣ Французскихъ войскъ, сражавшихся въ Америкѣ, я съѣхъ, для ускоренія переезда, на купеческій корабль въ Лоріанъ. Со мною ѣхали еще шрое пассажировъ; одинъ изъ нихъ съ перваго взгляда привлекъ мое вниманіе: прекрасный, молодой человекъ, высокаго роста, простаго обращенія, но съ печашью ума на лицѣ. Особенно блѣдность его и какое-то уныніе на лицѣ и въ рѣчахъ, возбуждали участіе и любопытство. Но послѣднее не могло ожидать скорого удовлетворенія: казалось, глав-

---

(*) Для сокращенія журнальной статьи, Переводчикъ, съ сожалѣніемъ, долженъ былъ выпустить изъ кошормы мѣста изъ этой прекрасной повѣсти.

*

4

нымъ свойствомъ молодого человека — была молчаливость, впрочемъ безъ высокомерія; напротивъ, всякій оказавъ бы, что въ немъ снисходительность пережила другія добрыя качества, убитыя горестями. Всегда въ разсвѣтлости, за услуги не ожидая оныхъ ни благодарности, ни подобныхъ услугъ. Такое самоотверженіе, сдѣланные злоупотребленія, имѣешь въ себѣ что-то опмѣнно умилительное; оно болѣе побуждаетъ къ состраданію, нежели горьчайшія жалобы.

Я старался сблизиться съ молодымъ человекомъ, но не смотря на поваричесство каюшной жизни, не успѣвалъ въ томъ. Когда, садясь подлѣ него, я обращался къ нему съ вопросами, онъ отвѣчалъ мнѣ, и если въ нихъ ничто не относилось къ сердечнымъ чувствамъ, присовокуплялъ отъ себя какое нибудь разсужденіе; если же я залезалъ въ область страстей или страданій душевныхъ, что нерѣдко случалось, въ намѣреніи увлечь его въ опкровенность, онъ вспавалъ и отходилъ — или такая мрачность появлялась на лицѣ его, что у меня духу недоставало продолжать. Отъ всякаго другаго не захотѣлъ бы я добиваться болѣе того, что узналъ въ немъ: умъ его былъ необыкновеннаго рода; ни о чемъ не предлагалъ онъ пошлыхъ вседневныхъ сужденій, и это полному, что въ

его сужденія не вышивалось шщеславіе. Вотъ самый независимый человекъ въ свѣтѣ! думалъ я. Несчастіе сдѣлало его какъ бы чуждымъ для другихъ людей. Безприсрасптіе дѣлало его справедливымъ, а безприсрасптіемъ сдѣлался онъ опъ равнодушія ко всему въ мірѣ. Если при шакомъ образѣ мыслей, ищъ себялюбія, онъ раскрываетъ все качесшва разума. Его разумъ, какъ все доказывало, былъ очень образованъ, но во весь перевдъ не видалъ я, чшобъ ему вздумалось развернуть книгу; и ничшо, по видимому, не занимало его праздности. Сидя на скамьѣ подъ кормою и опершись на боршъ, устремлялъ онъ глаза на длинный слѣдъ, оставленный на водѣ кораблемъ. Однажды сказалъ онъ мнѣ: „какая вѣрная эмблема жизни! Такъ мы, съ тяжкимъ усиліемъ, взрываемъ струюку на океанъ бѣдствій, и она за нами исчезаетъ.“ — „Въ ваши лѣща,“ ошвѣчалъ я: „какъ можно такъ мрачно смощрѣшь на свѣтъ?“ — „Будешь старъ,“ сказалъ онъ: „когда лишишься надежды.“ — „Развѣ не можешь она возродиться?“ спросилъ я. — „Никогда!“ было мнѣ ошвѣщомъ. Потомъ, взглянувъ на меня мрачно, примолвилъ онъ: „вамъ жалъ меня — вижу; повѣрьте, чшо я шѣмъ пропущу, но сердца своего не могу вамъ ошкрышь. И не желайте того; мѣшъ врачевать.

ній моему горю, и все мнѣ теперѣ бесполезно — даже вѣрный другъ.“ — Онъ оставилъ меня послѣ сихъ словъ.

Спустия нѣсколько дней, вздумалъ я возобновить разговоръ и рассказалъ ему одно происшествіе своей молодости, какъ дружба спасла меня опъ важнаго проступка. — „Хотѣлось бы мнѣ“ — прибавилъ я: — „быть для васъ нѣмъ же, чѣмъ былъ для меня въ то время мой другъ.“ Онъ взялъ меня за руку. „Много въ васъ доброты,“ сказала онъ: „но вы не знаете, чего пребудете, и желая мнѣ добра, хотите расперзать меня: большія горести не имѣюшь нужды въ опкровенности; хорошо, если кому проглядываетъ надежда — онъ можетъ чувствовать нужду въ участіи другихъ; но къ чему расправляшь раны неисцвляемыя? Все кончилось для меня; уже я въ своихъ глазахъ не существую.“ — Онъ всплалъ, походилъ на пауубъ; пошомъ съѣлъ на другомъ концѣ корабля. Тогда я оставилъ скамью, на кошорой сидѣлъ, чшобъ онъ могъ къ ней возвратиться. Тутъ было любимое мѣсто его.

Нѣсколько разъ возобновлялъ я свои усилія дознаться бѣдъ его, но безъ пользы; онъ умѣлъ отклонить, не оскорбляя. Эта недосшупная утѣшенію душа была еще весьма снисходительна, возвышенна; еще могла она

дославалась счастье, хотя ей не могло оно сообщиться.

Съ окончаніемъ плаванія, мы вышли на берегъ въ Бальшморь. Молодой спутникъ мой просилъ меня опредѣлить его волонтеромъ въ мой полкъ. Его вписали, какъ и въ корабельномъ спискѣ, подъ именемъ полько Эдуарда. Мы оправились въ походъ, и въ первомъ сраженіи увидѣлъ я, что Эдуардъ ищетъ смерти. Признаюсь, что съ каждымъ днемъ привязывался я болѣе къ этой жершвѣ злополучія; иногда говорилъ ему: не знаю обстоятельствъ жизни вашей, но знаю ваше сердце; вы не хотѣли подарить меня довѣренностію, но и не нужно ея, чтобы любить васъ. Въ душахъ опличныхъ сраданіе всегда пускается глубокіе корни, между швѣ какъ обыкновенныя чувства всегда поверхностны. „Эдуардъ!“ воскликнулъ я однажды: „неужели ничѣмъ нельзя помочь вамъ?“ Слезы показались изъ глазъ его. — „Ничѣмъ не хочу я привязывать себя къ жизни,“ ошвчалъ онъ. — На другой день направили мы на крѣпость при рѣкѣ Шуйкиалъ. Съ горстью солдатъ, Эдуардъ овладевалъ редутомъ. Я не упускалъ его изъ виду; какое-то предчувствіе говорило мнѣ, что этойъ день опредѣлитъ онъ для своей смерти. И дѣйствительно увидѣлъ я, что онъ бросился

въ ряды непріятельскихъ солдатъ, которые защищали внутреннее укрѣпленіе. Въ мысляхъ о защитѣ Эдуарда, я не думалъ о себѣ: вижу близкую мѣшу въ него, и подставляю грудь свою. Пуля попала мнѣ въ плечо; наши люди подоспѣли и отбили насъ. Эдуардъ поднялъ меня къ себѣ на руки, опрѣсь въ крѣпость, перевязалъ рану мою, и поддерживая мнѣ голову, отидалъ хирурга. Никогда не видалъ я лица, на которомъ бы изображались столь рѣзкія и перемѣнныя движенія: горесть, безпокойство, благодарность такъ сильно и вѣрно представлялись на немъ, что надобно было желать срисовать черты нѣтъ. Когда хирургъ объявилъ, что раны мои не смертельны, слезы покапнулись изъ глазъ Эдуарда. Онъ прижалъ меня къ своему сердцу. „Для меня была бы двойная смерть!“ сказалъ онъ мнѣ. Съ этого дня, онъ не покидалъ меня. Я долго помнясь, онъ не успѣвалъ за мною ухаживать — предупреждалъ все мои желанія. Не смотря на свою угрюмость, старался онъ развеселять меня; его гибкій умъ находилъ и вызывалъ шутки; одинъ онъ казался непрічастнымъ къ возбуждаемой имъ самимъ веселости. Часто читалъ онъ мнѣ, угадывая, чѣмъ усладишь тягость моего положенія. Въ его попеченіяхъ обо мнѣ было что-то кроткое, нѣжное, и

давало имъ шу прелестъ, какую приписыва-
ютъ женщинамъ; и это пошому, что въ
немъ было ихъ самоопроверженіе—эта пѣни-
тельная добродѣтель, которая заставляешь
забывать себя для ближняго.

Между тѣмъ, Эдуардъ все еще ни слова
не говорилъ о себѣ. Какъ прежде ни огорча-
лся я тѣмъ, но съ каждымъ днемъ уменьша-
лось мое любопытство, и наконецъ страхъ
огорчась, превозмогалъ во мнѣ желаніе у-
знать его короче. Уже я и безъ того доволь-
но зналъ его: никогда не встрѣчалъ споль
благороднаго сердца, споль возвышенной ду-
ши, споль пріятнаго характера. Тонкое
свѣтское обращеніе, высокій языкъ, все по-
казывало, что онъ жилъ въ лучшемъ обще-
ствѣ. Между людьми съ хорошииъ вкусомъ,
скоро снувшая связь особаго рода, котораго
нельзя опредѣлить. Я не могъ понять, отъ че-
го нигдѣ не встрѣчалъ Эдуарда: по всему ка-
залось мнѣ, что онъ принадлежалъ къ тому
же кругу, въ которомъ я провелъ жизнь
свою. Однажды я сказалъ ему это, и про-
стное мое замѣчаніе сдѣлало наконецъ то, о
чемъ я такъ долго умолялъ напрасно. „Я
не могу вамъ уже ни въ чемъ ошказывать,“
сказалъ онъ: „но не требуйте, чтобы я го-
ворилъ вамъ о своихъ спраданіяхъ; попробую
изяснить ихъ и познакомишь васъ съ ними,

кому сохранили вы жизнь, на счетъ своей собственной.“ Вскорѣ я раскаялся, что принялъ это доказательство благодарности Эдуардовой. Черезъ нѣсколько дней погрузился онъ въ глубокое уныніе, изъ котораго не выходилъ уже ни на минушу. Я хотѣлъ принудить его прекратить работу. „Нѣтъ,“ сказалъ онъ мнѣ: „это моя обязанность; я хочу ее исполнить.“ Не много прошло времени, какъ онъ вошелъ ко мнѣ въ комнашу, держа большую пепрадь, исписанную самымъ мелкимъ письмомъ. — „Вошъ,“ сказалъ онъ: „я исполнилъ обѣщаніе; вы уже не будете жаловаться, что нѣтъ *прошедшаго* въ нашей дружбѣ; прочтите эту пепрадь, но никогда не говорите мнѣ о томъ, что въ ней заключается, даже не ищите меня сегодня, я хочу быть одинъ. — Считаете свои воспоминавія неизгладимыми,“ приотвилъ онъ: „но когда станете собирать ихъ во глубинѣ души, то пробуждаются тысячами новыми скорби.“ Онъ оставилъ меня послѣ сихъ словъ, а я принялся читать слѣдующее.

Я сынъ знаменишаго адвоката Паризскаго Парламента; родомъ изъ Ліона; предки мои занимали тамъ высшія должности, какими только недворяне могутъ пользоваться. Одинъ изъ нихъ умеръ жертвою сво-

его усердія, во время опустошавшей Ліонъ заразы въ 1748 году. Имя его сдѣлалось почетнымъ на родимъ, и обратилось въ прозвище людямъ, оплачивающимъ мужествомъ и благородствомъ души. Отецъ мой, съ малолѣтства назначенный въ званіе адвоката, заслужилъ на семь поприщъ всеобщее уваженіе, такъ, что вошло въ обычай не рѣшаться дѣла, хоть сколько нибудь важнаго, не спросивъ его мнѣнія. Онъ женился уже очень въ пожилыхъ лѣтахъ, на женщину, которую любилъ отъ души, а я былъ ихъ единственнымъ дѣшникомъ. Отцу моему захотѣлось самому воспитывать меня: онъ ухажалъ съ женою въ Ліонъ, и посвящалъ себя вполне моему воспитанію. Олчасни былъ онъ мною доволенъ, олчасни же нѣтъ. Учасъ чрезвычайно легко, я не въ состояніи былъ извлекать пользу изъ выученнаго: мѣшала моя застѣнчивость, молчаливость и недовѣрчивость. Все громоздилось въ головѣ моей и производило только безплодное броженіе съ безконечными мечтами. Я любилъ уединеніе, любилъ смотрѣть на заходящее солнце; тошовъ былъ по цѣлымъ днямъ сидѣть на песчаной косѣ, между слияніемъ рѣкъ Соны и Роны, образующихъ полуостровъ, на которомъ построены Ліонъ — тошовъ былъ слѣдовать взоромъ за смѣшені-

емъ спруй двухъ разныхъ искоковъ, и чувствовала, какъ будто бы мысли мои и жизнь увлекаются ихъ печеніемъ. За мною присылали; я возвращался домой и принимался за ученіе безъ досады и лѣнности; но можно было бы сказать, что я жилъ двойною жизнью — такъ занятія мои не сходились съ помыслами. Отецъ мой пробовалъ заставить меня говорить, но получалъ отвѣты только ошь моей памяти; мать моя старалась проникнуть въ мою душу ибливыми ласками — я обнималъ ее, но даже въ сихъ ласкахъ находилъ что-то несовершенное, не наполняющее души моей.

Отецъ мой имѣлъ кузнечный заводъ и домъ посреди Форезскихъ горъ, между Боевомъ (Bois) и Семшъ-Эшьеномъ. Каждый годъ въздвля мы туда на два ваканціонные мѣсяца. Слишкомъ быстро пролетало для меня это время, всегда съ жадностію ожиданное — всегда въ душевномъ наслажденіи проводимое. Мѣстоположеніе завода заключало въ себѣ много привлекательнаго; онъ приводился въ движеніе рѣкою, которая достигала до него въ сильномъ стремленіи, усугубляемомъ береговыми и подводными скалами; — за кузницами же, берега раздавались и образовали доно воды, болѣе покойной, которая пошомъ сверачивала въ сторону и между двумя ря-

дами высокихъ горъ, поросшихъ соснами исчезала изъ виду. Домъ былъ не великъ; онъ стоялъ надъ кузницами, вверхъ по горъ, почти на ширешью доли покатою, по срединѣ которой устроена была дорога. Съ трехъ сторонъ окружали домикъ древнія сосны, а съ нагорной, вмѣсто садика, сдѣлана была площадка, кой-гдѣ усаженная букетными деревьями и украшенная цвѣтами, съ превосходнымъ видомъ на заводъ, на горы и на рѣку. Селеніе шуть не было; оно возвышалось, еще въ разстояніи четверти миль вверхъ по горъ, надъ родникомъ, и каждое утро, почти весь народъ изъ него проходилъ близъ площадки на работу въ кузницы. Черныя, закопѣлыя лица эшихъ людей, покрывавшія ихъ рубища составляли снранную противоположность съ непринужденною веселостію, пѣснями, плясками ихъ, и даже съ шляпами, на которыхъ развѣвались лепты. Кузнечный заводъ въ деревнѣ, сдѣлаея для меня шѣмъ же самымъ, чѣмъ въ Лионѣ былъ песочный бугоръ и великолѣпное леченіе Роны: движеніе также внушало мнѣ мечны, какъ и покой. Вечеромъ, съ наступленіемъ сумерекъ, не могли прогнать меня съ площадки; въ это время заводъ былъ въ полной своей красотѣ; огонь длинными пласмами выскакивалъ изъ печей и бросалъ

немно-багровый свѣтъ, въ которомъ всѣ предметы казались привидѣніями; источники пловучаго огня вырывались изъ пылающихъ жерлъ; черныя чудовища перехватывали огонь магическими жезлами, переносили съ мѣста на мѣсто, и вдругъ пошъ же огонь въ ихъ рукахъ принималъ другую форму. Измѣчивошь положеній, движеніе шѣней въ одной малой окружности адскаго свѣта, луна, возвышающаяся изъ-за сосноваго лѣса и едва посребряющая вершины деревъ, все это зрѣлище приводило меня въ восторгъ. Я былъ какъ бы волшебствомъ прикованъ къ плащадкѣ, и какъ бы ошъ сна пробуждался, когда приходили за мною изъ дому.

Впрочемъ я не чуждался и дѣтскихъ игръ — только любилъ самыя опасныя; любилъ взлѣзать на неприступныя горы, вскарабкиваться на высочайшія деревья; мнѣ казалось, будто я долженъ преслѣдовать какую-то цѣль, которой не могъ еще достигнуть, но надѣялся найти новыми опытами, новою отважностію. Я раздѣлялъ свои предпріятія съ другими дѣтьми, но всегда былъ ихъ главою, и старался превзойти ихъ смѣлостію. Часто запрещалъ я имъ слѣдовать за собою, и чувство опасности перело для меня свою цѣну, когда не я одинъ подвергался ей.

Мнѣ минуло шнадцать лѣтъ; въ ученьѣ
 былъ я далека, но все еще не умѣлъ пользо-
 ваться своими знаніями, и отецъ мой уже
 смалъ ошчалваться когда либо видѣшь во
 мнѣ возженнымъ шомъ огонь души, безъ ко-
 шораго, все приобрѣшенное разумомъ, соспа-
 вляетъ шолько безплодное богатштво. Вдругъ
 обшощельство, по видимому незначитель-
 ное, пошрасло шпруну, скрывающуюся во
 глубинѣ души моей, и положило начало но-
 вой для меня жизни. Ужъ я говорилъ о заба-
 вахъ своихъ: любимѣйшею была мнѣ ша,
 шшобы перебираться черезъ рѣку, прыгая съ
 одной скалы на другую изъ выдавшихя на
 поверхности ея; часшо даже не довольштво-
 вался я переходомъ рѣки поперегъ, а скакалъ
 шакимъ же образомъ вдоль ея по шпрямленію
 рѣки взадъ и впередъ. Опасность великая! —
 шолпому, что рѣка, близъ кузницъ сжашая въ
 маломъ пространствѣ, шпрямилась съ не-
 обшкновенною быштрошою подъ огромныя
 колеса, кошорыя приводила въ движеніе.
 Однажды мальчикъ, помоложе меня, сказалъ
 мнѣ: „совсѣмъ не шрудно сдѣлать по швое-
 му.“ — Попробуй!“ ошвѣчала я. Онъ прыг-
 нулъ, сдѣлалъ шага два, поскользнулся и
 бухнулъ въ воду. Время ли размышляшь?
 Бросаюсь, шцпляюсь за скалу, и дшпя, вмигъ
 принесенное шпрямленіемъ, удержано мною.

Мы были на два шага отъ холестъ; и уже слы-
ли начали мнѣ измѣнать, какъ пришелъ къ
намъ на помощь. Я залился слезами, когда
опасность миновалась. Отецъ, мать моя
прибѣжали и спали меня обнимать: сердце
мое препешало отъ радости при такихъ
ласкахъ. На другой день, когда взялся я за
книгу, нашелъ я въ ней все новыиъ — сталъ
понимать, что прежде только заучивалъ;
получилъ способность вникать; восхищался
хорошимъ, воспламенялся высокимъ. Умъ отъ
ца моего удивлялъ меня, какъ будто я ви-
дѣлъ въ немъ другаго человѣка; какая-то за-
виса распорглась въ душѣ моей. Сердце мое
дрожало въ объятіяхъ матери — я спалъ
понимать взглядъ ея. Такъ молодое деревцо,
занимая долго, вдругъ пускаетъ отростки,
выдвигаетъ крѣпкіе стебли и одѣвается
лиственными покровомъ; и это потому,
что корни поцали на слой земли: я жертво-
вовадь собою къ спасенію ближняго.

Съ этой минушы, я вышелъ изъ дѣт-
ства. Отецъ мой, ободренный успѣхами, от-
крылъ мнѣ новыя пупи, доступныя только
человѣку съ воображеніемъ. Заставляя меня
примѣнать чувства къ поступкамъ, онъ об-
разовалъ вмѣстѣ сердце мое и разумъ. Зналъ
и чувствововашъ, говаривалъ онъ, вопль все
воспѣваніе.

Отецъ мой былъ самый любезный человекъ въ свѣш; во всемъ руководствовался онъ своимъ умомъ, но нигдѣ не показывалъ его излишне. Въ высокой степени обладалъ онъ искусствомъ облекать истину въ шутку. Прошивоволожность здраваго разсудка лжемыслию почти всегда забавна; отецъ мой научилъ меня находить смѣшнымъ все, что ложно. Онъ не предполагалъ въ томъ опасности.

Но страсть въ оцѣнкѣ вещей липейскаго быта, при всей чистотѣ правилъ, при самомъ здоровомъ разумѣ, руководящемъ нами, дѣйствительно опасна — и злѣйшее несчастіе. Нельзя сильно ненавидѣть дурнаго, не любя слишкомъ хорошаго. Но человеческому ли сердцу сносишь эти неукротимыя движенія? Ахъ, они оставляютъ въ немъ пустошу, какъ въ развалинѣ, и это мгновенное превозрастаніе жизни влечетъ за собою смерть!

Тогда я не дѣлалъ подобныхъ размышленій: свѣш раскрывался предо мною, какъ безбрежный океанъ. Я мечталъ о славѣ, о счастіи, но не искалъ ихъ внѣ предназначеннаго мнѣ круга дѣятельности — внѣ того сословія, въ которое долженъ былъ вступить, какъ въ наследственное отъ отца моего. Благородное сословіе! Въ немъ пред-

ставляешь защита угнетеннаго, обличеніе порока и слава поржешва спасенной невни-
 носши. Мечты мои, тогда еще не сполько
 смушныя, вызывали передь глаза мои всь слу-
 чай, въ которыхъ я долженъ буду оплачашь-
 ся; мое воображеніе вымышляло неслыхан-
 ныя бѣдшвія и несправедливосши, изъ од-
 ной шолько славы и удовольствія преобо-
 роть ихъ.

Переворотъ въ характеръ моемъ не про-
 извелъ перемѣны въ моихъ склонносшяхъ.
 Какъ и въ дѣшшвѣ, я бѣгалъ ошъ обще-
 ства; почему-то не нравилось мнѣ быть съ
 людьми, безъ сомнѣнія почщенными, но изъ
 которыхъ ни въ комъ не находилъ я осу-
 щешваленнымъ идеала, возникшаго въ душѣ
 моей и, говоря правду, скрешнаго по образ-
 цу ошца моего. Въ своемъ семействѣ съ ош-
 цемъ и съ машерью, былъ я счастливъ; но
 лишь шолько появлялся поспоронній, я убѣ-
 галъ въ свою комнашу, и жилъ въ мірѣ, мною
 созданномъ — споль мало похожемъ на су-
 щешвенный.

Машь моя была очень умна, крошка, и
 съ рѣзкимъ здравомысліемъ; она любила мнѣ-
 нія, принцапыя въ свѣшѣ, даже можешъ бышъ
 просшодудныя; но умѣла всегда защищашь
 ихъ новыми и рѣзкими доказашельсшвами.
 Привычка жишъ съ ошцемъ моимъ и любилъ

его, сдѣлала изъ нее почти его опголосокъ; но часто одно и то же мыслили они по различнымъ причинамъ; посему-то въ разговорахъ ихъ замѣтна была всегда крошечность и живость вѣснѣ. Никогда ни о чемъ не спорили они, кромѣ одного предмета. Увы! теперь вижу, какъ справедливо судила мать моя.

Еще въ молодости отецъ мой имѣлъ счастье спасти имѣніе и честь Маршала д'Олоннѣ, въ одной важной дѣлѣ. По этимъ отношеніямъ возродилась между ними дружба, которая въ теченіе тридцати лѣтъ не подверглась никакой перемѣнѣ и поддерживалась непрерывною перепискою. Не прошло недѣли, чтобы отъ Маршала не было писемъ, всегда исполненныхъ чистѣйшей искренности. Отецъ мой намѣревался отвезти меня въ Парижъ къ Маршалу, когда наступитъ мнѣ двадцать лѣтъ. Тамъ надѣялся онъ познакомить меня съ хорошимъ обществомъ и дать мнѣ средства пріобрѣсти всѣ тончайшія качества разума. Онъ, казалось, нарочно держалъ меня въ уединеніи, утверждая во мнѣ вкусъ къ изящному, добрымъ правиламъ и духъ наблюдательности, чтобы послѣ, при настоящей зрѣлости ихъ, открыть мнѣ вдругъ зрѣлице свѣта во всемъ его блескѣ и со всеми его недосыпками. Не шло

инѣнія была мать моя. „Зачѣмъ выходите изъ своего круга?“ говорила она. „Зачѣмъ вводите Эдуарда въ шопъ свѣшь, гдѣ ему не придется жить, и гдѣ можете быть, научитесь онъ гнушаться нашимъ сословіемъ?“ — „Адвокатъ“, говорил мой отецъ: „долженъ знать всѣ планы людей, долженъ научиться и придворной вѣжливости, чтобы не быть ослаблену ею. Только въ большомъ кругу можете онъ приобрести чистоту языка и навыкнуть въ тонкостяхъ шутки. Тамъ только выучивающся приличіямъ и приспособляютъ себѣ науку вкуса, которая не имѣетъ правилъ, но которой не знаютъ непростительно.“ — „Все правда, возражала мать моя: „но признаюсь, я желала бы лучше, чтобы Эдуардъ не зналъ ничего этого, я былъ бы счастливъ; быть же счастливымъ возможно только съ равными себѣ.“

Часто возобновлялись подобные разговоры. Желаніе узнать много новаго и какое-то безпокойство, скрытое въ глубинѣ души моей, привлекали меня на сторону оппозита. Съ нешерпѣніемъ ожидалъ я двадцати лѣтъ, чтобы вѣхать въ Парижъ и видѣть Маршаала д'Олонья.

Не стану говорить вамъ о двухъ годахъ, прошедшихъ послѣ того въ непрерывныхъ занятіяхъ Науками. Все мое время улощре-

блалось на изученіе Правъ, Матемашки и языковъ, но при всей сухости такихъ трудовъ, долженствовавшихъ ошепенить мой разумъ, я оспался шѣмъ, чѣмъ создала меня мать природа, и конечно такимъ оспалюсь до гроба.

Наконецъ, въ двадцать лѣтъ, считала я себя близкимъ къ великому счастью, но Провидѣніе послало мнѣ величайшее изъ бѣдствій: я лишился матери. Мы гошовой уже были къ ошѣвзду, какъ занемогла она; за болѣзнію послѣдовало видимое изнеможеніе, которое продолжалось полгода; она тихо скончалась на моихъ рукахъ, благословляя и утѣшая меня. Богъ умилился надъ нею и надо мною: она избавлена была горести видѣть меня несчастнымъ, а моихъ бѣдствій не уславиваетъ по крайней мѣрѣ мысль, что мною расшерзана нѣжная душа ея.

Въ первый минушы печали, опецъ мой не думалъ о повѣздкѣ въ Парижъ. Мы повѣхали въ Форезъ, гдѣ полагали развлечъ себя — и на каждомъ шагу вспрѣчали образъ шой, которую оплакивали. Какъ ужасно ошущствіе, производимое смертью! Ошущствіе безъ возврата! Какъ чувствовали мы потерю свою, даже когда считали ее забышою! Все вдвоемъ съ ошцемъ; я не могъ не замѣ-

нашь, что какая-то сухость вкрадывается въ разговоры наши. Только при машущь, рѣшимельность ошца моего и мои мечшы въспрѣчались, не спадывавсь; она между нами быда, какъ бы изъный ошщенокъ, самвающій цвѣшь двухъ яркихъ красоць. Длшаось ея, въ первый разъ почувствововали мы, что часъ двое, и что мы не всегда между собою согласны.

Въ Ноябрь мы поѣхали въ Парижъ. Ошецъ мой осстановился у богашаго ошкупщика, Г. д'Эрбело, брата моей машери. Онъ принялъ насъ родственно въ прекрасномъ своемъ домъ; сналъ давалъ для насъ большія прадмещя, возилъ меня въ спектакли, на балы, показывалъ мнѣ всь Парижскія рѣдкости. Но мнѣ больше всего хотѣлось видѣшь Маршала д'Олоннъ; а онъ былъ въ Фоншенбло, откуда ожидали его черезъ двѣ недели. Это время прошло въ непрерывныхъ увеселеняхъ, шакъ, яцо я начиналъ даже скучашъ въ Парижъ. Наконецъ ошецъ мой долучилъ записку ошъ Маршала, кошорый, уведомляя о своемъ приѣздѣ, приглашалъ его въ шопъ же день къ обѣду. „Привезшите и вандеко Эдуерда“, писалъ онъ. Какъ шронудо мнѣ это выраженіе.

Расскажу вамъ первое мое дошщещеніе въ домъ Маршала, пошому, что я былъ необы-

кновенно пораженъ. Уже привыкъ я къ великолѣпію у дяди своего, Г. д'Эрбело; но вся пышность и роскошь онкупщика, очень богатшаго, ни сколько не походила на благородную вроспону въ залахъ Маршала. Здѣсь прошедшее служило украшеніемъ напольному; ковшны большою частію увѣшаны были фамильными картинами, въ которыхъ представлялись глазамъ лица историческія, драгоцѣнныя для Франціи; старые служители шли впередъ съ докладомъ о посѣщеніяхъ; какое-то чувство почтительности внушалось при переходѣ этого обширнаго дома, гдѣ жила столько поколѣній, дѣлая больше чести богатству и владычеству, нежели опъ нихъ замѣтвуча блескъ свой. Припоминаю до послѣдней мелочи свой первый визитъ; въ послѣдствіи все смѣшалось въ *одномъ* воспоминаніи; но тогда съ живѣйшимъ любопытствомъ разсматривала я, что шакъ часто было предметомъ разговоровъ отца моего.

Въ гостинной нашли мы не болѣе пяти особъ. Маршалъ разговаривалъ съ ними, стоя у каминна; онъ встрѣтилъ отца моего, и взялъ его за руки. „Другъ мой!“ сказалъ онъ ему: „мой любезный другъ! наконецъ то вы съ нами! Вы привезли мнѣ Эдуарда. Знаете ли, Эдуардъ, что вы теперь у чело-

вѣка, кошорый болѣе всѣхъ любилъ вашего
опца, болѣе всѣхъ уважаетъ его добродѣше-
ли, и кошорый обязанъ ему вѣчною благодар-
ностію?" — Я отвѣчала, что меня при-
учили заранѣе къ милостямъ Маршала. „Но
сказали ли вамъ, что я бы долженъ былъ
заспуиить мѣсто опца, если бы вы не сбе-
регли своего?" — „Я не имѣлъ нужды въ
шакомъ несчастіи, члнобы чувствовашъ бла-
годарность!" отвѣчалъ я. — Эши немногія
слова послужили ему поводомъ хвалить ме-
ня. „Какъ онъ хорошъ!" сказала Маршаль:
„крошкая и умная наружность!" — Онъ
зналъ, что хвала меня радовала сердце оп-
ца моего. Разговоръ завязался опять. Я
услышала имена окружающихъ меня особъ;
еще быди все люди, ошличившіе себя на по-
прищъ Наукъ и Литературы, и между
ними одинъ Англичанинъ, знаменитый членъ
оппозиціи. Помню, что говорилъ объ уго-
ловномъ судопроизводствѣ въ Англіи и объ
учрежденіи Присяжныхъ. Я чувствовала, при-
знаюсь, невыразимое движеніе гордости, ви-
дя, какъ при такихъ важныхъ вопросахъ, бы-
ло на счешу мнѣніе опца моего. Его слуша-
ли со вниманіемъ, даже съ почтительностію.
Превосходство его разума, казалось, вдругъ
помѣстило его выше всѣхъ окружающихъ; и
его прекрасныя сѣдины придавали еще болѣе

важности и достоинства всему, что ни говорилъ онъ. Тогда была мода удивляться Англичанамъ. Маршалъ держался ихъ спорнымъ, вступаясь за введенныя въ Англію постановленія, а возражающія особы не совсемъ лозко принимались за свое дѣло. Отецъ мой въ минушу бросилъ свѣтъ на запушанность предмета. Учрежденіе Присяжныхъ призналъ онъ почтеннымъ памятникомъ древнихъ Германскихъ обычаевъ, и выставилъ нововведеніе Англичанъ, какъ знакъ почтительности къ установленіямъ, полученнымъ ими отъ предковъ и оставленнымъ почтительнѣе въ томъ же видѣ, какъ они были нѣкогда; но въ нашемъ судопроизводствѣ показалъ онъ произведеніе болѣе усовершенствованное и достойное образованности вѣка. „Наше судопроизводство“ сказалъ онъ: „имѣетъ основаніемъ честь и уваженіе, сіи великія пружины Монархій (*). Не будемъ осуждать себя напрасно: тамъ, гдѣ судъ образовалъ Моле, Ламуаньона, д'Агессо, нѣчего завидовать другимъ; и если Англійскіе Присяжные оплачиваются почтостью сужденій, это потому, что они выбираютъ изъ сословія людей, притѣвчательнаго въ Англіи особенно своими познаніями и своимъ правдушествомъ.

(*). Моншескю.

Тамъ ушаваы держатся лицами; здѣсь лица заимствуютъ блескъ и цѣнность свою отъ ушавовъ.“ — „Но можешь быть,“ прибавилъ отецъ мой, оканчивая эпоху разговора: „что ихъ поощановенія болѣе годятся для нихъ, нежели наши: нація производитъ законы для себя, и эти законы, плодъ нравовъ и народнаго духа, такъ неощемаемы, что они скороже пожертвуютъ своею независимостію, именемъ, нежели ими.“

При всей важности этихъ преній, они не казались слишкомъ серьезными. Не легкомысліе производитъ легкость въ разговоръ, но точность, которая, какъ молнія, бросаетъ яркій и быстрый свѣтъ на весь предметъ. Я чувствовалъ, слушая отца моего, что ничего нѣтъ разительнѣе, какъ здравомысліе умнаго человѣка.

Я нарочно распространился о нашемъ посѣщеніи, чтобы вамъ показать, какъ много значилъ отецъ мой въ обществѣ Маршала д'Олоннъ. Могъ ли я не находить удовольствія тамъ, гдѣ видѣлъ къ нему любовь и уваженіе, какъ нишадъ ихъ самъ? Предпомятая слова мащери: „вѣйши изъ своего круга!“ я не находилъ въ нихъ смысла. Ничто не было мнѣ чуждо въ домѣ Маршала. Можешь быть даже мнѣ было тушь свободнѣе, чѣмъ въ домѣ Г. д'Эрбело. Какая-шо

просиоша, непринужденность дѣлали для меня домъ Маршала, какъ бы опеческою кровлею. Вскорѣ оны мнѣ сдѣлались еще дороже.

„Наша лія оспалась въ Фонтенебло,“ сказалъ Маршалъ ошцу моему: „сегодня же вечеромъ я ожидаю ее. Вы увидите, какъ она выросла,“ прибавилъ оны съ улыбкою: „помните ли то время, когда говорили вы, что нѣтъ ей подобной, что не найдешь дѣвушки, ея прелестнѣе? Тогда ей было еще девять лѣтъ.“ — „Герцогиня Неверъ общала тогда все, чѣмъ сдѣлалась нынѣ,“ сказалъ мой опецъ. — „Да,“ ошвѣчалъ Маршалъ, „она прелестна; но не хочешь въ другой разъ итти замужъ, и это меня огорчаетъ. Я писалъ вамъ о недавнихъ еще хлопотахъ моихъ по этому; никакъ нехзя преддѣлать ея упорства.“ — Опецъ мой что-то сказалъ въ ошвѣдъ, и мы ушли. — „Я согласенъ съ Герцогинею,“ сказалъ мнѣ опецъ мой: „обвѣчавшись двѣнадцати лѣтъ, она только при адпартъ видѣла своего мужа, котораго, какъ сказывають, былъ недостойнъ ея по многимъ отношеніямъ. Оны умеръ во время своего путешествія. Двѣнадцатилѣтняя вдова, прелестная и свободная, можетъ выбрать для себя мужа, какоо захочетъ; хорошо дѣлаетъ, что не цорочилая, и не

даешь въ другой разъ жершвовашь собою чешолюбію.“

На другой день и я увидѣлъ, въ первый разъ, Герцогиню Неверъ. Ахъ, другъ мой! какъ описашь вамъ ее? Если бъ она была только что прекрасна, только что мила, я нашель бы выраженія, достойныя этого Ангела. Но какъ описашь то, что въ цѣломъ составляло прелесть обворожительную? Увидя ее, почувствоваель я смущеніе, предузнаель судьбу свою; но не думайте, чпобъ я хопя минушу зашруднялся, полюбиль ли ее. Нѣтъ! душа моя обомлѣла, и я не удивлялся тому, что она возбудила во мнѣ. Движеніе невыразимаго счастья овладѣло мною; прошла попка, исчезла пустоша въ сердцѣ, и то безпокойство, которое терзало меня шакъ долга: я нашель, чего искаль, и былъ счастливъ. Не говорите мнѣ о сумасбродствѣ, о безразсудности; не опривдываюсь; всею жизнью плачу за смѣлость, что полюбиль ее. Но я не раскаяваюсь; во глубинѣ души моей сокровище наслажденій, которое сохранию по гробъ. Судьба меня разлучила съ нею; я не былъ ей равный, она унизилась бы, опдавшись мнѣ: дуновение хулы подкосило бы жизнь ея; но по крайней мѣрѣ, я любиль ее, какъ никто, кромѣ меня, не въ состояніи былъ бы любиль ее, и я умру за нее, пошо-

му, что уже ничто не привязываетъ меня къ жизни.

Этотъ первый день, проведенный съ нею, за которымъ слѣдовало сколько другихъ, ознаменованъ по себѣ какъ бы свѣтлую спезю въ моемъ воспоминаніи. Умѣя всему придавать особенную прелесть, она показала это въ разговорѣ съ опцемъ моимъ, котораго старалась занять; говорила ему, что помнишь, какъ онъ училъ ее нѣкогда; повпоряла важнѣйшія наставленія, какія отъ него зашвердила, и выборъ выраженій въ устахъ ея дѣлалъ изъ того какъ бы новыя мысли. Опецъ мой замѣтилъ это, и спалъ говоришь о красотѣ, придаваемой мыслямъ словами. „Все сказано“ прибавилъ онъ: „но неспощимъ образъ изрѣченія.“ Г-жа Неверъ продолжила эшопъ разговоръ. Помню, между прочимъ, какъ она говорила, что родясь недовѣрчивою, вѣряется людямъ по ихъ выговору и физиономіи. При эшихъ словахъ она взглянула на меня, а я почувспвовалъ краску на лицѣ своемъ; она улыбнулась: можель бытъ, въ эту минуспу увидѣла она доказательство своего замѣчанія.

Съ тѣхъ поръ, я каждый день посвщала Маршалевскій домъ. По малой моей довѣрчивости отъ природы, нѣчего было мнѣ притворствовать: мысль, что я могу полю-

быть г-жу Неверъ, была чужда онцу моему, и онъ не пишалъ ни малѣйшаго подозрѣнiя, думая, что въ этомъ домѣ нравится мнѣ общесство, избраннѣйшее во всемъ Парижѣ. Онъ даже радовался тому. Не то, чтобъ недоснавало ему проникательности или шоккаго наблюдательнаго духа, но время спрасшей прошло для него; онъ никогда не имѣлъ сильнаго воображенiя, и почтительность къ приличiямъ равнялась въ немъ чувствамъ религiозности, нравственности и чести. Я также чувствовала, какъ было бы смѣшно имѣть видъ влюбленнаго въ Герцогиню, и скрывалъ во глубинѣ души спрасшь, которая съ каждымъ днемъ возрастала.

Не знаю, есть ли женщины прекраснѣе г-жи Неверъ, но въ ней шолько видѣлъ я соединенiе всего, что нравится. Тонкость ума, простира сердца, важность осанки и привѣтливость обращенiя, вездѣ давали ей первое мѣсто, не возбуждая зависти; она обладала шимъ превосходствомъ, какого никто не оспериваетъ, которое какъ бы служило опорю другимъ и удаляетъ мысль о совѣспничествѣ. Казалось, феи одарили ее всеми талантами и всеми предеспями. Голосъ ея проникалъ мнѣ въ душу и оставлялъ какую-шо сладость, дошодѣ неизвѣспную. Ахъ, другъ мой! что значить жизнь,

когда насладишься чувствами, какия она возбуждала во мнѣ! Какое продолжительное поприще могло бы мнѣ воздѣять за счастье такой любви!

При моемъ положеніи въ свѣтъ, прилично было не часно вмѣшиваться въ разговоры. Маршаль д'Олоннъ, по благосклонности къ отцу моему, иногда упрекалъ мнѣ за мое молчаніе, и я не всегда оппказывалъ себя въ удовольствіи показашъ передъ г-жею Неверь, что самъ имѣю душу, и доспоннъ можешъ бытъ, понимаешъ ее; но бѣльшею частію любилъ я слушаешъ ее: съ какимъ наслажденіемъ вливалъ я въ себя каждое слово, угадывалъ, что хочешъ она сказаешъ, оканчивалъ мысль ея. Я видѣалъ, какъ на челѣ ея отражались впечатлѣнія, получаемыя мною самимъ, и хотя всегда ее угадывалъ, но съ каждымъ днемъ находилъ въ ней все новое.

Одно изъ самыхъ важныаъ отношеній въ обществѣ можешъ родитъ увѣренность, что бываешъ угаданъ такимъ образомъ. Вскорѣ замѣнилъ я, что г-жа Неверь чувствовала, какъ изъ всѣхъ ея словъ ничто для меня не шрелодось. Она рѣдко обращалась ко мнѣ съ вопросамъ, но всегда направляла разговоръ такъ, чтобы я приняалъ въ немъ участіе; старалась удаляешъ отъ него предметы неизвѣстныаъ мнѣ, или сужденія о свѣ-

шѣ, въ кофромъ я былъ новичекъ. Она говорила о Лшперашурѣ; иногда о Франціи, Лионѣ, Оверни; спрашивала меня о нашихъ горахъ, и справедливы ли писанныя объ нихъ замѣчанія. Не знаю, почему-то мнѣ было тяжело, что она такъ занимается мною. Окружавшіе ее молодые люди были всегда очень вѣжливы, и это меня оскорбляло: мнѣ бы хотѣлось, чтобы учтивость съ ихъ стороны была меньше, или чтобы мнѣ позволено было имѣть ее болѣе. Я strada, когда видѣлъ, что на меня обращали вниманіе. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы меня всѣ оставили, въ моемъ безмолвіи уединенно слушашь г-жу Неверъ и восхищашься.

Между молодыми людьми, около нее уживавшимися, особенно двое казались мнѣ замѣчательны. Герцогъ Л* и Князь д'Анришмонъ. Послѣдній изъ дома Béthune, происходилъ отъ великаго Сюлли; владѣлъ несметнымъ богатствомъ, пользовался доброю славою, и я слышалъ о желаніи Маршала, выдать за него дочь свою. Правда, нѣчего было опорочить въ Князь д'Анришмонъ, но не вижу, чтобы было чему въ немъ и удивляшьяся. Все, что ни говорилъ онъ, казалось кспати и врилно сказано; за то ничто невольное не обнаруживало въ душѣ его болѣе того, что дано ему было воспитаніемъ.

емь или навывкомъ въ свѣтъ. Эпошъ навывкъ былъ великъ: въ его объемъ надлежало ис-кашь и того, чѣмъ иногда случалось Князю себя выказашъ. Требовалось ли сужденіе о хорошемъ или дурномъ поступкѣ — Князь безошибочно указывалъ почву, съ колпорой надлежало смощрѣшь; но все, даже восхищеніе, было въ немъ поддѣльно; онъ зналъ чув-ства, но никогда не испытывалъ ихъ; и въ спрасши дышалъ онъ холодомъ; а думая шушишь, наводилъ скуку, пошому, что поль-ко истина умиляетъ сердце, непризнающее другой надъ собою власпи, кромѣ происпе-кающей ошъ него самого.

Я предпочиталъ Герцога Л*, хотя въ немъ были тысячи недоспашковъ. Безразсу-денъ, насмѣшливъ, безтолковъ, легкомысленъ, за всѣмъ нѣмъ любилъ онъ добро, и лице его вѣрно отражало получаемыя имъ впечатлѣ-нія, которыя впрочемъ, при его вѣщрено-сти, не были продолжительны. Но онъ имѣлъ душу, а эшого довольно, чшобъ привлекашь къ себѣ людей. Вся жизнь для него казалась пиршествомъ — шакъ много заботился онъ объ весельѣ; въ непрерывномъ движеніи, пе-редешалъ онъ съ мѣсна на мѣсно, какъ бы за самыми важными дѣлами; прѣвзжалъ все-гда поздно, хотя въ пятьдесятъ минушь по-спывалъ изъ Версаля; входилъ съ часами въ

рукъ и, рассказывая что нибудь забавное, такъ что всѣ должны были хохотать. Великодушный и роскошный, Герцогъ Л* презиралъ жизнь и деньги. Хошя по и другое распочалъ онъ часто недосстойнымъ пожертвованія образомъ, но, признаюсь къ стыду своему, меня восхищало такое пренебреженіе къ вещамъ, сшоль дорого цѣнимымъ людьми. Есть что-шо прквлекательное въ челоувѣкѣ, когда онъ ставишь себя выше прелятствій; и если кто съ великимъ духомъ подвергаетъ опасности жизнь свою на конскомъ бѣгѣ, или кидаетъ все богатство свое на карту, шрудно вѣришь, чтообъ онъ еще съ большимъ удовольствіемъ не пожертвовалъ шѣмъ и другимъ въ случаяхъ важныхъ. И такъ Герцогъ Л* нравился мнѣ больше, чѣмъ Князь д'Анришмонъ; но я не могъ бышь недо-воленъ ни копорымъ изъ нихъ. По милости Маршала, я посшавленъ былъ въ такія оцношенія въ его общесшвахъ, что неравенство мое не было ни сколько чувствшпельно. Въ первые дни я нимало не думалъ объ эщомъ первенствѣ, но потомъ оно сильно стшало тяготѣшь на мнѣ. Я ушѣнгалъ себя умствованиями; но воспоминаніе о г-жѣ Неверъ лучше всего пособляло мнѣ. Думая объ ней, я легко забывалъ все, и объ ней думалъ я каждую минушу.

Однажды былъ общій разговоръ о г-жѣ Б*, которая не отходила отъ посели г-жи д'Анвилъ, искренней подруги своей, лежавшей тогда въ оспѣ. Всѣ хвалили такую преданность, и приводили много примѣровъ нѣжной дружбы между женщинами. Я стояла у камина, подлѣ кресель г-жи Неверь. — „У васъ я не вижу настоящей подруги?“ сказала я ей. — „Моя истинная подруга,“ отвѣчала она: „сестра Герцога Л*. Мы дружны съ дѣтства; но теперь я боюсь, не пришлось ли намъ очень надолго разстаться съ нею. Маркизь С* Министромъ въ Голландіи, и она уже съ полгода въ Гагъ.“ — „Похожа ли она на своего брата?“ — „Не совсѣмъ: въ ней столько же кротости, сколько въ немъ вѣтренности. Для меня большая потеря, что ея здѣсь нѣтъ.“ — примолвила г-жа Неверь: „Она мнѣ очень нужна. Въ ней мой разумокъ, и я никогда не имѣла другаго, никогда не принимала на себя труда имѣть его; теперь же, когда я одна, ни на что не могу рѣшиться.“ — „Я бы не предполагала такой нерѣшимости въ вашемъ характерѣ“ — сказала я. — „Ахъ,“ возразила она: „какъ легко скрывать свои недоспашки въ свѣтѣ! Всякій носитъ почти одинакое платье, а проходящіе не имѣютъ времени замѣчать, что есть разность въ

лицахъ.“ — „Благодарю же Бога, что я воспитанъ полудикимъ,“ отвѣчала я: „по вѣщанью свѣтъ не представляется мнѣ въ такомъ скучномъ однообразіи; напрошивъ, я удивляюсь тому, что двухъ лицъ нѣтъ схожихъ.“ — „Спало бышь,“ сказала она: „вы имѣете время размашривашь; а когда въ пятьдесятъ минуть пріѣзжаютъ изъ Версаля, какъ же хотите вы, чтобы можно было видѣть предметы на поверхности?“ — „Но, увидя васъ, по неволѣ остановишься всякій.“ — „Вошь и ласканельство!“ сказала она: — „Ахъ,“ вскричала я: „вы вѣрно знаете, что это искренность?“ Она не отвѣчала, а спала говорить съ другими. Цѣлый вечеръ мечтала я о сказанномъ: мнѣ казалось, что весь свѣтъ меня угадывалъ.

На другой день отецъ мой былъ не очень здоровъ; но чтобы не лишитъ меня удовольствія, онъ приневолилъ себя итти со мною на обѣдъ къ Маршалу д'Озоннѣ, куда мы были званы. Никогда умъ его не развертывался съ такою свободою и блескомъ, какъ въ этотъ день. Многие иностранцы, бывшіе за обѣдомъ, не могли скрыть своего изумленія, и говорили между собою, какъ я слышала, что такой человекъ занялъ бы первыя мѣста въ Англіи. Разговоръ заштанулся надолго; наконецъ все общество разошлось;

опецъ мой оставался послѣдній; когда же собрался и онъ, Маршалъ просилъ его прийти на другой день. На другой день! Великій Боже! для него не было уже другаго дня. Въ свѣняхъ, сказалъ онъ мнѣ: „я чувствую, что мнѣ дурно!“ и опершись на меня, упалъ въ обморокъ. Прибѣжали слуги; одни спѣшили уведомить Маршала, другіе перенесли опца моего въ сосѣднюю комнату. Его положили въ постель и оказывали ему всевозможныя пособія. Г-жа Неверъ распорядилась съ удивительнымъ присутствіемъ духа. Вскорѣ пришелъ домашній хирургъ Маршала, и видя, что больной не выходитъ изъ обморока, предложилъ пустить ему кровь. Но мы ждали Троншеня, за кошорымъ послала г-жа Неверъ. Сколько доброты оказала она при этомъ скорбномъ одрѣ, подлѣ кошораго имѣла видъ ангела, нисшедшаго съ неба! Оледѣнѣлыя руки опца моего брала она и согревала въ своихъ. Ахъ, какъ бы не возвратиться жизни на такой призывъ! Но все осталось безполезнымъ. Пріѣхалъ Троншень и не подалъ никакой надежды. Кровоопусканіе на минушу возвратило чувства. Опецъ мой открылъ глаза; онъ успремилъ на меня попухшій взоръ свой, и на лицѣ его изобразилась мучительная шоска. Маршалъ его поидлъ; онъ схватилъ его руку и мою. „Другъ

мой!“ сказалъ онъ: „будьте покойны; Эдуардъ будетъ моимъ сыномъ.“ — Глаза отца моего выразили благодарность; но вскоре исчезли въ немъ слѣды жизни; онъ испустилъ глубокой сонъ, и его не спало! Какъ изобразить вамъ ужасъ этой минуты! Но я и не могу никакъ; я бросился на трупъ отца моего, и потерялъ вдругъ память и чувство своего несчастія. Очнувшись, я увидѣлъ себя въ гостиной, и мнѣ казалось, будто пробуждаюсь отъ сна; но подлѣ меня стояла г-жа Неверъ въ слезахъ. Маршалъ д'Олоннъ сказалъ мнѣ: „мой милый Эдуардъ, у тебя остался еще отецъ.“ — Это слово напомнило мнѣ, что все кончилось. Ахъ, я еще сомнѣвался! — Какова была горестъ моя, другъ мой! Убитъ, уничтоженъ, я рыдалъ, но жестокое бремя, давившее грудь мою, не уменьшалось. Долго оставались мы въ безмолвіи; я былъ благодаренъ, что не старался утѣшать меня. — „Я потерялъ друга всей моей жизни,“ сказалъ наконецъ Маршалъ. — „Онъ вамъ обязанъ былъ послѣднимъ утѣщеніемъ,“ отвѣчалъ я. — „Эдуардъ!“ сказалъ мнѣ Маршалъ: „съ сего дня я заснуцдю мѣсто того, кого вы лишили; останься у меня; я приказалъ, чтобы тебѣ приготовили комнаты моего племянника, а къ г-ну д'Эрбедо послалъ я Аббата Терсье

съ извѣсіемъ о нашемъ несчастіи. Мой милый Эдуардъ! я не спану дѣлать тебѣ проспоудныхъ упѣшеній, но вспомни, что швой отецъ былъ Христіанинъ; ты Христіанинъ шакже; на томъ свѣшѣ соединимся всѣ.“ — Видя, что я плачу, онъ сжалъ меня въ своихъ объшяхъ. — „Бѣдный сынъ мой,“ сказалъ онъ: „я хочу тебѣ упѣшпш, но мнѣ самому нужно упѣшеніе! — Мы впади оппш въ безмоавіе; я хотѣлъ благодарпш Маршала, но могъ шолько плакаш. Среди печали моей, какое-то сладостное чувство проскальзывало однако въ мою душу; слезы, которыя видѣлъ я на глазахъ г-жи Неверъ, уже были для меня упѣшеніемъ; я упрекалъ себя имъ, но не могъ его не чувшшвовашъ.

Оспавшпсь одпш въ своей комнаш, я бросплся на колѣна; спалъ молишся за отца моего, или лучше молиш отца моего. Увы! онъ усвпалъ добродѣтелями продоашшпельный пушъ своей жизни, а я начиналъ свой пушъ, видя предъ собою шолько бури. Я уклонялся благоразумныхъ совѣшовъ его, говорилъ я самъ себѣ, но что начну шеперь, когда нѣшъ пушеводпшеля, нѣшъ судпш посшпупковъ моихъ, кромѣ самого меня! Я скрывалъ онъ него свои сердечныя заблужденія, но все былъ онъ пушъ на мое спасеніе — онъ былъ моя сила, мой разумъ, швер-

досць моя; съ нимъ потерялъ я все. Что буду дѣлать въ свѣтѣ безъ его опоры! я ничего не значу — только имъ значилъ я; его нѣтъ, и я остаюсь одинъ, какъ вѣтвь, ошорванная отъ дерева и унесенная вѣтромъ. Слезы мои полились оляшъ; я припоминалъ свое дѣшество; оплакивалъ снова мать свою — печали неразрывны: одна возбуждаетъ другую! Углублясь въ мрачныя свои мысли, долго оставался я неподвиженъ, и въ какомъ-то изнеможеніи, обыкновенно слѣдующемъ за великими горестями; мнѣ казалось, что я лишился способности мыслить и чувствовать; наконецъ случайно поднимаю глаза, и взоръ мой падаетъ на портретъ г-жи Неверъ. Недосшойный сынъ! Смогля на портретъ, я забылъ на минушу объ опцѣ своемъ! Что же была она для меня? Какъ! и одна мысль о ней удаляла отъ меня горчайшее изъ всѣхъ бѣдствій! Другъ мой! простиупокъ, въ кошоромъ сознаюсь вамъ, будете предметомъ вѣчныхъ для меня угрызений. Нѣтъ, я не чувствовалъ печали о смерти опца моего! Я измѣрялъ всю великость своей потери; я оплакивалъ ее; воспоминаніе о ней раздирало мою душу, и я отдавалъ бы тысячу разъ жизнь свою, чпобъ искупить нѣсколько дней изъ его жизни; но когда видѣлъ г-жу Неверъ, не могъ не быть счастливъ.

Покойный въ завѣщаніи своемъ изъявилъ желаніе быть погребену подлѣ моей матери; я рѣшилася проводить шло его въ Ліонъ. Исполненіе сей обязанности нѣсколько облегчало мою душу. Удаленіе отъ г-жи Неверъ могло доспашочно наказати меня за то счастье, какое вопреки себѣ чувствовалъ я въ ея присущствіи. Кромѣ того опецъ мой завѣщаль мнѣ кончить дѣла по опекѣ сиротѣ, оставшихся послѣ одного изъ его друзей; мнѣ пріятно было повиноваться его волѣ; но все манила меня мысль, что я скоро возвращусь, буду жить подлѣ одною кровлею съ г-жею Неверъ, буду видѣть ее каждый часъ — и мое преступное сердце пренепамо отъ радости!

Наканунъ моего опъѣзда Маршалъ д'Олонъ былъ въ Версали; я обѣдалъ одинъ съ г-жею Неверъ и Аббатомъ Терсье. Эшопъ Аббатъ жилъ у Маршала лѣтъ пятьдесять, и былъ еще чѣмъ-то при его воспитаніи; за это вознаградили его хорошимъ пенсіономъ и спокойствіемъ на весь опашокъ дней его. Онъ опправлялъ должность капеллана, и въ гостинной у Маршала былъ, какъ мебели, кошорья украшали ее — почти также и неподвижемъ. Продолжительная привязанность и привычка сдѣлали существо Аббата до того неразрывнымъ съ Маршалскимъ

домомъ, что у него не было другихъ видовъ и радостей, кромѣ шѣхъ, кошорые относилась къ его хозяйству; но и въ шомъ принималъ онъ участіе, соразмѣрное своему неприхотливому разсудку, и воображенію, умѣренному пятидесятилѣтнею зависимостію. По характеру былъ онъ очень сговорчивъ; готовъ играть въ шахматы, въ шракпракъ, или размашивать шелкъ г-жи Неверъ, и если только онъ хорошо пообѣдалъ, шо нѣхъмъ въ свѣшѣ не могъ быть недоволенъ. И шакъ, наканунѣ моего ошѣзда, видя, что г-жа Неверъ не хочеть двлать никакого упопреленія изъ маленькихъ его шаншовъ, Аббашъ усьлся въ большія кресла подлѣ камина, и заснулъ глубокимъ сномъ. Такимъ образомъ я оспался почти одинъ на одинъ съ шюю, кошорой принадлежало мое сердце. Но, вмѣсто счастья, какого бы надлежало мнѣ ожидать, мною вдругъ овладѣло какое-шо невыразимое смущеніе. Я потупилъ глаза и молчалъ. Она прервала наше безмолвіе: „въ кошоромъ часу думаете ѣхать, завшра?“ спросила она. — „Въ пять часовъ,“ ошѣчалъ я; если бѣ мнѣ здѣсь начать день, шо не знаю, собрался ли бы я выѣхать. — „Когда же возвратитесь вы?“ — „Надобно исполнить волю ошца моего, но я полагаю, что это не продолжится болѣе двухъ

недѣль, и еще время будешь шакъ плянушься, чшо, я надѣюсь, мнѣ доспанешъ его на дѣла мои.“ — „Будете ли въ Форезъ?“ — „Думаю бышь мимоходомъ на возвращномъ пути, но не хочу шамъ оспанаваивашься.“ — „Развѣ не желаете увидѣть опять мѣсто, гдѣ провели свое дѣшство? еще наслаждение для всякаго!“ — „Не знаю, чшо со мною сдѣялось,“ воскликнулъ я; „но мнѣ кажется, я совсѣмъ не имѣю воспоминаній!“ — „Посшарайшесь найши ихъ для меня,“ сказала она. „Развѣ не хотише познакомитъ меня со днями вашего дѣшства и вашей юности? Вы теперь сынъ опца моего — мнѣ должно все знать, чшо до васъ касаеться.“ — „Я все забылъ; мнѣ кажется, я началъ жить пому назадъ два мѣсаца.“ — Она замолкла на минутцу; потомъ спросила меня: „неужели свѣшь успѣлъ изгладитъ прошедшее изъ моей памяти?“ — „Ахъ, не свѣшь!“ воскликнулъ я. — Она продолжала: „Я не шакъ, какъ вы: до семи лѣтъ роста у моей бабушки въ Фоверанжѣ, въ одномъ старомъ замкѣ, въ самой глуши Лиможскаго края, я помню все, до малѣйшей подробности, даромъ, чшо была еще шакъ мала; и теперь какъ будшо смопрю на шамонную кашшановую рошу, на длинныя гошпическія залы, убранныя оружіемъ, какъ бы въ рыцарскіа

времена. Мнѣ кажется, къ мѣстамъ также привыкаюшся, какъ и къ друзьямъ, и съ нѣмъ воспоминаніемъ тѣсно связаны всѣ впечатлѣнія, какія въ нихъ получались. — „Прежде и я по же думалъ, но теперь самъ не знаю, что я думаю, и что я такое.“ — Она покраснѣла; потомъ сказала: „понцише въ вашей памяти; можете быть она берегла вамъ случаи, если чувства, ими возрожденныя, изъ нее изгладились. Если вы хопише, чтобъ я иногда объ васъ думала, когда вы увидите, надобно же знать мнѣ, гдѣ *оасѣ* *озять*; — надобно, чтобъ я знала все прошедшее въ вашей жизни.“

Я спалъ рассказывалъ ей о своемъ дѣшшвѣ, и все то, что содержить въ себѣ начало этой пещради; она слушала меня со вниманіемъ, и я видѣлъ слезу на глазахъ ея, когда дѣло дошло до перевороша, произведеннаго во мнѣ спасеніемъ жизни бѣднаго дитяти. Мои воспоминанія не такъ-то были изгладжены, какъ я думалъ, и подлѣ нее находилъ я тысячу новыхъ впечатлѣній ошъ предметовъ, къ коимъ былъ совершенно равнодушенъ прежде. Мечтанія моей юности какъ бы изяснялись новымъ чувствомъ, какое испытывалъ я, и вдругъ смущенные призраки моего воображенія получили, казалось, жизнь и форму.

Аббашъ проснулся при окончаніи моего расказа. Вскорѣ пріѣхалъ и Маршалъ. Онъ и г-жа Неверъ просились со мною, какъ нельзя ласковѣе. Отъ него получалъ я приказаніе поспѣшишь, какъ возможно, моими дѣлами; а въ мое опсеульствіе обѣщаль онъ заняться моею участью. Я не просилъ у него объясненія эсихъ словъ. Г-жа Неверъ ничего не сказала мнѣ: она взглянула на меня, и я прочелъ нѣсколько участія въ глазахъ ея — или мнѣ шакъ показалось; но какъ сожалѣлъ я о прерванномъ разговорѣ нашемъ! Однако я былъ доволенъ собою: я думалъ, что не сказала ей ничего, и что она не могла меня угадывать. Такъ успокаивалъ я свое сердце. Мысль, что она можетъ подозрѣвать спрасъ мою, пугала меня, и мнѣ казалось, что все будущее мое счастье зависитъ шолько отъ храненія сердечной моей тайны.

Я исполнилъ печальную обязанность, которую возложилъ на себя, и въ продолженіе путешествія былъ не шолько мучимъ воспоминаніемъ о г-жѣ Неверъ. Образъ покойнаго отца моего изглаживалъ всѣ другія впечатлѣнія; любовь часто смѣшивалась мыслью о смерти съ мыслями о счастьи; но не въ погребальномъ своемъ шествіи смерть манила меня — нѣтъ! Любовь ищетъ въ смер-

ти идеи о вѣчности, о безконечномъ, о неразрывномъ союзѣ, — она бѣжишь отъ уединеннаго гроба.

Въ Лионѣ нашелъ я опять берега Роны и свои мечтанія. Тушь г-жа Неверъ владѣла надъ моимъ сердцемъ болѣе, нежели когда либо. Я былъ далеко отъ нее, не могъ опасаться измѣнить себя, и не полагалъ уже никакого препятствія стращи, которая снова овладѣла всею моею душою. Углубясь въ единственную мысль, занявшись однимъ воспоминаніемъ, я опять жилъ въ свѣтѣ, созданномъ самимъ мною и совершенно отличнымъ отъ существеннаго. Я видѣлъ г-жу Неверъ, слышалъ ея голосъ, пренебалъ отъ ея взгляда, часпо въ сердечномъ умиленіи проливалъ слезы радости — отъ радостей мечтательныхъ. Сидя на камнѣ среди лѣса, или одинъ въ своей комнатѣ, я проводилъ такимъ образомъ цѣлые дни бесполезно. Зная, что мое возвращеніе въ Парижъ зависить отъ окончанія дѣлъ моихъ, я не могъ приняться ни за одно, чувствовалъ себя неспособнымъ и все откладывалъ до завтра; просилъ, чтобы мнѣ дали время, и все время употреблялъ на любимѣйшее свое занятіе, — мечталъ безъ помѣхи о томъ, что единственно наполняло мою душу. Иногда кто нибудь входилъ въ мою ком-

нашу и удивлялся, видя, что я нестерпѣливъ и встревоженъ, какъ будто мнѣ помѣшали. По видимому, я ничѣмъ не былъ занятъ; но каждую минушу развлеченія, хоша бъ и насмѣявшимся дѣломъ, считалъ я потерянною. Такъ провелъ я два мѣсяца. Наконецъ дѣла, порученныя мнѣ покойнымъ опцемъ, кончились, и я вырвался изъ Ліона. Съ какимъ восхищеніемъ вошелъ я опять въ домъ Маршала д'Олоннъ; но радость моя была непродолжительна. Я узналъ, что г-жа Неверъ отправляется черезъ два дня въ Гагу, для свиданія съ подругой своей, г-жею С*. Я не могъ скрывать печали своей; иногда казалось мнѣ, что такая же печаль замѣтна и въ г-жѣ Неверъ; но она почти не говорила со мною — суровость въ обращеніи, какой-то холодность ко мнѣ — я не узнавалъ ея, и не угадывая причины такой переменны, былъ въ опчаяніи.

Съ ея отъѣздомъ я совершенно предался унынію. Мои мечтанія не были, какъ въ Ліонѣ, любимѣйшимъ моимъ занятіемъ; я выходилъ, искалъ развлеченія, чтобы заглушить ихъ. Меня безпрестанно мучила мысль, что я возбудилъ неудовольствіе г-жи Неверъ, и невозможность угадать, въ чемъ я былъ виновенъ. Маршалъ приписывалъ смерти отца моего уныніе, въ которомъ видѣлъ

меня. „Наше несчастье,“ сказалъ онъ мнѣ однажды: „сдѣлало большое впечатлѣніе и на мою Напалію: она не можешь оправиться; съ тѣхъ самыхъ поръ все въ задумчивости, въ изнеможеніи. Надѣюсь, что путешествованіе принесетъ ей пользу. Голландія прелестна весною; г-жа С* успокоитъ ее, а новые предметы послужатъ ей къ разсѣянію.“

Эти немногія слова Маршала повергли меня въ новую пелену. Такъ съ кончины отца моего г-жа Неверъ впала въ такое уныніе! Но почему же? чпо я ей сдѣлалъ? Она ко мнѣ перемѣнилась — въ это время былъ я очень увѣренъ, и это приводило меня въ отчаяніе.

Маршаль, по своей обыкновенной благосклонности, старался развлечь меня: посылалъ меня въ спектакли, посылалъ смолвѣтъ все, что казалось ему достойнымъ вниманія и любопытства; спрашивалъ меня о томъ, что я видѣлъ, разговаривалъ со мною, какъ бы отецъ мой, и для ободренія меня къ откровенности, увѣрялъ, что эти разговоры его занимаютъ, и что моими впечатлѣніями молодѣютъ собственныя его чувства. Маршаль, не бывъ Министромъ, завѣдывалъ множествомъ дѣлъ. Какъ искренній другъ Герцога д'А*, онъ слылъ за довѣренную особу у Двора болѣе, нежели сколько самъ заботился

приобрѣсть эту довѣренность; однако важныя мѣста, имъ занимаемыя, давали ему возможность оказывать не бездѣльные услуги. Вся Гвіана, кою онъ былъ Губернашоромъ, имѣла въ немъ прибѣжище. Почти все упрощенно принималъ онъ посѣщителей; четыре раза въ недѣлю занимался своею корреспонденціею, очень обширною: два Секретаря работали въ одномъ изъ его кабинетовъ, но меня часто оставялъ онъ въ шомъ, гдѣ писалъ самъ. Онъ говорилъ со мною о дѣлахъ, коими занимался, съ полною откровенностію. Иногда заставлялъ меня писать секретныя записки, или дѣлалъ замѣчанія на ввѣренныя мнѣ бумаги, которыя нужно было оставить вшайнѣ. Я былъ бы очень благодаренъ, не чувствуя такого предпочтенія и не считая его лестнымъ. Конечно за благосклонность Маршала былъ я обязанъ опцу моему, но шѣмъ не менѣе надлежало мнѣ быть благодарнымъ. Я старался показывать себя достойнымъ довѣренности, коюрой доказательство получалъ безпрестанно, и Маршаль говорилъ мнѣ иногда шономъ, напоминающимъ опца моего, что онъ доволенъ мною.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

II.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

О царствъ прозябаемыхъ въ Европѣ.

(Изъ Риттера.)

Царство прозябаемыхъ расселено природою, при наблюдени особенныхъ законовъ, по всей землѣ, — по долинамъ, горамъ, утесамъ, въ пещерахъ, подъ морскою поверхностію. — Только ледовитыя страны Альпійскія и сѣверныя не имѣють никакихъ растений.

Соразмѣрно съ теплошою увеличивающся число растений и внутренняя ихъ жизненная сила: на Шпицбергенѣ найдено только 30 родовъ дикихъ растений, въ Лапландіи 534, въ Исландіи 553, въ Швеціи 1299, въ Бранденбургскомъ Маркѣ 2000, въ Піемонтѣ 2800, на берегу Коромандельскомъ 4000, на Ямайкѣ и Мадагаскарѣ 5000. Въ холодныхъ климахахъ большую часть растений составляютъ грибы, лишай, мхи, — меньшую деревья и кусты. Въ теплыхъ климахахъ много деревьевъ, кустовъ, папоротниковъ, растений вьющихся, чужездныхъ, сочныхъ, лилій, пальмъ, и растений съ надрѣзными и ребристыми листьями.

Гористыя страны имѣють болѣе растеній, нежели *равнины*, — *первобытныя горы* гораздо болѣе, нежели *флецовыя*; по всѣмъ симъ имѣспамъ распушь растенія различныя, нныя на границѣ, другія на извести; горныя растенія имѣють растеніе болѣе губчатое и сочное, нежели растенія равнинныя. Природа слѣдовательно, предписала растеніямъ *опредѣленныя границы*; не многія растенія переходяшь чрезъ оныя, *переселяются и распространяются далѣе* чрезъ горы, страны, моря, часши свѣта (изъ Лапландіи въ Африку); — легкокрылыя сѣмена березы и многія другія — въпрямь, спремленіемъ рѣкъ и потоковъ (сѣмя ольхи), — изліяніемъ моря, которое почши на всѣ берега выбрасываетъ чуждыя сѣмена (Вестъ-Индскія на Норвежскіе берега, Африканскія на Итадіанскіе, Испанскія и Французскія на Англійскіе, Нѣмецкія на Шведскіе), преимущественно же *промыслительною рукою человека*, который, напримѣръ, нѣжныя хлѣбныя породы разсадилъ по многымъ поясамъ и на всякой почвѣ.

Его спараніемъ опдѣляюшся растенія, способныя къ *искусственному воспитанію* (*Kulturgewächse*), отъ *дикихъ*. Сіи послѣднія имѣють свои *опредѣленныя* (хотя менѣе, нежели у жившихъ) страны или *Флоры*, въ

конхъ посажены, кажется, самою природою. *Многія полезныишія* изъ первыхъ могутъ, подобно домашнимъ живошнымъ, разводиться въ разныхъ поясахъ и странахъ. *Дикія растенія* сначала распространились, вѣроятно, съ главныхъ горъ, и по онымъ образовалось въ Европѣ пять главныхъ Флоръ, кои имѣють подъ собою опредѣленное пространство земли и собственно свои породы растеній: 1) *Сѣверная Флора*, простирающаяся по Даніи, Россіи, Швеціи, сѣверной Англіи и Шотландіи; 2) *Гельведская Флора* распространилась наиболѣе по всей Германіи (кроме Австріи), Пруссіи, Польшѣ, во всей Франціи, исключая южную часть и Нидерланды. 3) *Австрійская Флора* — по Моравіи, южной Польшѣ, Венгріи, Молдавіи, Валахіи, Булгаріи, Сербіи, Босніи, Далмаціи, Славоніи, Истріи. 4) *Пиренейская Флора*, по всей Испаніи, Балеарскимъ островамъ, и вѣроятно, также по Португаліи. 5) *Аппенинская Флора* — по всей Италіи, Сардиніи, Корсикѣ и части Сициліи. Гдѣ сѣи Флоры сходятся, тамъ онѣ бывають смѣшанныя, какъ Флоры всѣхъ приморскихъ странъ.

Разность растеній зависитъ не отъ однихъ полосъ земли, но опредѣляется также и разностию возвышенія почвы надъ морскою поверхностію. Прозабненіе уменьшаетъ

ся, по мѣрѣ какъ высота горъ увеличивается; на горѣ, по расшеніямъ можно узнать различные климаты до самаго холоднаго; сперва прекращается хлѣбопашество, вмѣсто онаго являюся луга и лѣсъ; листвен- ный лѣсъ дѣлается уродливѣе, кривѣе, а хвой- ный все еще продолжается. Наконецъ де- ревя заключаюся кривымъ лѣсомъ, попомъ слѣдующъ Альпійскія расшенія и лишай, кои распушъ и цвѣшущъ до предѣла вѣчныхъ снѣговъ; — посему многія расшенія, распу- щія въ Лапландіи и Исландіи на ровномъ по- лѣ, распушъ на горахъ Швейцарскихъ, рас- шенія Норвежскія на Пиренеяхъ, а Исланд- скій мохъ на горахъ Асшурійскихъ.

Такимъ всеобщимъ закономъ и при сихъ условіяхъ, развилось прозябеніе по всей Ев- ропѣ.

Примѣчаніе 1-е. Европейскія расшенія, говоря вообще, суть самыя обыкновенныя на всемъ земномъ шарѣ.

2-е. Расшеніе выноситешь попомъ климаты, въ коемъ цвѣшетешь шакъ, какъ въ своей ош- чизнѣ, приноситешь зрѣлыя сѣмена, и шакимъ образомъ размножается.

Хлѣбныя растенія.

I. Рожь, *secale cereale*, растеть дикая на Кавказѣ, воздѣлывается, хотя часто при худомъ урожаѣ, до полярнаго круга, исключая Исландію, впрочемъ и тамъ, и даже подъ 68° около Колы, цвѣла она нѣсколько разъ и приносила спѣлыя сѣмена; гораздо же чаще она не удаеться. По 65° , удаеться она чаще и созрѣваетъ въ 7 — 8 недѣль; часто зеленое сѣмя покрывается снѣгомъ и пожинаеться уже на другой годъ весною. Сіе растеніе воздѣлывается преимущественно въ умѣренной Европѣ, но также и на югѣ, на высокихъ горахъ; на равнинахъ Португальскихъ, рожь колосится уже въ Февраль и Мартъ.

II. Овесъ, *avena vulgaris*, воздѣлывается до 65° въ Норвегіи и Швеціи; до 63° въ Россіи; на высокихъ Нѣмецкихъ Альпахъ по 47° заключаетъ земледѣліе, на высотѣ 3300 футовъ отъ поверхности морской.

III. Ячмень, *hordeum vulgare*, воздѣлывается вообще въ меньшемъ количествѣ, нежели рожь, до 62° съ вѣрнымъ успѣхомъ, а даѣе до 63° , даѣе до 65° , неудачно; ячмень поспѣваетъ въ Колѣ подъ 68° , по крайней мѣрѣ отчасти; на Феррерскихъ островахъ удаеться только рѣдко. Достопримѣчательное время, опредѣленное для жизни сего расте-

нiя климатомъ; подъ 58°, ему нужно ошъ 13 до 14 недѣль для созрѣнiя, а подъ 65°, только 6 или 7 недѣль.

IV. Пшеница, *triticum aestivum et hibernum*, яровая и озимая пшеница, воздѣлывается до 62° въ Россiи, впрочемъ не въ такомъ количествѣ, какъ рожь и ячмень, ибо часто бываетъ неурожай; въ южной Россiи родится она сама-двадцатая. Всего болѣе воздѣлывается она въ южной Европѣ; жатва бываетъ уже въ Маѣ или Юнѣ. • Колосы въ Калабрiи въ 10 — 12 больше, нежели въ Германiи.

V. Просо, *panicum miliaceum*, растенъ дикое въ южной Россiи; на югъ воздѣлывается много, но недалѣе 55° на сѣверъ.

VI. Манникъ права, *festuca fluitans*, не обрабатывается нигдѣ, но растенъ дикая въ Финляндiи, Нордландiи, Данiи и умѣренныхъ и сырыхъ странахъ Европейскихъ.

VII. Мансъ или кукуруза, *zea mays*, Американское растенiе, воздѣлывается во всѣхъ южныхъ странахъ, начиная ошъ 50°, въ Португалiи, Испанiи, восточной Францiи, Италiи, Германiи, Швейцарiи, Турцiи, Венгрiи и южной Россiи.

VIII. Сарачинское пшеко, *oryza sativa*, начали воздѣлывать въ Италiи въ 1696 го-

ду, въ Испаніи, Венгріи и Турціи, но недалеко 47° на сѣверь.

IX. Колоснякъ, *climus ageranius*, находится во множествѣ на всѣхъ песчаныхъ морскихъ берегахъ, даже на Исландіи употребляется вмѣсто ржи.

X. Греча, *polygonum fagopyrum*, съ 15 столѣтія перешла изъ Азіи и Греціи въ Европу, расшлась почти вездѣ дикая на сухой почвѣ, до 60°.

Огородныя растенія.

I. Картофель, *solanum tuberosum*, расшеть до 66° въ Финмаркѣ, и до 63° въ Россіи. Шишки его величиною въ Грецкій орѣхъ, а по большей части въ горошину. Вообще воздѣлывается до 69°. Американское растеніе, явившееся въ Европѣ съ 1623 года.

II. Горохъ, *pisum sativum*, воздѣлывается до 62°. Но часто шерпится много отъ холода.

III. Волошскій горохъ, *cicer arietinum*, заступает его мѣсто въ южной Европѣ.

IV. Огурецъ, *cucumis sativus*, разводится легко до 65°, наприм. въ Архангельскѣ; подь 66°, въ Сибири съ помощію садовника.

Дыня, *cucumis melo*, разводится до 45° и далѣе, на открытой почвѣ, при Черномъ морѣ, въ Италіи, Испаніи и Венгріи и ш. д.

V. а. Тыква, *cucurbita pepo*, до 60° в Россіи.

б. Арбузь, *cucurbita citrullus*, разводятся до 52 северной широты, хотя и рѣдко; въ Валахїи и Россіи въ большомъ количествѣ.

Виноградъ, *vitis viniferae*, до 50° воздѣлывается во всей Европѣ съ успѣхомъ, исключая сѣверныя около Наумбурга, Дрездена, Торна, Мелника. Въ южной Россіи винодѣліе начинается еще юнѣе, по Волгѣ при Царичинѣ, по Днѣпру до Кіева.

Плодовыя деревья.

I. а) Вишня, *prunus cerasus*, во множествѣ въ креснянскихъ садахъ въ Упландіи, въ Финляндіи до Якобшамма, до 60° в Россіи; ее должно впрочемъ тщательнѣе предохранять отъ холодныхъ вѣтровъ.

б) Слива, *prunus domestica*, столько же далеко на сѣверѣ, въ множествѣ на Киннекулъ въ Швеціи; въ Норвегіи удаются она еще на высотѣ 1000 футовъ; она особенно хорошо между 55 и 45; въ сѣверахъ, болѣе къ югу, лежащихъ, почти дикія.

II. Яблоня, *prunus malus*, груша *prunus somatica*, въ Швеціи до Стокгольма, впрочемъ рѣдко приносятъ хорошія плоды; въ Россіи

до 55° очень обыкновенны; лучшие плоды во всей южной Европѣ.

III. Волошскій орѣхъ, *juglans regia*, находится въ Германіи даже до Ютландіи, только врозь и разводится неуспѣшно. Въ Россіи уже подъ 50° подверженъ очень часто холоду.

IV. Каштанъ, *fasus castanea*, кое-гдѣ встрѣчается въ садахъ въ Тавридѣ и въ южной Россіи; въ Германіи до 50° и не далѣе на сѣверъ, и тамъ уже часто претерпѣваетъ поврежденіе отъ холода. Самый сѣверный каштановый лѣсъ находится подъ 50° около Краненбурга предъ возвышенностію на Майнѣ.

V. Миндаль, *amygdalus communis*, разводится до 50° на открытомъ полѣ; какъ въ Пфальцѣ; въ странахъ, далѣе къ югу лежащихъ, располагается почти вездѣ; между утесами къ Тавридѣ, дикій.

VI. Смоква, винная ягода, *ficus carica*, до 46, слишкомъ даже до 50°, въ некоторыхъ мѣстахъ на открытомъ полѣ. Въ Тавриѣ дикая и безъ воздѣлыванія не приноситъ плодовъ; разведеніе винной ягоды въ Адгарвін, южной Испаніи, Гренадѣ и Валахіи, на югъ отъ Аппенинскихъ горъ, въ Архипелагѣ, важно; на Маіоркѣ и Мальтѣ превосходные плоды.

VII. Шелковичное дерево или тушь, *molus alba* и *nigra*, собственно удаётся счастливо въ масляномъ климатѣ; разводится впрочемъ до 53° въ Россіи, и даже сѣвернѣе, болѣе для листьевъ, нежели для плодовъ. Это есть прохладительный сочный овощъ въ южной Европѣ до Кандіи.

VIII. Гранатъ, *punica granatum*, посвящается еще по 46° въ Альпійскихъ долинахъ, въ Крайнѣ. Въ Испаніи, Португаліи, Провансѣ, на островѣ Маіоркѣ и ш. д. повсемѣстно.

IX. Масличное дерево, *olea europaea*; съ нимъ начинается теплѣйшій климатъ южной Европы; впрочемъ оно разводится тамъ не вездѣ и только немногія благословенныя долины доставляютъ превосходное масло на сѣверъ отъ Серре-да Герецъ, около Бордо, Тулузы и Ліона; отъ Милана до Аппенинъ нѣтъ маслянаго дерева. Но есть оно около Триеста и Фіуме, въ Далмаціи и въ Тавридѣ. Впрочемъ здѣшнее масло не годится. Дикая маслина, *eleagnus angustifolia* до 50° въ Россіи и Богеміи.

X. Лимонъ, померанецъ, апельсинъ растутъ отъ 3° до 46° на открытомъ воздухѣ, но тамъ должно охранять ихъ отъ сѣвернаго вѣтра. Собственный климатъ для сихъ дорогихъ плодовъ начинается съ 41 — 31 съ

осирововъ Горскихъ и Тосканы. Плоды сіи бывають безчисленныхъ родовъ (*argenti*.)

XI. Сладкіе рожки, *segetonia siliqua*, принадлежатъ къ красивѣйшимъ деревьямъ Европейскимъ, на югъ ошь Серра до Араббиды, въ Португаліи, Сициліи, Апуліи, Валенціи, на островѣ Криту въ великомъ множествѣ.

XII. Финики, *phoenix dactylifera*, около Лиссабона, Гибралшара, въ Калабріи и Сициліи весьма много. Тамъ же бананы, *musa paradisiaca*, обь тысячами въ дикомъ состояніи, напр. около Валенціи. Они не приносятъ впрочемъ споль хорошихъ плодовъ, какъ Индійскія.

XIII. Европейская пальма, *chamaecors humilis*, очень обыкновенная въ южной Испаніи.

Торговья растеній.

I. Ленъ, *linum usitatissimum*, въ холодныхъ странахъ удешся лучше, нежели въ шеплькѣ; въ Финляндіи очень много; замерзають въ Воспючной Ботніи. Въ Россіи до Костромской и Ярославской губерній; южнѣе воздѣлывается по всей Европѣ до Алгарбіи и Кандіи.

II. Конопля, *cannabis sativa*, въ умеренной Европѣ растенъ дикая; разведеніе оной до 63 и 66° сопряжено впрочемъ съ затрудне-

ніями. Въ южной Россіи, Альзации, по Гароннѣ, въ Калабріи и Валенціи преимущественно важна.

III. Хлопчатая бумага, *gossypium herbaseum*, воздѣлывается въ Тавріи; въ Украинѣ еще замерзаетъ; въ южной Венгріи, Македоніи, на островѣ Кандіи, Мальтѣ очень много, а въ Сициліи и Неаполѣ мало; въ другихъ частяхъ Италіи совсѣмъ нѣтъ; въ Валенціи и Гренадѣ до 43° .

IV. Табакъ, *nicotiana tabacum*, по всей южной Европѣ; до 63° въ Финляндіи, въ Россіи повсемѣстно, въ странахъ, не слишкомъ далеко на сѣверъ лежащихъ; разводится въ Европѣ съ 1560 года.

V. Хмѣль, *humulus lupulus*, весьма много въ сѣверныхъ степяхъ до 62° .

VI. Солянка, *salsola soda*, до 50° , а ниже по всѣмъ берегамъ Европейскимъ, болѣе или менѣе; особенно много сего растенія до 20 породъ, на соляныхъ степяхъ въ южной Россіи, гдѣ ими исключительно покрыты всѣ поля; также около Валенціи, Аликанша, въ Калабріи, и ш. д. Сюда же принадлежатъ богатые соляныя растенія ежевникъ, *apabasis arphylla*, и 8 породъ солоника.

VII. Сахарный тростникъ, *saccharum officinarum*, неудачно принимается въ Европѣ, впрочемъ очень много разводится въ Грена-

дѣ, около Тарронга, въ Сициліи и на острове Маіоркѣ.

VIII. Камышевая прость, agundo donax, въ Гренадѣ и Калабріи.

IX. Сипшикъ, сурегус раругус, разводится еще въ Анапѣ, около Сиракузъ и въ Калабріи.

X. Стольшникъ, agave Americana, во множествѣ около Лиссабона, въ Валенціи и Калабріи, гдѣ стволъ сего дерева употребляется на спроеіе, а листья на шелковые чулки и шурки.

XI. Толстолышникъ, cactus oruntia, растетъ на югѣ большими куршинами и приноситъ съдобные плоды.

Если по вышеписаннымъ произведеніямъ опредѣлять физическіе климаты, то слѣдующія растенія представляютъ пособіе преимущественно для назначенія пограничныхъ линій, считая осьъ съвера къ югу: рожь пшеница, яблонь, груша, вино, благородные плоды, сахарный шросшикъ.

М. П.

ПОЛИТИКА.

Примѣръ неустройства, общаго республиканскому правленію, какъ аристократическому, такъ и демократическому, и гивельныхъ его послѣдствій.

(Изъ Греческой Исторіи — знаменитаго Англійскаго Историка Гилкса.)

Во время войны Пелопоннесской, Корцинеъ былъ союзникомъ Лакедемонянь, а островъ Корцира, нынѣшній Корфу, споборникомъ Аеніянь. Тогда Коринейне взяли въ плѣнь около тысячи двухъ сотъ Корцирянь. Многіе изъ сихъ людей происходили отъ значныхъ родовъ: обстоятельство, на кошоромъ Коринеское Правительство основывало свой обширный планъ хитрости и честолюбія. Корциряне, вмѣсто того, чпобъ чувствовать жестокость плѣна, или испытать любую свирѣность республиканской ярости, обласканы были щедрою и любезною пріязнію Греческаго гостепріимства. Коринейне, снискавъ услужливостію ихъ довѣренность, внушили имъ въ нескромные часы веселаго пиршества опасностъ и несчастіе ихъ свя-

зи съ городомъ Аеннами, всеобщимъ пиратомъ своихъ союзниковъ, и представили имъ поспыдную неблагодарность, что осматривающъ Коринѣвъ, коему Корцира одолжена была не только прежнимъ своимъ благоденствіемъ, но и первоначальнымъ бытіемъ и поселеніемъ. Сии увѣренія, въ приличное время повпоренныя, съ великою хитростію усиленныя, наконецъ достигли своего дѣйствія. Корциряне получили свободу и возвратились въ отечество, гдѣ, подъ видомъ, собранія суммы въ восемь сотъ талантовъ для своего искупленія, не упустили ничего къ уклоненію Корциры отъ стороны Аеннской.

Первый способъ къ исполненію сего намѣренія было злословіе на вождей народныхъ, бывшихъ швердыми защитниками поей Республки. Обвиненія, доносы, всѣ хитрости и шокосши судебного гоненія были на нихъ направлены, успремлены. Демагоги, которые по свойству своему не могли сносить шаковыхъ оскорбленій, обратили ихъ на своихъ противниковъ съ равнымъ остроуміемъ, но гораздо съ большимъ успѣхомъ. Пней, отличнѣйшій поборникъ Аенскаго или демократическаго сконица, обвинялъ предводителей противоположной крамолы въ томъ, что они: испровергнули огра-

ду Юпишеровой роши; прѣстѹпленіе, за которое Корцирскій законъ полагалъ тяжкое наказаніе деньгами. Тщешно обвиняемыя лица опровергали сей доносъ; щещно, послѣ явнаго оправданія предъ Сенатомъ, прибѣгали, какъ просители, къ пребищамъ. Не могли они получить никакого облегченія денежной пенн. Демагогъ былъ непреклоненъ, и силою своею съ поварищами въ Сенатъ, въ кошоромъ случилось бытъ ему въ потъ годъ Членомъ, рѣшилъ исполнить законъ съ величайшею строгостію.

Аристократическіе сообщники, ожесточившись сею суровостію и не сомнѣваясь, что Правительство погдашняго Сената воздвигнешъ на нихъ еще многія подобныя гоненія, всшупили въ заговоръ для защиты себя и своего опечества ошъ пришѣснительнаго неправосудія Аеннъ и Аеннскихъ единомышленниковъ. Въ семъ случаѣ дѣйствовали они, какъ люди, знавшіе опасность оплагашельства. Подкрѣдивъ сторону свою довольнымъ числомъ приверженцевъ, они вооружились скрышными кинжалами, внезапно вшоргались въ Сенатъ, и убили Пнеюа съ шестидесятью его друзьями. Дерзосишь сіа поразила прошивниковъ ужасомъ. Тѣ лица, кошорыя чувшвовали себя болѣе ненавидимыми злоумышленникамъ, непосредственно

бѣжали къ пристани, съли на суда и отпра-
вились въ Аены.

Корцирскій народъ, такимъ образомъ лишившись вождей своихъ событіемъ нечаяннымъ, равно какъ и жестокимъ, пришелъ въ такое изумленіе, что потерялъ всю возможность дѣйствія. Прежде, нежели онъ оживилъ духъ свой спозыко, чтобъ принять нужныя мѣры къ спасенію или защитѣ, прибытіе Коринѣскаго корабля и Лакедемонскаго посольства ободрило его противниковъ къ покушенію на его испребленіе. Нападеніе было учинено въ часъ полнаго народнаго собранія; поржище, или общественная площадь, представляла зрѣлище ужаса; по спогнамъ Корцирскимъ лилась кровь ручьями. Беззащитные граждане не могли проши-
воспашъ таковой внезапной и непредвидѣнной ярости. Съ шрепетомъ бѣжали съ поржища и улицъ широкихъ. Нѣкоторые овладѣли крѣпостью; другіе Гилейскою пристанью, и вообще заняли, къ вечеру, высшія и оптаденнѣйшія часни города. Противники ихъ овладѣли торговою площадью, вокругъ которой стояла большая часть ихъ домовъ, или собрались въ главной пристани, лежащей къ Эпиру, отъ котораго они ожидали помощи. День слѣдующій былъ проведенъ въ сомнишельныхъ спычкахъ и въ шре-

бованіи пособія изъ деревень отъ крестьянъ
 или рабовъ, кои были главнѣйшими земле-
 пашцами того острова. Сіи естественнo
 прислали къ сторонѣ народной. Корцирскія
 женщины съ жаромъ пріобщились къ тому
 же скопищу, и поддерживали смятеніе боль-
 ше, нежели съ женскою неустрашимостію.
 День прошелъ безъ дѣйствія. Сообщники Ари-
 шокрашіи были подкрѣплены восемью спа-
 ми споборниковъ изъ земли Эпирской. Но
 въ слѣдующемъ сраженіи многочисленность и
 ярость рабовъ, пользуясь настоящимъ слу-
 чаемъ испиты за варварское безчеловѣчіе
 господамъ своимъ, и неустрашимая ревность
 женщинъ содѣлали друзей свободы совершен-
 но побѣдоносными. Побѣжденные устреми-
 лись къ шоржищу и великой приспани. Но
 они опшчались удержашъ даже сіи мѣста, и
 чинобъ избѣгнушъ предстоящей смерти, за-
 жгли окрестные дома, кошорые, будучи объ-
 яны пламенемъ, представляли недолимую
 преграду несповспву нападающихъ. Луч-
 шая часть Корциры такимъ образомъ въ
 одну ночь разрушена, дома, лавки, магазины
 и многоцѣнные шовары, всѣ сожжены, и
 если бы воспочный въшрь усидилъ пожаръ-
 шо весь городъ въ короткае время обрашпа,
 ся бы въ пепель. Посреди сего, смущнаго и
 ужаснаго зрѣлища, Коринеская галера съ вой-

скомъ вспомошательнымъ изъ Эфира, удалась въ смятеніи ошь мѣста, осужденнаго къ неизбѣжному разрушенію.

Въ слѣдующій день прибыли изъ Наупакша двѣнадцать Аѳинскихъ галеръ, на коихъ было, сверхъ обыкновеннаго комплексна людей, пять сотъ тяжело вооруженныхъ Мессинянъ. Никоспратъ, начальствовавшій симъ вооруженіемъ, по первому извѣстію о возмущеніи, посѣвшиль съ величайшею скоростію къ подкрѣпленію спороны Аѳинской и Демократіи. Онъ имѣль счастье не только предупредиль Пелопоннзскій отрядъ, ко-го съ великою заботливостію ожидалъ непріятель, но найти своихъ друзей уже торжествующими. Однако, шо было ирачное торжество надъ блескомъ своего отечества, которому грозила совершенная погибель, въ случаѣ нескорого укрощенія раздоровъ. Никоспратъ не упустиль ничего къ исцѣленію ранъ исперзаннаго общества: Власнію, просьбами и повелѣніями олъ преклониль споряція спороны помириться между собою, и возобновишь союзъ съ Аѳинами. Кончивъ счастливо сіе дѣло, олъ заботиляся о своемъ отправление; но вожди народныя предложили ему оставишь у нихъ пять его судовъ, къ отвращенію непріятеля олъ иноваго какого либо сматженія, а въ замѣль взяли ошь ихъ

павъ, на которме имѣють бышь посажены
 люди для служенія въ назначенномъ имъ мѣ-
 стѣ. На сіе предложеніе онъ согласился, и
 Корцирине опредѣлили мореходцевъ къ ош-
 навшію съ Никосшрапомъ. Назначенные въ
 сію службу были всѣ до одного сообщники
 Олигархія (малоначалия) и Лакедемова: об-
 щнодѣльство, родившее въ нихъ справедли-
 вую боязнь, чшобъ ихъ не перевезли въ Аѳи-
 ны и, вопреки свящосши договоровъ, не осу-
 дили на смерть. Они бѣжали въ капище Ка-
 естора и Поддукса. Никосшрашь едва могъ
 уврѣненіями выващъ ихъ изъ сего убѣжища;
 но всѣ его слова и кляшвы не могли убѣ-
 дить ихъ къ ошпавшію. Противная сторо-
 на утверждала, чшо сіа недовѣрчивость об-
 наруживаешъ не шодько сознаніе вины про-
 шавшей, но упорное умышеніе на зло буду-
 щее, и умершвила бы ихъ непосредственно
 кинжалами, если бы Никосшрашь за нихъ
 не вступился. Ущрашенныя сими дѣйстви-
 ями, несчастныя жершвы народныхъ подо-
 зрѣній и злобы, собрались, числомъ до чешм-
 рехъ сошь, и удалились, какъ просищели, въ
 капище Юпрны. Изъ сего убѣжища уговари-
 ли ихъ выйши и перевезли на ближній осп-
 ровъ, или лучше скаду, малую, безводную и
 необитаемую. Тамъ они ошавались чешмре.

дня, получая только жизненные потребности и нетерпеливо ожидая судьбы своей.

Въ семь положеніи дѣль увидѣли приближеніе многочисленнаго флота съ юга. То была долго ожидаемая эскадра пятидесяти трехъ судовъ, подъ начальствомъ Алкида и Бразида. Съ несчастною медленностію, сопряженною со всѣми мѣрами споборничества, сей отрядъ прибылъ слишкомъ поздно къ подкрѣпленію ослабѣвшей стороны друзей своихъ. Однако вожди Пелопоннезскіе еще льстились предать своихъ непріятелей бесполезному, но пріятному ищенію. Чшобы совершить сіе предпріятіе, они приготоуились къ нападенію на пристань Корцирскую, когда все было въ безпорядкѣ и смятеніи. Островиане имѣли шестидесять судовъ, годныхъ къ мореплаванію, на которыхъ они съшли съ чрезвычайною поспѣшностію, и поспешенно выходили, какъ случилось имъ бытъ гошовыми. Горячіиость ихъ и нетерпѣніе опвергали благоразумный совѣтъ Никостраха, который одинъ спокоенъ и непоколебимъ посреди зрѣнща нечаянной опасности, увѣщевалъ ихъ держаться пристани, доколь всѣ не будутъ гошовы выспуашивъ въ боевой порядокъ, при чемъ великодушнo предлагалъ имъ, съ двѣнадцатию своими гале-

рами выдержать первое нападеніе непріятеля.

Пелопоннезцы, замѣшивъ непріятельскій опрядъ въ разсѣяннѣ и безъ подкрѣпленія, раздѣлили свой собственннй флотъ на двѣ эскадры. Одна, состоявшая изъ двѣнадцати галеръ, напала на Корцирянь; другая, послѣвавшаяся до шридаши прехъ, силалась окружить Аеинянь. Но искусство Аеинскихъ мореходцевъ разрушило сіе покушеніе: Фроншь ихъ прошаулся въ шаковомъ же порядкѣ и съ равною скоростію. Они вдругъ успремилась на противоположныя крылья Пелопоннезскаго флота, преградили имъ движеніе, и искусно обняли ихъ со всѣхъ сторонъ, надвѣясь напшиснушь ихъ суда одно на другое и привеспи въ повсемѣстное разстройство. Суда, гнавшіяся за Корцирянами, примѣшивъ сіи дѣйствія, оставили преслѣдованіе и обрашались къ поддержанію главной эскадры; потомъ пригошавались со всеми силами успремилсь на Аеинянь. Сіи благоразуно уклонилась превосходной силой: но слава ихъ ошспуленія равна побѣдѣ. Они благовременно перемѣнили свои кормила. Медленно и правильно удалилась, и такимъ образомъ прикрыли ошспуленіе своихъ Корцирскихъ союзниковъ, которые, пошерявъ

уже принадецать судовъ, не были въ состояніи возобновить битву.

Корциряне, достигши приешани, еще боялись, чтобы непріятель, пользуясь побѣдою, не вышелъ на берегъ и не устремилъ даже на городъ. Но мужественные совѣты Бразида, сильно представлявшаго послѣднюю мѣру, были отражены боязливостію и неспособностію Акида. И для того Корциряне воспользовались настоящимъ случаемъ перевезти модельщиковъ съ необитаемаго острова ко храму Юноны, въ чаяніи, что они меньше туть подвержены открытію и взятію на флотъ Пелопоннезскій. На другой день Корциряне вступили въ примиреніе съ сими несчастными, и даже многихъ изъ нихъ приняли на тридцать судовъ, снаряженныхъ ими съ поспѣшностію, для послѣдней обороны острова. Между тѣмъ, Пелопоннезцы, еще опираемые малодушными совѣтами Акида отъ нападенія на столицу, насыпили свою злобу въ страны смежныя. Но передъ разсвѣтомъ наступающаго дня они спрехожены были фонарями на сѣверномъ берегу Левкадіи, которые означали приближеніе Аоніакаго флота, изъ шестидесяти судовъ состоявшаго.

Положеніе нападаемыхъ было тогда крайне опасно. Если бы они выплынулись въ

море, но принужденны были бы встрѣпить непреодолимую храбрость Аѳинянъ; если бы плавали на высотѣ берега, то приневолены бы были бороться не только съ силою Аѳинъ, но и со злобою Корциры. Одна только мѣра обѣщала безопасность; мѣра сія была принята немедленно. Проплывъ вдоль берега къ Левкадіи, они перетянули суда свои черезъ перешеекъ, посавъ погрязшій въ море, тогда соединявшій полуостровъ, нынѣшній островъ Левкадія съ прилежащими берегами Акарнаніи. Оттуда, пройдя узкое море, отдѣляющее соседственныя острова оныя суши, удалились скрытно и достигли безопасно Цилленской пристани.

Демократическая сторона въ Корцирѣ скоро узнала о бѣгствѣ непріятеля и увидѣла приближеніе Аѳинскаго флота, подъ предводительствомъ Эвримедона. Сія счастливая событія, долженствовавшія въ великихъ душахъ изгладить мрачныя впечатлѣнія непріязни и мести, дали только способъ Корцирянамъ раскрыть глубину злаго своего характера. Они повелѣли штрицати галерамъ выходить по очереди на смотръ, и по мѣрѣ, какъ находили своихъ непріятелей, казнили ихъ непосредственно смертію. Пятидесять дмѣншихъ гражданъ, обнимавшихъ жертвен-

ники въ капищѣ Юноны, выманены изъ ихъ убъжища, и въ то же мгновеніе убишы.

Хищность и коварство вымышляли предлогъ къ наглости, между тѣмъ, какъ каждый угождалъ собственнымъ спрашаніемъ и насыщала мщеніе на своихъ личныхъ непріятеляхъ. Возмущеніе ежечасно свирѣпѣло съ бѣльшою силою; смѣшеніе распространялось; весь городъ исполнился съшованія и ужаса. Жершвенники и кумиры боговъ были окружены модельщиками, кромѣ даже ужасы суевѣрнаго вѣка не могли быть защищеною. Несчастныя жершвы были извлекаемы изъ самыхъ честныхъ капищъ, а спѣны ихъ и помосты обогрены кровью гражданъ. Многіе спасались произвольною смертію отъ лютоши непріятелей. Въ каждомъ домѣ, въ каждомъ семействѣ зрѣлища предсказывались самшкомъ ужасныя для описанія. Родители, дѣти, братья и мнимые друзья пользовались возделаннымъ мгновеніемъ къ насыщенію своей скрышной злобы, и къ совершенію неизреченныхъ беззаконій. Безчувственный Эвримедонъ, коего сердце было поерашленіемъ человѣческой природы, не изъяслялъ ни малѣйшей способности, либо наклонности оспановишь убійство. Въ продолженіе шестидесяти дней, какъ флотъ его сползъ въ Корцирской пристани, дѣйствовашели сей пла-

чавной трагедіи непрестанно увеличивали мерзость своего злодѣйства и изощрялись въ ухищреніяхъ своего злѣшства. Спиральная пищма настала по сей бурѣ. Пяньсошь приверженцевъ Аришпокрашін бѣжали на берегъ Эпирскій, и Аонскій флотъ удалился.

Бѣглецы, видѣши того, чшобъ радовашься своей безопасости, мыслили шолько о мщеніи. Послали ходашаевъ въ Лакедемонъ и Коринѣ. Описывая свои спраданія изумленнымъ Эпирошамъ, они возбудили въ нихъ соболѣзнованіе, и снискали ихъ пособіе. Свирѣпость господствѣннаго скопища въ Корцирѣ увеличила число изгнанниковъ, копорые наконецъ находили себя довольно смѣлыми для нападенія на ошпровъ, и для его завоеванія. Съ самой минушы своего изгнанія, они опустошали его, выходя изъ судовъ, и для того опшправились къ нему со всею своею силою въ лодкахъ, доставленныхъ имъ варварами. Припавъ къ Корцирѣ, гребцы устремилась съ шакою быспрошою къ берегу, чшо сокрушили множество судовъ своихъ въ дребезги; прочія сожгли, презирая безопаснсть, если не купяшь ее побѣдою. Сія опшчаянная мѣра опшправила сопрощивленіе; они вышли на сушу, овладѣли горою Истоною и ее укрѣпили: швердое огражденіе въ сосѣдствѣ города, опшкуда они разо-

рляк землю и подвергал своихъ непріятелей многимъ бѣдствіямъ войны и голода.

Общее расстройство увеличило мѣру нашей. Пламя гражданского раздора, которое никогда совершенно не угасало, возникло въ стѣнахъ города. Злоключеніе Корцирянъ клонилось къ отчаянію, когда Аенскій флотъ о сорока судахъ явился на высоту берега. Симиъ вооруженіемъ начальство вали Эвримедонъ и Софокль. Главное его назначеніе было противъ Сициліи, но ему велѣно было зайти въ Корциру, и устроить дѣла сего острова. Нечаянное пособіе дало средство осажденнымъ сдѣлаться осаждаемыми. Вышнія укрѣпленія и обороны горы Истомы поспешенно были взяты; и отряды, ихъ защищавшіе, одинъ за другимъ удалялись къ возвышеннѣйшимъ частямъ горы, наконецъ къ самой вершинѣ. Наконецъ и отсюда уже они были вытѣснены и доставались въ руки непріятелей, ожесточенныхъ безчисленными пораженіями, имъ нанесенными. Успрашенные сею мыслию, они просили у Аенянъ пощады, и сдались Эвримедону и Софоклу на условіи, чтобы Аенскій народъ рѣшилъ ихъ участь. Они посланы плѣнниками на малый островъ Пшикію, доколь не представится случай перевести ихъ въ Аены, и велѣно имъ не двигаться, подѣ

опасеніемъ упраздненія пощадъ, имъ дарованной.

Если бы злость Корцирскаго народа не превзошла обыкновенной степени человѣческаго разврата, то лютость его была бы укрощена нечаяннымъ оборотомъ счастья въ его пользу. Но первое его попеченіе было преградить сомнительное милосердіе Лемни и сдѣлать погибель прошивниковъ неизбѣжною. Сіе звѣрское намѣреніе исполнено съ коварствомъ ужаснымъ, по особенному сопряженію всего дикаго въ свирѣпости и гнуснаго въ вѣроломствѣ. Черезъ вѣрныхъ посредниковъ, отправленныхъ тайно на Шшихію, вожди народнаго скопища уведомили главныхъ плавниковъ, жившихъ съ ними въ мирныя времена дружески, что Лемниане рѣшились предать ихъ всѣхъ безъ разбора ярости черни. Изъявляя сильное сожалѣніе, что люди, въ коихъ они прежде принимали столь важное участіе, должны разделить общее бѣдствіе, они всячески ихъ увѣщевали помысливъ о своемъ спасеніи, и обещали прислать имъ корабль для какого предпріятія. Черезъ извѣстное безчеловѣчіе Эврижедона коварство сдѣлалось успѣшнымъ. Корабль уже отправлялся съ острова; капитуляція такимъ образомъ нарушена, обольщенныя жертвы сквачены при самомъ отплытіи,

окрованы и преданы въ руки неумолимыхъ непріятелей.

Аѳинскіе военачальники, Эвримедонъ и Софокль, споспѣшествовали обману потому, что они, бывъ обязаны пышью въ Сицилію, ревновали чести, какую могли пріобрѣсти ихъ преемники доставленіемъ пѣнниковъ въ Аѳины. Для угожденія сему безпримѣрному малодушію, они допустили невозвратныя варварства.

Несчастные узники сперва заключены были въ пещищу. Извлекаемые ошпуда сряду по двадцати, они, съ завязанными руками, принуждены были попарно проходить между рядами своихъ непріятелей, вооруженныхъ бичами, вилами и всякими орудіями наглою и уничижительной муки. Злополучные, оставленные въ шюртъ, долго не знали позорнаго безчеловѣчія, перзавшаго ихъ шоварицей; но когда увидѣлиась о тѣхъ ужасныхъ поруганіяхъ, то опрелись оставишь свое заключеніе, охраняли его входъ и единогласно предлагали себя Аѳинянамъ на умерщвленіе. Но Аѳиняне не имѣли ни челоуѣчества, ни швердоси покусьшь на шакое звѣрство. Корцирская чернь не дерзала и ненадѣлась къ нимъ пробѣшь. Народъ взявъ по стѣнамъ на пещищу, разбросавъ крышку, и заваливъ узниковъ камнями, копылами и шпрѣ-

лами. Сіе оружіе было губительно многимъ, а инымъ подавало средство губить себя самихъ или другъ друга. Они преклоняли главы свои, обнажали груди, открывали шею, взаимно вынуждая, жалобными или неистовыми воплями, роковое пораженіе. Цѣлая ночь (ибо ночь уже настала) была проведена въ семь смертномъ страшилищѣ, а утро представило позорище слишкомъ разшельное для описанія. Ожесточенныя сердца Корцирянъ были неспособны къ состраданію или къ чувствамъ совѣсти; но утомленные глаза ихъ не могли сносить зрѣлица: вѣзли они шѣла своихъ согражданъ, шо бездыханныхъ, шо умирающихъ, свалили на шельги и вывезли за градскія стѣны.

Такимъ образомъ прекрашился мятежь въ Корциръ; но слѣдствіа его нескоро кончились. Зараза того злополучнаго острова родила государственную болѣзнь, распространяющую ядовитое дѣйствіе свое по всей Греціи. Аристократическія, а еще болѣе народныя Правительства сей страны, всегда были подвержены возмущенію, которое при всякомъ случаѣ возгоралось и пылало въ мятежахъ. Но сіе болѣзненное стремленіе, среднее учрежденію Республикѣ, въ послѣдствіи исторгалось въ опаснѣйшихъ явленіяхъ, обнаруживалось въ знаменіяхъ ужаснѣйшихъ.

Во всякой Республнкѣ и почти въ каждомъ городѣ, честолюбивые и коварные находили готовое покровительствво Афинъ или Спарты, смотря, какъ ихъ корытолюбивыя и злодѣйскія намѣренія были прикрываемы предлогомъ поддержать преимущества благородныхъ, или утвердить права народа. Добродѣтельная и кропкая Аристократія, равенство и непристрастная свобода — были цвѣты, служившіе къ оправданію насилія и раскрашенію злодѣйства. Подъ благовидными покрывалами блестящихъ именъ расщепительный убійца спасался отъ докучательствъ своего заимодавца. Отецъ съ жестокосердымъ безчеловѣчіемъ наказывалъ сына за сумасбродное распутство; сынъ мстилъ отцу своему за суровую строгость отца-убійцы. Пренія общественнаго собранія рывались мечемъ. Не довольствуясь побѣдою, люди жадали крови. Повсемѣстное разстройство ниспровергало законы. Порядочное шеченіе событій было превращаемо. Чувства и умъ потеряли свою естественную силу, а слава общее свое значеніе. Несмысленность и безуміе шоржесшвовали надъ способностями и усовершеніемъ нравственности: ибо, между шѣмъ, какъ коварные и остроумные ставили хитро-сплешенныя связи врагамъ своимъ, люди шущихъ я гру-

быть умовъ непосредственно прибѣгали къ мечу и князю. Сія удачная дерзость почтпалась смѣлою храбросцію; звѣрство принимало названіе мужества; возмущительность и честолюбіе признавались патріотизмомъ и великодушіемъ; вѣроломство именовалось благоразуміемъ, коварство — мудростію; каждый порокъ облакался въ одежду всякой добродѣтели, а правосудіе, крошость, честоусердчіе очернялись, какъ слабость, шрусость, малодушіе и хладнокровіе къ общественному благу. Таковъ былъ развратъ чувствій и мнзній, и такова была порча языка, сперва рожденная въ безчашствѣ Греческихъ мншежниковъ, потомъ принимаемая въ образецъ и точное подражаніе недобрыми и возмущительными послѣднихъ временъ, сколько женоподобная жмъженность нынѣшнихъ нравовъ позволяеть, — бѣдшвенныя, пагубныя мечны и призракн, които замѣ люди обольщають и погубляютъ себя самихъ и общество.

Съ Ан. Василій Солоновичъ.

6

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Н Ъ Ч Т О О П Е Р С І Я И.

Россійское воинство было всегда побѣдоносно въ Персіи. Устройство шамоцкихъ войскъ, образъ войны далеко отстали отъ совершенства, и долго еще Персіане не въ состояніи будутъ проповоноспавить оружію нашему сильнаго сопротивленія. Надобно отдать имъ справедливость: они довольно отважны, славные вѣдоки, и первый огонь встрѣчаятъ иногда мужественно; но ихъ легко смѣшатъ и жаръ ихъ скоро протмваетъ. Въ войнѣ, кромѣ подчиненности и безпрекословнаго повиновенія, нужны единодушіе, безкорыстіе и болѣе всего приверженность къ опечешву; но этими чувствами не могутъ гордиться Персіане. Гдѣ собешвенность не обезпечена законами, гдѣ жизнь гражданина часто зависить отъ прикоши какого нибудь Хана, и гдѣ наконецъ ни-кто не можешь надвѣяться на вѣрность предположеній своихъ о выгодахъ жизни, тамъ угасаетъ всякое благородное чувство; каждый старается только о пріобрѣшеніи богатства, чтобы успѣвъ насладиться насшоа-

щимъ; одно себялюбіе управляетъ всѣми поступками его, и на бѣдствія согражданъ и опеченства онъ смотритъ равнодушно. — Онъ никогда не возвысится до того, чтобы умѣть пожертвовать спокойствіемъ и жизнью для общаго блага.

О военной силѣ Персіанъ путешественники говорятъ разное. Остановимся на одномъ изъ послѣднихъ, Шведскомъ Маіорѣ Гейденшаммѣ (*): вошь, что говоритъ онъ въ запискахъ своихъ: „Принцъ Аббасъ - Мирза много спарается объ устройствѣ войскъ на Европейскій манеръ. Французскіе офицеры, прибывшіе съ Французскимъ Посланникомъ Гарданомъ, сославили нѣсколько полковъ и, между прочимъ, 20 эскадронвѣ копьеносцевъ. Потомъ десять офицеровъ Ост-Индской Компаніи (**), уговорили Принца дать войскамъ сямъ новое образованіе, и сдѣлаю много перемены.

(*) Nouvelles Annales des Voyages, Novembre 1825.

(**) Между прочими отличившій, Поручикъ Ландсейтъ, котораго видѣло наше Россійское Посольство въ Персіи въ 1817 году. (Благопачтенный 1826 N VIII.) Онъ пользуется особеннымъ уваженіемъ Аббасъ-Мирзы, который далъ ему обширную власть надъ вѣрными ему войсками.

„Вся армія состоишь изъ 25 тысячъ хорошо образованныхъ воиновъ, которые, за исключеніемъ шапокъ и панталонъ, одѣши по-Европейски. Они получаютъ содержаніе ошь Принца, которому однако жъ, Шахъ не увеличиваетъ доходовъ, такъ, что онъ не можеть дѣлать новыхъ устройствъ, и иногда войска не получаютъ за цѣлый годъ жалованья. Гвардія состоишь изъ 12 тысячъ, и занимаешъ столицу и окрестности; получаешъ очень большое жалованье: по десяти томановъ, до 400 франковъ, каждый солдатъ. Конницы: Кулакъ-Шахъ, или невольниковъ Шахскихъ, счищается 6000. Куларъ-Туфенъ-кіе, или невольниковъ, вооруженныхъ мушкетонами, до 40.000. Впрочемъ, по закону Магомета, всякій долженъ бытъ воиномъ (*).

„Артиллерія въ дурномъ состояніи. Въ послѣднюю войну Персія съ Русскими у нее

(*) Скопъ-Варингъ, бывшій въ Персіи въ 1802 году, пишетъ, что когда Шахъ выходитъ въ поле, всѣ Серъ-Кердери (Сердари) или начальники войскъ получаютъ приказаніе собрать свои команды, за герность коней ручающа заложники, и въ нѣсколько дней являешся оны 40 до 50 тысячъ человекъ. Кроме сѣхъ войскъ ещъ берутъ лучшихъ воиновъ или Наренной гвардіи; *Голанъ Шахъ*: оны состоишь изъ 20.000; изъ нихъ избрана 4000, одѣшихъ великолѣпно и оплачивающихся своевольствомъ и надменностію.

было много пушекъ; но онъ всѣ почти потерялъ. Пошомъ Осиѣ-Индская Компанія подарила Шаху 50 чугунныхъ пушекъ, которыми составляють всю Персидскую артиллерию. Въ Таврисѣ нашлось еще нѣсколько. Есть три роты, довольно хорошо образованныя. Но вообще артиллеристовъ у нихъ почти нѣтъ.

„Всякій солдатъ можетъ владѣть всѣмъ, что достанется у непріятеля; имѣеть даже право продавать пленныхъ, лишь бы они были не военные, которые принадлежать Шаху.“

Русскому, вѣроятно, пріятно будетъ прочесть замѣтку Морьера, бывшаго, въ 1808 и 1809 годахъ, Секретаремъ Англійскаго Посольства въ Персіи, и оплачивающагося безприсраштенъ, которое тѣмъ болѣе дѣлаетъ ему честь, что онъ писалъ во время несогласій, бывшихъ между Россійскою и Англійскою Державами.

Онъ рассказываетъ, что послѣ пораженія, претерпѣннаго отъ Русскихъ Персидскими войсками, Шахъ раздавалъ бѣднымъ милостыню, приказалъ молишься въ мечетяхъ и читалъ воззванія къ ищенію всѣмъ несповѣдующимъ законъ Корана. Въ Ширазѣ спалили дѣлающія военные приговоренія. Правда, шумъ была и другая цѣль: Русскихъ пленныхъ

ныхъ, случившихся въ этомъ городѣ, заставляли вооружать и образовывать Персидскихъ солдатъ на Русскій манеръ. Принцъ Ширазскій Али-Мирза (*) получилъ приказаніе сославить отрядъ изъ сильныхъ молодыхъ людей, выбривъ бороды, у кого есть, и одѣвъ ихъ по-Русски. Изъ Болука въ Ширазъ пришло еще до 700 человекъ: они также должны были образоваться по-Русски, лишиться бородъ, имѣть ружья вмѣсто мушкетеровъ и одѣваться совершенно по-Русски. Въ это время Французамъ очень хотѣлось пріѣхать въ Ширазъ учить эти полки; но Шахъ, изъ уваженія къ Англичанамъ, ихъ врагамъ, имъ этого не позволилъ. Велѣлъ спростать новые лафеты по Русскому образцу, хотя тѣ, которые уже были сдѣланы, разламывались отъ перваго выстрѣла. Также приказано заготовить 5000 ружей; но Принцъ вспрѣшилъ затрудненіе въ исполненія дан-

---

(*) Этого Принцъ умеръ, недавно отъ болѣзни cholera-morbus подъ стѣнами Багдада, послѣ победы, одержанной имъ надъ Турками. Смерть его избавила Персію отъ междоусобной войны, которая вѣрно послѣдовала бы за престоломъ, по смерти нынѣ царствующаго Шаха Фетъ - Али. Онъ родился въ одинъ день съ братомъ своимъ Аббасъ-Мирзою.

наго ему еще прежде порученія о заготовленіи 2000 ружей; послалъ въ Ларисшанъ за 3000 мушкетеновъ, а за остальными въ другія провинціи, въ надеждѣ передѣлать ихъ въ ружья въ Ширазѣ. Въ этомъ же городѣ собирали всякаго рода припасы для продовольствія войскъ, и Принцъ крайне спѣшилъ въшииъ дѣломъ.

Чтобъ дать понашіе о шревогъ, кошорую надѣлало при Дворѣ Тегеранскомъ поражение Персіанъ, неизлишне прибавишь, что дано повелѣніе самимъ Принцамъ одѣться въ Русскіе военные мундиры. Аббасъ-Мирза вскорѣ исполнилъ сіе повелѣніе, а за нимъ послѣдовалъ и Али-Мирза со всею своею свашою.

Персіане не держашся старинныхъ обыкновеній, какъ Турки. Они любяшь перемѣны, и шо, что въ Турціи произвело бы возмущеніе, въ Персіи принимаютъ равнодушно.

Морьеръ имѣлъ порученіе сопровождать въ Англію Посланника Персидскаго Двора, Мирзу Абуль-Гассанъ Хана (*). Въ 1810 го-

---

(*) Того самого, кошорый въ 1815 году былъ Посланникомъ въ Россіи. Онъ ошлчался умомъ и вѣжливостію. Пребываніе его въ сихъ двухъ Государствахъ ознакомло его съ Европейскими обыкновеніями, къ кошорымъ онъ легко привыкъ. Но возвращался въ Персію, въ образѣ жизни онъ не ошлчался

ду онъ отправился съ ними обратно въ Персію, въ свѣтъ другаго важнѣйшаго Англійскаго Посольства, и въ Февраль 1811 прибылъ въ Тегеранъ.

Къ прежнимъ запискамъ, Морьеръ присо-
вокупилъ еще нѣкошорыя. Между прочимъ,
въ отношеніи къ Россіи рассказываетъ забав-
ный анекдотъ:

„Персіане бояща Россіи, и главный
предметъ ихъ политическихъ отношеній съ
сею могущественною Имперіею — естъ об-
ладаніе Грузіею. Войны, кошорыя ведутъ
они, сосшоушъ болѣе въ набѣгахъ, нежели
въ правдальныхъ дѣйствіяхъ. Въ одно ушро,
во время пребыванія нашего въ Тегеранъ,
вошелъ къ намъ въ спрашныхъ поцыхахъ,
главный Секретарь великаго Визира, и за
нимъ Мирза Абуль-Гассанъ-Ханъ, и уведомиль
насъ, что Аббасъ-Мирза одержалъ большую
побѣду надъ Рускими. Рускіе, говорили онъ,
пошеряли убитыми 2000 человекъ и пави-
нными 5000, да 12 пушекъ. Сверхъ шого онъ
вѣдѣлъ у нихъ городъ Шишахъ.

чался отъ другихъ Персіанъ. — Онъ постоянно поль-
зовался расположеніемъ Шаха, хотя нѣкогда и пре-
шерпѣлъ гоненіе отъ Двора, шакъ, что для спасенія
своей жизни долженъ былъ нѣкошорое время укрѣ-
вашься въ одномъ Армянскомъ монастырѣ, Немзда-
сно, живъ ли онъ шеперь...

„Нѣсколько времени спустя, мы узнали истину. Поשרа Рускихъ состояла въ 300 человекъ убитыми, 500 павшими и 2 пушкахъ. Мы спросили его, для чего онъ такъ увеличилъ подвиги Персіанъ, когда очень скоро можно узнать его обманъ. Онъ отвѣчалъ довольно простиодушно: если бы вы были легковѣрнѣе, мы увеличили бы въ десять разъ пошерю Рускихъ. Это первый успѣхъ нашихъ войскъ надъ ними; неужели вы не захотите дать нѣкоторой значительности такому важному происшествію въ нашей Исторіи?

„Вотъ обстоятельство этой побѣды: Аббасъ-Мирза съ неудовольствіемъ видѣлъ, что бѣльшая часть кочевыхъ народовъ его владній произвольно переходила сѣдѣясь на границахъ Русскихъ, и его намереніе было заставить ихъ возвращаться. Онъ собралъ войско, которое, по показанію Персіанъ, состояло изъ 9000 человекъ, а по извѣстіямъ Англичанъ, бывшихъ у нихъ на службѣ, изъ 14,000 человекъ. Часть составляли Тефедъ-Димки, обдѣновенная Персидская пѣхота, другую Сербазы, войска, обученныя Французскими офицерами, нѣсколько нерегулярной конницы и конной артиллеріи изъ 12 пушекъ, что всего для нихъ было полезнѣе. — Не переходя Аракса,

Принцъ узналъ, что 800 Русскихъ съ 2 пушками, расположены были передъ деревнею Судшанбушъ, въ небольшомъ разстояніи отъ Шишаха, и рѣшился напасть на нихъ. Русскіе, привыкшіе къ *нечаяностямъ* этого рода со стороны Персіанъ, и видя всегда у нихъ большее число пушекъ, на дурныхъ лафетахъ, неспособныхъ двигаться и бывшихъ почти всегда въ арріергардѣ, положились на малое свое число и пренебрегли послать за подкрѣпленіемъ въ Шишахъ, гдѣ былъ Комендантъ съ гарнизономъ. Нападеніе, подъ начальствомъ Полковника д'Арси, началось поутру. Русскіе, будучи слишкомъ въ себѣ увѣрены, съ удивленіемъ увидѣли, что они находясь подъ выстрѣлами пушекъ, очень хорошо направленныхъ и похищившихъ у нихъ въ нѣсколько минутъ 300 человекъ. Не имѣя возможности сопротивляясь непріятелю, гораздо лучше прежняго образованному въ дисциплинѣ, они удалились въ деревню, и тамъ, послѣ короткихъ переговоровъ, сдались на капитуляцію. Первою спашкою было — не рубить головы. Во время дѣйствія, Принцъ обѣщаль 10 шамановъ за всякую голову, и послѣ сраженія узнали, что нѣкоторые пѣнные были хладнокровно зарѣзаны. Эти головы посылаются въ Тегеранъ, гдѣ втыкають ихъ на колы,

передъ ворошани Шихскаго дворца. Для увеличенія числа, опублена между прочимъ голова у одного изъ двухъ погибшихъ въ шомъ двѣхъ Англійскихъ сержантовъ, и вѣроятно Персіанскій, выдавшій ее за Русскую голову, получилъ награду. Послѣ сраженія, трупъ одного сержанта найденъ безъ головы, которая отыскалась уже между Русскими головами. Принцъ оказалъ себя великодушнымъ. Когда Комендантъ Русскій, раненый, былъ приведенъ къ нему; Принцъ, увидѣвъ его безъ плаги, отдалъ ему свою, довольно дорогую, сказалъ, чтобъ онъ носилъ ее для своей защиты. Потеря Персіанъ распространялась не болѣе, какъ до 100 человекъ, что чрезвычайно обрадовало Министровъ.“

„Англійскій Посланникъ, посѣдивъ Великаго Визира, нашелъ его дикшующимъ письмомъ къ Мазандеранскому Губернатору о пораженіи Русскихъ. Когда Секретарь спросилъ его, сколько же посланы мершвухъ, Великій Визиръ, съ удивительнымъ хладнокровіемъ, отвѣчалъ ему: посланы 2000 мершвухъ, 1000 павинныхъ и прибавъ, что неприятельскаго войска было 10,000 человекъ; потомъ, обращаясь къ Посланнику, сказалъ: это письмо должно сдѣлать большое путеше-

шестна; мы прибавляем по штръ равсто-
лнн.

„Шахъ былъ дрезвычайно обрадованъ сею
новбдою, и при свиданн съ Англійскимъ По-
сланникомъ, сказавъ ему, что передъ нѣмъ,
снлся ему какой-то человекъ, который
хотѣлъ его задущншь, но отъ котораго
былъ избавленъ, сыномъ своимъ, Аббасомъ.“

Вообще въ нущешественнхъ ошда-
ющнхъ справедливоствнхъ ошлнчнхъ качествнхъ
Наслѣднаго Принца Аббасъ-Мнрзы. Онъ лас-
ковъ, и очень прннхемъ въ обращенн, осо-
бенно съ Европейцами. Если кто нмбудъ
нзъ нхъ посншншь его, онъ пошчасъ заво-
дншь разговоръ, который могъ бы умно-
жншь его познанн. Разговорчнвость его сна-
чала кажется принужденною, но она у него
естественна, и ннветъ видъ искренности.
Онъ любитъ чтенн, но оно ограничнвается
Исторнкнми его страны, и *Шахнамѣ* Фер-
дусн любимнхъ его книгъ. Стараются узнать
о разнхъ Державнхъ Европы; собрали много
Англійскнхъ книгъ, которнхъ не ноннмаются;
при всемъ желанн, чтобы онъ были переве-
дены, онъ не могъ уснзшь въ этомъ. Ему
подарили Брнтанскую Энциклопедню; чтобы
найти планъ одной маннны, которую хо-
тѣлъ заказать, перерылъ онъ съ терпѣнн-
емъ всъ шомы, пока не сыскалъ, чего ему

хотѣлось. Онъ имѣешь у себя собраніе картинъ, напечатанныхъ въ Константинуполѣ; много сидѣлъ надъ ними, и теперь можно назвать его лучшимъ Географомъ въ Персіи. — Аббасъ-Мирза славился своею храбростію; въ разныхъ встрѣчахъ съ Русскими, онъ подвергался опасности болѣе, нежели сколько ему слѣдовало. Строго наказываешь трусость. Однажды одинъ изъ предводителей, Мохаммедъ-Бегъ, оставилъ свой постъ во время сраженія и убѣжалъ. Принца его разжадалъ, велѣлъ связать ему назадъ руки, повѣсиль къ боку деревянную шпагу, посадилъ на осла лицомъ къ хвосту, и везъ по Таврису.

Наконецъ можно сказать о семъ Принцѣ, что если бы онъ получилъ лучшее воспитаніе, имѣлъ предъ собою примѣры благородства и добродѣтели, и не вѣдовавши чуждо дуришь совѣщанъ, то не только былъ бы украшеніемъ своей страны, но даже могъ бы быть отличнымъ человекомъ.

Аббасъ-Мирза объяснялъ однажды Англическому Посланнику причины побужденія его вступить въ войско своего Королевскаго двора, сказавъ, что невозможно Персидскому содапу противиться Русскому; что Персидская артиллерія также не можетъ выдержать дѣйствія Русскихъ пушекъ, и что

конецъ, что въ его усиленіи, получишь пре-
восходство надъ Русскими, оставались без-
плодными. Первые его покушенія ввести
ею дисциплину имѣли мало успѣха. Онъ дол-
женъ былъ бороться съ народными предраз-
судками. Набранные имъ воины никакъ не
хошьян бытъ похожими на Френджисевъ, и въ
особенности на Русскихъ, копорыхъ и боя-
лись и ненавидѣли болѣе всѣхъ другихъ на-
родовъ Европейскихъ. Чтобы побѣдить эти
защрудненія и ослабить въ народѣ непріятныя
впечатлѣнія, Принцъ, какъ онъ самъ при-
звался, долженъ былъ одѣться въ мундиръ
и учиться военной экзерциціи. Онъ началъ
это 20 или 30 человѣками, которые учи-
лись на особомъ дворѣ, чтобы не подвер-
гнуться насмѣлкамъ народа. Примеру его
послѣдовали потомъ и старшіе чиновники,
копорымъ приказали взять ружья. Онъ до-
смыслъ наконецъ того, что мѣлечкое вой-
ско его ходило по взводу, въ рядъ, дѣлало
разныя обороты по командѣ и барабану. Не-
доспавало оенцеровъ; и его успѣхи не по-
шли бы далѣе, если бы не прибыло въ это
время Французское Посольство отъ Бона-
парты. Оенцеры, принадлежавшіе къ свитѣ
оного, содѣйствовали предпріятіямъ Принца
болѣе, нежели сколько онъ омидалъ. Тогда-
шо онъ узналъ все преимущество первыхъ

основаній Воевной Науки; помощь помогали ему Английскіе офицеры. Впрочемъ успѣхи въ этомъ дѣлѣ остановились онѣ ограниченныя понятиемъ самого Принца. Необходимость строгой подчиненности разныхъ чиновъ казалась для него непонятною. Онъ не могъ постичь, почему Поручикъ, унтер-офицеръ и даже рядовой не должны ему говорить о дѣлахъ, до службы касающихся, и почему обо всемъ должно бытъ прежде донесено по начальству. Это казалось ему болѣе препятствіемъ, нежели удобностію для службы. Однажды, слушавъ долго и съ большимъ терпѣніемъ подробности правилъ и учрежденій Европейской дисциплины, онъ сказалъ съ глубокимъ вздохомъ: „ахъ, какавъ это мудреная дисциплина!“ — Это выраженіе доказываетъ, что онъ постигаетъ только искусство двигать людьми, въ массѣ по одной командѣ, не разсуждая о скрытомъ механизмѣ, который, для успѣха во всякомъ военномъ дѣлѣ, долженъ бытъ безпрерывно въ дѣйствіи. Къ числу затрудненій должно отнести корыстолюбіе и интриги Персидскихъ офицеровъ, которыми поручено помогать Англичанамъ въ разныхъ частяхъ управленія. Солданы вообще смиренны и крошки, и легко учаща экзерциціи, но когда спанешъ ивмашься Мирза или Ханъ,

то раздаются только распри и безнокй-
ства, например: Мирза, который обязанъ
выдавать жалованье, непременно не додасъ,
каждому чего нибудь; другой ошдаешъ на
больше проценты взвренныя ему суммы.
Однѣ изъ высшихъ даже офицеровъ быва-
ють обвинены въ покражѣ двухъ ружей, — и
эти примѣры безчисленны.

Привыкнувъ къ старой методѣ сражашь-
ся, каждый, независимо отъ другихъ, забо-
тится о своей безопасности, прежде, нежели
о томъ, чѣмъ бытъ непріятель. Однѣ
Персіанцы, разговаривая объ этомъ съ Англій-
скими офицерами, указавъ ему съ прошоду-
щимъ: „Персіанцы были бы очень храбры въ
сраженіи, если бы не боялись бытъ убиты-
ми.“ Ихъ понятія о храбрости совсѣмъ ош-
лачили они нашихъ: но ихъ мнѣнію, хра-
брость есть качество, которое человекъ
можетъ и имѣть и нѣтъ, пощому, что оно
натурально. Однѣ изъ предводителей ихъ,
впрочемъ извѣстный по своей храбрости,
не имѣвъ смѣла признаться, что довольно
многочисленный опрядъ подъ его началь-
ствомъ не смѣлъ подвинуться впередъ, бо-
ясь подвергнуться выстрѣламъ двухъ Рус-
скихъ солдатъ, которые непрерывно стрѣ-
ляли одинъ за другимъ, и заславили его ош-
снующимъ. О Русскихъ говорятъ, что въ нихъ

мало чувства, когда предпочитают смерть опшступленію.

Эти черты могутъ нѣсколько выказашь народный характеръ Персіанъ. Они вообще лѣнны, какъ и всѣ Азіатскіе народы, но эта лѣнность есть болѣе слѣдствіе фашализма, испребляющаго всякое возвышенное чувство и спремленіе къ дѣяштельности. Персіанинъ, смотря на разрушеніе, говоритъ равнодушно: „такъ должно бытъ.“ Всѣ новѣйшіе путешественники удивляются, не находя многихъ зданій и даже селеній, которыя существовали во времена Шардена. Все превращается въ развалины; народонаселеніе уменьшается и села пустыютъ. Правительство не только ничего не возстановляетъ, но отнимаетъ даже и средства къ тому у народа (*). Крестьянинъ обязанъ кормить

(*) Уже по объявленіи войны между Русскими и Персіанами, одинъ купецъ, торгующій на базарѣ, увидѣвъ Фенъ-Али-Шаха, который проходилъ пѣшкомъ, подошелъ къ нему, спалъ ему изъяснить злоупотребленія и притѣсненія разныхъ властей, испребленіе всякой промышленности, и просилъ о покровительствѣ. Шахъ не сказалъ ему на то ничего утѣшительнаго. Купецъ, удивляясь, вскричалъ: „О, если бы Рускіе покорили Персію для облегченія народа!“ Это происшествіе не имѣло дальнѣйшихъ

всякаго Государственнаго чиновника, кошорый проѣзжаетъ селеніе; фирманъ заставляешъ бышь послушнымъ; въ противномъ случаѣ, бьютъ его по пятамъ и берутъ промзвольно все, что найдутъ у него. Часто случается, что крестьяне, узнавъ о скоромъ пріѣздѣ къ нимъ чиновника Двора или иностраннаго Посланника, всегда сопровождаемаго Мегмендаріемъ ошъ Правительсшва, убѣгають въ лѣса и уносятъ съ собою все свое имущество. Окрестныя селенія то же дѣлають, и горе проѣзжающимъ, если они ничѣмъ не запаслись: ничего не достануть.

Народы, какъ люди, раждаются, возрастають, увядають; но Персія находится въ болѣзненномъ положеніи. Ей нуженъ искусный врачъ, кошорый извлекъ бы ее изъ состоянія нынѣшняго ея ослабленія. Можешъ бышь, Провидѣніе предоставило это Аббасъ-Мирзѣ, кошораго слава опечества нѣсколько прогаешъ; но надобно имѣшь слишкомъ рѣшишельный характеръ, чтобы достигнуть этой цѣли съ народомъ, немѣющимъ никакихъ возвышенныхъ добродѣтелей, и вельможами, закоснѣлыми въ невѣжесшвъ и дѣй-

послѣдствій, хотя Аббасъ-Мирза, кошорый слѣдовалъ за Шахомъ, и спарался замѣшшъ купца. (Etoile).

свующими только по страху или корыслюбію. Аббасъ-Мирза пытался ввести новый порядокъ въ управленіи подвдомственныхъ ему провинцій. Онъ назначалъ Губернаторамъ жалованье, опредѣлялъ, сколько каждый жишель долженъ заплашить въ годъ Губернатору. Все это доставляло ему значительный доходъ, но такова снза мидній: приверженные къ Губернатору говорили ему: что ты за начальникъ, если не можешь ничего сдѣлать въ своей провинціи, не имѣешь власти наложить по своему произволу на кого нибудь взысканіе? Губернаторъ слушалъ совѣты, преслушалъ повелѣніе Аббасъ-Мирзы, подвергался оцвѣшественности и наказанію, чтобы сохранить свою ажирещу; народъ страдалъ и, по бѣльшей части, не смѣлъ жаловаться.

Желавшіе знать подробности о состояніи Персіи, могутъ найти очень много сочиненій о сей странѣ. Изъ Азіятскихъ народовъ Персія прислупиве всѣхъ для Европейцевъ; особенно Англичане пользуются шамъ большимъ уваженіемъ. Путешественники могутъ получить фирманъ, повелѣвающій мѣстными начальникамъ дѣлать имъ всякое покровительство, и свободно объѣзжать все Государство, лишь бы не завъ-

жали слишкомъ далеко, напримѣръ, на границы Туркомановъ или другихъ народовъ, не очень уважающихъ Шахскіе фирманы.

В. С.....чь.

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 6.

Я з ы к о з н а н і е.

171. *Учитель Французскаго языка*, преподающій: новые Французскіе разговоры, изреченія, пословицы, значенія словъ и наставленіе, какъ надписывать письма къ особамъ разнаго званія и происхожденія. Издвненіемъ Александра Кузнецова. М. въ шп. Августа Семени. При И. Медико-Хирургической Академіи. 1826. 192 с. въ м. 8.

С л о в е с н о с т ь.

172. *Черты характера Александра I.* Чтшано въ Собраніи Высочайше утвержден-

- наго Общества Любителей Русской Словесности, при Московскомъ Университетѣ, 1826 г. 27 Февраля. — Сочин. *Иванчича-Писарева*, съ правовожунленіемъ нѣсколькихъ стихотвореній того же автора. М. въ шип. Августа Семена, при Императорской Медикохир. Акад. 1826. 24 с. въ 8.
173. *Чувство Калужанина*, при гробѣ въ Бозѣ опочившей Государыни Императрицы *Елизаветы Алексеевны*. М. въ шип. А. Семена, 1826. 4 с. въ 4.
174. *Рѣчь и стихи*, произнесенные въ торжественномъ собраніи Университетскаго Благороднаго пансіона, по случаю выдуска воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія 1826 года Апрѣля 10 дня. При семь актиъ опчещѣ пансіона за 1825 годъ. М. въ Унив. шип. 1826. 42 с. въ 4.
175. *Разсужденія и рѣчи*, говоренныя воспитанниками Московскаго Коммерческаго Училища на публичномъ годовомъ испытаніи, Июля 6 дня 1826 года. М. въ шип. С. Селивановскаго. 1826. 28 с. въ 4.
176. *Слова и рѣчи* на торжества при особенныхъ случаяхъ, говоренныя Аншономъ, Архіепископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ и Кавалеромъ. М. въ Си-

нод. шип. Ч. I-я. IV. 245 с. Ч. II. VI.
232 с. въ 8.

177. *Подражанія и переводы изъ Греческихъ и Латинскихъ стихотворцевъ А. Мерзлякова.* Ч. II. М. въ Унив. шип. VIII. 359 с. въ 8.

С т и х о т в о р е н і я.

178. *Чувствованія Московскаго жителя, въ случаю горестнаго извѣстія о кончинѣ Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны.* Сочин. *Сергѣя Глинки.* М. въ шип. А. Семена. 1826. 12 с. въ 8.
179. *Стихи на торжественный въздъ Государя Императора Николая Перваго въ Преспольный градъ Москву, 1826 года,* сочин. *Сергѣя Глинки.* при Импер. Медико-Хирург. Академин. 1826. 6 с. въ 8.
180. *Ода на Высочайшее Коронованіе Его Императорскаго Величества Николая Павловича, Им. Гамбеса.* М. въ шип. С. Седывановскаго: 1816. 8 с. въ 4.
181. *Посланіе къ войскамъ Тавяго Дона, по случаю пожалованной имъ нинѣ царствующимъ Государемъ Императоремъ сабли покойнаго Государя Императора Александра I.* Сочин. *Сергѣя Глинки.* М. въ шип. Августа Се-

мена, при Импер. Медико-Хирургич. Академіи. 1826. 8 с. въ 8.

182. *Александронды*, современной Поэмы, пѣснь XXI. сочин. *Павла Свѣчина*. М. въ шип. С. Селивановскаго. 1826. 75 с. въ 8.

183. *Стихи* на Священнѣйшее Крещеніе и Муропомазаніе Ея Императорскаго Высочества, Благовѣрной Государыни Великой Княжны Елисаветы Михайловны, сочин. *Н. Верескина*. М. въ шип. А. Семена. 1826. 8 с. въ 8.

184. *Стихи* по случаю воспріятія ошъ купели Ея Императорскаго Высочества, Великой Княжны Елисаветы Михайловны, сочин. *Сергѣя Глики*. М. въ шип. Августа Семена, при Имп. Медико-хир. Академіи. 1826. 7 с. въ 8.

И в л щ н о е И с к у с т в о .

185. *Музыкальная Грамматика*, или теорія правилъ музыки, въ вопросахъ и отвѣтахъ состоящая. Сочиненная Директоромъ и композиторомъ Миланской Королевской Консерваторіи Б. Азіоли, а переведенная и изданная Д. Дмитриевскимъ. въ шип. Деп. Нар. Просв. 1826. 93 с. въ 4. (при семь 6 четвертокъ пошъ).

Х у д о ж е с т в а.

186. *Отчетъ* Комитета Общества Поощренія Художниковъ за 1824 годъ, съ при-
свокупленіемъ списка Гг. Членамъ она-
го и таблицы, представляющей состо-
яніе Общества за 1820, 1821, 1822,
1823, 1824 и 1825 годы. въ шип. Ме-
диц. Деп. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1826. 30
с. въ 8.

Теорія Изящныхъ Наукъ.

187. *Главное начертаніе Теоріи и Исторіи*
Изящныхъ Наукъ, Мейнера, Профессора
Философіи въ Геттингенъ. Переведено
съ Нѣмецкаго *Павломъ Сохацкимъ*. Проф.
Древней Литературы при Импер. Мо-
сковск. Унив. въ 2 часяхъ. Изданіе
второе. М. въ шип. С. Сѣливановскаго.
1826. 272 с. въ 8.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № XVIII и XIX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Э Д У А Р Д Ъ.

(Окончаніе.)

Иногда посѣщаль я дядю своего, д'Эрбе-до, и находилъ тамъ шу же веселость, шу же сумашоку, какая не понравилась мнѣ при моемъ первомъ прїездѣ въ Парижъ. Дядя мой не понималъ, какъ могу я быть доволенъ среди всей важности семейства Маршала и его круга; а я, внутренно негодуя на суетность своего родшвенника, извинялъ его только крашковременнымъ, непривычнымъ баршвомъ.

Г-жу Неверъ ожидали со дня на день. Сердце мое билось отъ радости. Вдали отъ нее, не могъ я долго пишашь мысли, чшобы она мною была огорчена. Я шакъ безкорышно любилъ ее, шакъ искренне сознавалъ въ себѣ, что готовъ опндашь жизнь свою для удаленія отъ нее минушы огорченія! —

Могъ ли же наконецъ не увѣриться, что ей не за что быть недовольною мною? Но ея прѣздъ жестоко меня разувѣрилъ.

Въ шопъ же вечеръ замѣнилъ я въ ней шопъ строгій, холодный видъ, кошорый шакъ пугалъ меня: едва удостоивала она меня однимъ словомъ; взоры ея не встрѣчались съ моими. Вскорѣ оказалось, что и образъ жизни ея спалъ совсѣмъ не шопъ: она часто выѣзжала; даже безпрестанно принимала гостей. Двѣ недѣли пробыла она въ Парижѣ, и я ни минушы не оспавался съ нею единъ. Однажды вечеромъ, посавъ ужина, съли за карты; г-жа Неверъ занялась дамой, кошорая не играла. Черезъ четверть часа, дама поднялась, чтобъ ѣхать, и я замычалъ, думая, что останусь одинъ съ г-жею Неверъ. Проводя гостью, она пошла было въ шу сторону, гдѣ я сидѣлъ, но вдругъ повернулась и отошла въ другой край гостиной, къ сполу, за кошорымъ Маршалъ игралъ въ виспъ: шушь съла она, и спала смотрѣшь на игру опца. Я былъ въ опчаянн. Она презираетъ меня! думалъ я; она пренебрегаетъ мною! Куда дѣлась эша милая благосклонность, кошорую оказывала она, когда я лишился опца своего? Неужели только цѣною горчайшей печали я долженъ былъ чувствовашь самую сладостную изъ всѣхъ радостей? То-

гда плакала она со мною; шеперь шertzаетъ мое сердце, и даже не примычаетъ шого. Въ первый разъ подумала я, что она проникла въ мои чувства, и огорчается ими. Но почему же? говорила я въ самомъ себя. Это преданность души, скрывая въ самой глубинѣ ея; я ничего не шребую, ничего не надѣюсь; живи и любишь ее — для меня одно: могу ли же воспрепятствоватьъ себя живи? Я забыла уже свое опасеніе, чтобы она не открыла моей шрасни, и шакъ шertzался, что готовъ былъ въ эту минушу сама признаться ей, чтобы только вывести ее, чтобы бы гнѣвомъ, изъ этой убійственной холодности, отъ которой кипѣло во мнѣ окончаніе.

Если бы я былъ Князь д'Анришмонъ или Герцогъ Л*, говорила я сама себя, я могъ бы приблизиться къ ней, принудить ее заняться мною; но въ моемъ положеніи, я долженъ ждать, чтобы удостоили подойти ко мнѣ или подзывать меня. Но если она меня забываешь, то и я буду ее бывать; оставлю совсемъ эту дожь; отецъ мой былъ въ немъ принявъ по шридацатишнему уваженію и по шой славы, которая заставляла всякаго въ немъ искашь; я же, шущесшво незначительное, мелкое, я не имѣю права на ласки сама по себя, и не хочу получать ихъ

по памяти другаго, хотя бы и отца моего. Всякъ я чуждъ, но я свободенъ; удаюсь отъ нее, удаюсь на край свѣта, съ воспоминаніемъ того, чѣмъ была она за полгода! — Въ такихъ печальныхъ размышленіяхъ припоминалъ я мечты своей юности, того времени, когда ни передъ кѣмъ не былъ я униженъ. Въ кругу равныхъ себя, думалъ я, не было мнѣ нужды подвергать влеченій моихъ изслѣдованіямъ разума; нигдѣ не былъ я *неподъ стать* (inconvenable) — слово (*), изобрѣшенное для означенія вины, вовсе несуществующей. Ахъ! той мучительной шоски, какую теперь испытываю — не чувствовалъ я съ моими бѣдными родственниками; но я также не чувствовалъ ее за полгода, когда г-жа Неверъ смотрѣла на меня съ крошестію, когда она заспавляла меня рассказывать исторію моей жизни, и когда говорила мнѣ, что я сынъ отца ея. Съ нею находилъ я все, чего недоставало мнѣ. Что жъ я сдѣлалъ? чѣмъ же такъ огорчилъ ее?

Игра кончилась. Маршалъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „ты вѣрно нездоровъ, Эдуардъ; съ нѣкошораго времени ты совсѣмъ переѣнился, а сегодня смотришь, какъ со-

---

(*). Къ счастью, почти неупотребительное у Русскихъ — не словомъ, ни дѣломъ. *Перев.*

вершено больной.“ — Я увѣрилъ его, что здоровъ, и смотрѣлъ на г-жу Неверъ; она въ эту минушу оглянулась, начавъ съ кѣмъ-то говорить. Въ слѣдующіе дни снова я замѣчалъ болѣе благосклонности во взорахъ ея, и въ обращеніи сдѣлалась она нѣсколько менѣе сурова. Но каждый вечеръ непременно она увѣжала, и когда я видѣлъ ее, украшенную всеми прелестями природы и искусства, предъ оплѣздомъ на шѣ циршества, куда я не могъ за нею слѣдовать, сердце мое разрывалось отъ мстительныхъ мученій; я видѣлъ, какъ ее окружали, восхищались ею; я видѣлъ ее веселою, счастливою, покойною, и пожиралъ, въ молчаніи, свое униженіе и печаль свою.

Начались разговоры о большомъ бадѣ, назначенномъ у Князя Л*, и вдругъ приснули къ г-жѣ Неверъ, чтобы она приняла участіе въ Русской кадрили, копорую Княгиня хотѣлась составить у себя, и въ копорой она желала танцевать сама. Косцюмы дѣйствительно представляли много заманчиваго для вкуса и великолѣпія; кадрили составилась; въ ней участвовали восемь молодыхъ, прелестнѣйшихъ женщинъ, и сколько же молодыхъ мужчинъ, въ числѣ которыхъ были Князь д'Апринжонъ и Герцогъ Л*. Послѣдній былъ кивалеромъ г-жи Неверъ,

къ величайшей досадѣ Князя д'Анришмонъ. Въ теченіе двухъ недѣль, эша кадрыль служила единственнѣмъ занятіемъ въ домѣ Маршала; каждое утро приходилъ Гардель на репетиціи; беспрестанно являлся за приказаніями разнаго рода работникамъ, уносившимъ для составленія костюма; дѣлали подборъ драгоценныхъ камней; выбирали образцы; совѣщались съ путешественниками, чтобы увѣрившись въ точности описаній, и соблюсти національность одежды во всей полнотѣ. Я внутренно сердился на г-жу Неверъ, за такое пустое занятіе, но между тѣмъ не могъ не сознаваться въ самомъ себѣ, что на мѣстѣ Герцога Л^о почелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ людей. У меня даже вырывались колкости вообще на счетъ людскаго легкомыслія, какъ будто бы когда либо могли онѣ бытъ применены къ г-жѣ Неверъ! Чувства, недостойныя меня, о которыхъ я не смѣю упомянуть, проскальзывали въ мою душу. Ахъ! какъ шрудно бытъ справедливымъ въ низкомъ званіи обществу: что первенствуетъ надъ нами, всегда невольно оскорбляетъ насъ. — Въ такихъ притомъ случаяхъ г-жа Неверъ не была однако расположена къ веселости: всякой замѣнилъ бы, что ее увлекають, вопреки ей. Однажды сказала она даже, что всѣ вѣки веселости

ей надеван; но не смогла на то, когда наступилъ день бала, явилась она въ гостинной, около осьми часовъ вечера, въ полномъ костюмѣ, въ сопровожденіи двухъ или трехъ особъ, коихъ я видѣлъ съ нею ѣхавъ поворотивъ еще кадриль у Книжкини предъ баломъ.

Никогда не видѣлъ я г-жи Неверъ такъ шикарно! Черная бархатная повязка, усеянная брилліаншами, прикрывала въ половину только прекрасные русые волосы; большое, широкое золотомъ и очень легкое покрывало накинуто было на повязку, и падало на шею и плеча, слегка опиваяло бѣлизну ихъ; алый шелковый корсетъ съ пуговками (*), но же украшенный алмазами, обрисовывала прелестный станъ; бѣлые рукава схвачены были у ручной кисти браслетами; а короткая юбка оспавляла на виду прекрасную ножку, едва ступавъ въ легкой обуви, также желковой и переплетенной золотыми сурками; но ничѣмъ невозможно изобразить всей прелести г-жи Неверъ въ этомъ изнеурочномъ нарядѣ, который какъ бы нарочно выдуманъ былъ по ея ступу и сорнамъ. Я смушился, когда увидѣлъ ее;

(*) Видно, путешественники дали не слишкомъ вѣрные свѣдѣнія. *Перев.*

сильное прелепаніе спѣсилось грудь мою; я принужденъ былъ прислониться къ кресламъ; думаю, что она замѣтила это. Взоръ ея ласково обратился ко мнѣ. Такъ давно искалъ я этого взора, и теперь онъ умножилъ еще болѣе мое смятеніе. „Не поѣдемъ ли вы въ Театръ?“ спросила она. — „Нѣтъ,“ сказалъ я: „мой вечеръ уже конченъ.“ — „Но еще нѣтъ осьми часовъ?“ — „Вѣдь вы здѣше!“ отвѣчалъ я. Она вздохнула; потомъ посмодрѣвъ на меня уныло, сказала: „какъ охотно оспалась бы я.“ Ее позвали, и она уѣхала. Но, великій Боже! какая вдругъ перемѣна совершилась вокругъ меня! „Какъ охотно бы я оспалась!“ Эти простыя слова возмутили всю мою душу! „Какъ охотно бы я оспалась!“ Это сказала она мнѣ, я слышалъ; она вздохнула, и взоръ ея говорилъ еще больше! Она охотно бы оспалась! оспалась для меня! о небо! Въ этой мысли заключалось слишкомъ великое счастье; я не могъ вмѣщать ее въ себя; убѣжалъ въ библіотечку, бросился на спуль, и слезы обаячили мое сердце. Оспалась бы для меня! повторялъ я; мнѣ представлялся ея голосъ, вздохъ; я видѣлъ взоръ ея, проникшій въ мою душу, и перьяся въ сладостныхъ чувстввахъ, для которыхъ тѣсна была грудь моя. Куда дѣлись тогда все требова-

нія моего самолюбія! какъ жалка и смѣшна казалась мнѣ тогда вся эта мелочь! Я не понимала, какъ могъ бытъ когда либо несчастливъ. Такъ она жалѣешь обо мнѣ! Я не емля сказать: шакъ она любишь меня! Нѣтъ, я сомнѣвался, я хотѣлъ сомнѣваться! Сердце мое было бы не въ силахъ выдержать этой радости! Какъ закрываютъ глаза при яркомъ сіяніи солнца, шакъ я спарался умирить воспоргъ свой — его не вмѣщала душа моя. Г-жа Неверъ часто по утрамъ приходила въ эту самую библіотеку. На столѣ нашелъ я перчатку ея; преисполненный воспорга, схватилъ я добычу, покрывалъ ее поцѣлуями, омочалъ слезами . . . И вдругъ вознегодовалъ я самъ на себя, что емлю возвышалъ до нее свои виновныя мысли; просилъ у ней прощенія въ слишкомъ горячей любви своей. Пусть она позволишь мнѣ только спраданъ за нее! говорилъ я: знаю, что не могу простирани видовъ своихъ на счастье. И возможно ли, чтобы сказанное мнѣ имѣло точно смѣсль, какой даетъ ему сердце мое? Можешь бытъ, еще минушу оспалась бы она, и меня разувѣрила. Такъ сомнѣніе возрадалось въ душѣ моей виѣсть съ разсудкомъ; но вскорѣ шѣ нѣжныя звуки отзывались ошашь внутри меня; я цѣлалась за нихъ, боялась, чтобы

не ускользнули; въ нихъ была единственная надежда моя, единственное мое счастье; я удерживалъ ихъ ошголоски въ груди своей, какъ мать, сжимающая въ объятіяхъ свое дѣшнще.

Цѣлую ночь провелъ я безъ сна, и могъ ли спашь, дорога каждую минушу чувствительнаго своего счастья? На другой день Маршаль позвалъ меня въ свой кабинетъ; тогда я началъ думать, что надобно скрывать мое счастье, кошорое, какъ мнѣ казалось, всякой могъ угадать изъ глазъ моихъ; но я не могъ преодолѣть себя и былъ разсѣянъ. Впрочемъ не на долго мнѣль я нужду въ скрпшности, чшобъ казаться унылымъ: за обѣдомъ увидѣль я г-жу Неверъ; она убѣгала моихъ взглядовъ, не говорила со мною, ушла рано и оставила меня въ ошчаяніи. Въ слѣдующіе дни суровость ея опять смягчилась нѣсколько и какъ будто замѣтно въ ней было какое-то участие въ причиняемыхъ мнѣ сираданіяхъ. Уже я почти не могъ сомнѣваться, что она меня угадывала; и если бъ я былъ увѣренъ въ ея сираданіи, я не былъ бы несчастливъ.

Никогда не случалось мнѣ видѣть, какъ панцуешь г-жа Неверъ, а давно уже начиналъ я сильное желаніе увидѣть ее, не былъ ея видѣнымъ, на одномъ изъ нѣхъ враздѣсннхъ.

гдѣ воображалъ я весь блескъ ея. Можно было присушествовать на большихъ балахъ зрителемъ; это называлось *aller en beueux*. Этимъ зрителемъ помѣщались на хорахъ или на подмосткахъ, отдѣленныхъ перилами; обыкновенно сослуживали имъ изъ низшаго класса людей, но имѣвшихъ входа ко Двору. Мнѣ было стыдно итти туда, и только мысль о г-жѣ Неверь могла пересилить во мнѣ отвращеніе, съ какимъ я долженъ былъ выспавшись на показъ свѣшу свою малозначительность. Я не былъ высокоумрень — однако съ большимъ трудомъ рѣшился показаться. Такимъ образомъ въ ряду себя равныхъ, я думалъ, что пришедеъ пораньше, спрячусь гдѣ нибудь, шакъ, что не буду на виду и что, можешь бышь, въ шопѣ не замѣтятъ меня. Словомъ, желаніе видѣшь г-жу Неверь, превозмогло все, и я взялъ билетъ на балъ, кошорый давалъ Англійскій Посланникъ и на кошорый ожидали Королеву. Дѣйствительно помѣстился я на подмосткахъ, успроенныхъ въ задомъ оконъ огромной залы; близъ меня была занавѣсь, за кошорою могъ я прятаться; шунь спалъ я жданъ г-жу Неверь, но едва занялъ свое мѣсто, какъ уже распался въ шомъ, и почини досадовалъ на свои занятіа. Разговоры, какіе услышалъ я вокругъ себя, оскорбляли слухъ мой. Чшо-шо недовкое,

простолюдное во всѣхъ замѣчаніяхъ сосѣдей моихъ шакъ меня. превозило и унижало, какъ будшо на моей совѣсти лежало ихъ невѣжество. Въ этомъ обществѣ равныхъ себѣ почувствоваль я, какъ далеко ушелъ ошъ нихъ. И то меня оскорбляло опять, что я узналъ въ себѣ шакую мелкосшь характера, которая смуцала меня въ этомъ случаѣ. Истинное достоинство зависить ли ошъ свѣтскости! говорилъ я въ самомъ себѣ. Мнѣ ли пренебрегать такимъ образомъ званіе, въ кошоромъ я рожденъ и кошорое получилъ ошъ отца своего! Чьимъ же не почтенно это званіе? могу ли чему завидовать? Въ эту минушу вошла г-жа Неверъ. Какъ была она прелестна! Ахъ, думаль я, вошъ чему я завидую; не званію, но шому, чтошбъ она сдѣлала меня ей равнымъ. Она приблизилась и уже прошла мимо, не видя меня, какъ вдругъ Герцогъ Л* замѣнилъ меня позади занавѣси и кикнулъ, смѣючись. Я подошелъ къ периламъ, пошому, что не желалъ казашься припыженнымъ. Г-жа Неверъ остановилась и сказала: „какъ! вы здѣсь!“ — „Да,“ ошвѣчаль я: „мнѣ хощьлось видѣшь, какъ вы танцуете, и я не могъ ошказашь себѣ въ этомъ желаніи; я наказанъ, пошому, что надѣялся не бышь вами обличеннымъ.“ Она сѣла на скамью предъ помосшномъ, и я продолжалъ

разговаривашь съ нею. Насъ раздѣляла только перегородка: печальное подобіе шой пеграды, которая разлучала насъ навсегда! Посланникъ подошелъ къ г-жѣ Неверъ и поговорилъ съ нею, спросилъ, кто я таковъ. „Этотъ сынъ г-на Ж*, съ которымъ, помнишь ли, вы обѣдали у башюшки, назадъ тому годъ,“ ошвѣчала она. — „Я никогда не встрѣчала челоуѣка съ такимъ оплличнымъ умомъ,“ сказала Посланникъ; потомъ обращаясь ко мнѣ, продолжалъ: „я пеняю г-жѣ Неверъ, что ранѣе не было мнѣ доставлено удовольствіе пригласить васъ; сдѣлайте одолженіе, оставьте вы дурную скамью, и милости просимъ къ намъ сюда.“ Я обошелъ перила, и Посланникъ завелъ опять со мною разговоръ. „Званіе Адвоката,“ сказалъ онъ: „одно изъ почешивѣйшихъ въ Англіи; оно ведетъ ко всему. Нынѣшній Великій Канцлеръ, Лордъ Д*, началъ свое поприще просшимъ Адвокатомъ, а теперь спойтъ на одной изъ высшихъ гражданскихъ степеней въ нашемъ Государствѣ. Сынъ Лорда Д* женился на особѣ, которую вы знаете, сударыня,“ прибавилъ Посланникъ, обращаясь къ г-жѣ Неверъ: „это Леди Сара Бенморъ, старшая дочь Герцога Зундерландскаго. Помните ли, мы находили въ ней сходство съ вами?“ Посланникъ удалился. „Какъ вы блѣдны? что съ вами сдѣ-

дилось?" сказала мнѣ г-жа Неверь. — „Я уведу его," сказалъ Герцогъ Л*, не слыша ее; „покажу ему весь балъ, а вы пойдете танцовать." Князь Д'Анришмонъ пришелъ за г-жею Неверь, а я опсправился съ Герцогомъ Л* въ галерею, гдѣ сподпилось множество гостей, пошому, что тамъ была Королева. Герцогъ, всегда чрезвычайно добродушный, былъ восхищенъ присущствіемъ моимъ на балѣ; онъ показывалъ и называлъ мнѣ всѣхъ гостей — надъ половиною изъ нихъ насмѣхался. Я былъ не ловокъ и не веселъ: мысль, что могушь удивляться, видя меня на такомъ балѣ, опспривала у меня удовольствіе быть шумъ. Герцога кто-то опспановилъ, а я между тѣмъ ускользнулъ опъ него, и возвращаясь въ залу, гдѣ танцовала г-жа Неверь, сѣлъ на скамью, съ кошорой она только что поднялась. Ахъ, не о балѣ думалъ я въ это время! Слова Посланника все еще опспывались въ ухахъ моихъ. Какъ нравилась мнѣ спрана, гдѣ всѣ пуши опспкрышы достоинству (*), гдѣ нѣтъ недоспизиимаго или невозможнаго шаланшу! гдѣ никогда не говоряшь: „пы не пойдешь далѣе!" Соревнованіе, мужество, усердіе, все разрушаешься невозможнымъ, эпою пропашію, ко-

---

(*) Какъ и у насъ. *Пер.*

чпорая опдѣляетъ ось цѣли и вѣчно непро-
 ходима! Тушь и власшь ничпозна, какъ са-
 мый палашъ; никакое могущество не пере-
 скочишь вшого препяшспвіа; и какое же впо
 препяшспвіе? — ния почшенное, ния ни-
 чѣмъ незапашнанное, ния ошца моего, кошо-
 рымъ я, но малодушію своему, гнушаюсь! Я
 негодовалъ на самого себя, и обвиняя въ се-
 бѣ впо чувство, какъ преступленіе, погру-
 жался въ пысячу печальныхъ размышлений.
 Поднявъ глаза, увидѣлъ я подѣ себя г-жу
 Неверъ. „Вы вѣрно были очень далеко оп-
 сюда?“ сказала она. — „Да,“ ошвѣчалъ я: „хо-
 чу вхашъ въ Англію, въ спрану, гдѣ нѣтъ
 ничего невозможнаго.“ — „А!“ сказала она:
 „я угадывала, что вы о помѣ думаете! Но
 что жъ вы не шанцуеште?“ — „Боюсь, что
 будешъ не прилично.“ — „Напрасно! если васъ
 пригласили, вы можете шанцовашъ; я не ви-
 жу шущъ ничего неприличнаго. Кого же вы
 пригласите?“ примолвила она улыбаясь. —
 „Васъ не смѣю, боюсь, что найдушъ и впо
 неприличнымъ.“ — „Еще шаки!“ вскричала
 она: „вошь подлинно пщеславная унижен-
 ность!“ — „Ахъ,“ возразилъ я уныло: „я
 попрошу васъ шанцовашъ въ Англію.“ Она
 покраснѣла. „Мнѣ надобно оспавишь свѣшь,
 прибавилъ я: „онъ не для меня, я въ немъ
 спрадаю, и чувствую себя болѣе и болѣе

одинокимъ, буду занимашься своимъ дѣломъ, явлюсь въ Палашу, никто не спроситъ шамъ, зачьиъ я пришелъ; надѣну черную маншю и буду вести шяжбы. Повѣрите ли вы мнѣ ваши? ручаюсь, что выиграю все.“— „Я хотѣла бы начать съ шого, чшобъ выиграть свою пеперешнюю,“ сказала она. „Пойдете ли вы панцовашь со мною?“ Я не могъ прошивишься искушеню, взялъ ея руку, ея руку, до кошорой никогда не касался! и мы спади въ коншрдансъ. Скоро я раскаялся въ своей слабости: мнѣ казалось, что все смотрѣли на насъ. Какъ будшо чиналъ я изумленіе на всѣхъ лицахъ; и отъ радости смотрѣлъ на нее, бышь шакъ близко, держашь ея почши въ своихъ объашіяхъ, переходилъ я безпрешанно къ горешному размышленю, что можешь бышь для меня сдѣлала она неприсшойность, за кошорую будущъ ея осуждашь. По окончаніи коншрданса подошелъ къ намъ Маршалъ д'Олонъ, и я видѣлъ на лицѣ его спрогосшь и неудовольшвіе. Г-жа Неверъ сказала ему что-шо на ухо, и пошчасъ прежняя привѣшлivosшь явилась въ чершахъ его. Онъ сказалъ мнѣ: „радуюсь, что васъ пригласилъ Посланникъ; эшо мило съ его стороны.“ Я исполковалъ себѣ эши слова шакъ: „Онъ эшо сдѣлалъ, чшобъ одолжишь меня; вы здѣсь изъ милосши.“ Такъ все

меня оскорбляло, и все, даже покровитель-ство Маршала, было испочникомъ спра-дливой для души моей, и униженія для моей гордости.

Нѣсколько дней послѣ этого празднества, все еще преслѣдовали меня злѣйшія размы-шленія, и я далъ себѣ твердое обѣщаніе не являться болѣе ни на одномъ балѣ. Унижен-ность моего положенія не была мнѣ такъ чувствительна въ домѣ Маршала, даже сре-ди его дружескаго общества, хотя оно все-гда состояло изъ первыхъ вельможей и особъ, знаменитыхъ умомъ своимъ. Здѣсь по край-ней мѣрѣ все можно было значить что ни-будь самому по себѣ, а въ шопѣ ничѣмъ не отличаясь, кромѣ имени и одежды; ходишь туда для вышивки своей ничтожности ка-залось мнѣ несноснымъ, какъ впрочемъ ни упрекалъ я себя за такую слабость. Я ду-малъ объ Англіи: какъ восхищался я поспя-новленіями, которыя по крайней мѣрѣ воз-вышаютъ малозначительность надеждами! Какъ! говорилъ я въ самомъ себѣ: по, что называюшь здѣсь непротиснелнымъ сума-сбродствомъ, послужило бы шамъ цѣлью къ благороднѣйшему рвенію; шамъ я могъ бы достигнуть до г-жи Неверъ! Семейное разстояніе заключаешь въ себѣ предѣлъ сча-стія и опчаянія. Какъ она была добра и ве-

ликодушна на этомъ балѣ! вздумала танцовать со мною, чтобъ возвысить меня въ собственныхъ глазахъ моихъ, чтобъ влить оспраду въ мою душу, видимо возмущенную. Но должно ли отъ женщины, должно ли отъ той, которую любилъ, получать покровительство и утѣшеніе? Въ этомъ коварномъ свѣтѣ все на выворотѣ; или лучше сказать, спрашивать къ ней перебивается всѣ естественныя отношенія; она не *оказала бы услуги* Князю д'Анришмонъ, попросивъ его танцовать; онъ могъ ожидать этого счастья, имѣлъ право его требовать; а мои требованія всѣ неумѣстны, моя любовь къ ней смѣшна! Охотнѣе бы перенесъ я смерть, нежели такую мысль; однако такъ овладѣла она мною, что съ такимъ же стараніемъ стала я убѣгать г-жи Неверъ, съ какими прежде искалъ ее. Но и шумъ не имѣлъ я мужества совсѣмъ отъ нее удалиться, оставивъ, какъ повелѣвалъ мнѣ долгъ мой, по жилищу, гдѣ я дышалъ однимъ съ нею воздухомъ, и посвятивъ себя на службу. По движелію, вовсе противоположному, г-жа Неверъ стала чаще говорить со мною и старалась разсвѣтить мое уныніе; стала рѣже вызывать по вечерамъ и долѣе оставаться со мною; мало по малу ея присушствіе смягчало горькія мои чувства.

Спустия нѣсколько дней послѣ бала Ан-гайскаго Посланника, въ домашней бесѣдѣ Маршала, зашла рѣчь вообще о празднествахъ, спали говорить о самыхъ блестящихъ изъ нихъ въ послѣднее время, и о самыхъ веселыхъ, „Веселама!“ вскричала г-жа Неверъ: „я не думаю, чшобы какое нибудь празднество могло бытъ весело; напрошмъ, меня всегда поражало то, что на нихъ видѣшь людей съ мрачными лицами, какъ будто преслѣдуемыхъ какою нибудь поскою. — „Кшо бы вообразилъ себѣ, что г-жа Неверъ дѣлаешь такое замѣчаніе!“ сказала Герцогъ Л. „Молода, прекрасна, счастлива — можешь ли она видѣшь что другое, кромѣ возбуждаемой ею зависти и внушаемаго воспорага?“ — „Никогда ничего подобнаго не вижу,“ сказала она: „и право не жалю о шомъ. Но безъ шутокъ; неужели не замѣчали вы вшой мрачности на всѣхъ лицахъ? Я увѣрена, что разсѣянность родилась ошъ горестней: счастлие не имѣеть такого встревоженнаго вида.“ — „Мы спросимъ на первомъ балѣ у шѣхъ, кого увидимъ,“ сказала смѣючись Герцогъ. — „Ахъ,“ ошвѣчала Г-жа Неверъ: „если бѣ это возможно было, вы вѣрно удивились бы ихъ ошвѣщаніемъ!“ — „Если бывають на балѣ несчастные,“ продолжалъ Герцогъ: „шо конечно ошъ васъ, сударыня. Вошъ Князь д'Ан-

ришмонъ; я позову его, пусть онъ засвидѣтельствуетъ.“ Герцогъ Л* всегда опыгрывался въ разговорѣ шулками; наблюдашь и разсуждашь было не его дѣло; какъ нѣко его суждалось въ перемѣнѣ мѣста, такъ и умъ перебѣгалъ съ предмета на предметъ каждую минушу. Я спарался сообразить, ошъ чего г-жа Неверъ, дѣлающая такое замѣчаніе о празднествѣхъ, полгода шолько чшо ими и занималась. Тому, что представилось моему разсудку, не смѣлъ я вѣришь: было бы сляшкомъ большое для меня счастье.

Слѣдующіе дни г-жа Неверъ казалась мнѣ печальною, но не убѣгала меня. Однажды вечеромъ сказала она мнѣ: „я знаю, чшо батюшка заботился о васъ, и чшо онъ надѣется даже вамъ хорошее мѣсто въ Минисперствѣ Иностранныхъ дѣлъ. Тушь найдете вы средство опличиниться скоро и съ успѣхомъ, и будете жить въ пріятномъ обществѣ.“ — „Я думалъ осмашься въ званіи опца моего,“ сказалъ я: „но мнѣ пріятно будете предославить Маршалу и вамъ располагать мною.“

Черезъ нѣсколько дней она сказала мнѣ: „мѣсто вамъ назначено, шолько батюшка мой не долго можетъ бышь вамъ шушь полевень.“ — „Такъ слуши о неблаговоленіи къ Герцогу д'А* справедливы?“ спросилъ я. —

„Очень справедливы,“ отвѣчала она: „и я думаю, что бабушка по же поспрадаешъ. По всей вѣроятности, онъ будетъ изгнанъ въ помѣстье свое Фаверанжъ, и я съ нимъ поѣду туда.“ — „Великій Боже!“ вскричалъ я: „и въ эту минушу вы говорите мнѣ о мѣстѣ? Такъ вы мало меня знаете, если думаете, что я соглашусь служить непріятелямъ вашимъ. Для меня одно полвокъ испро въ свѣтѣ — Фаверанжъ, и все мое честолюбіе бытъ шамъ першимъ.“ Съ этими словами я оставилъ ее, и еще въ душевномъ движеніи, пошелъ къ Маршалу съ объясненіемъ того, что внушало мнѣ мое сердце. Онъ былъ пронупъ; сказалъ мнѣ, что дѣйствительно Герцогъ д'А* впалъ въ немилость, и что, не раздѣляя ни благоволенія къ нему, ни его полномочія, онъ долженъ раздѣлится падшій на него гнѣвъ. „Я принужденъ былъ вступиться за него въ одноздѣль,“ сказалъ Маршалъ: „гдѣ спрадала честь его; я покоенъ, послѣдовалъ своему долгу; рано или поздно истина опкроется. Я принимаю доказательство швоей преданности, мой любезный Эдуардъ, какъ принялъ бы его опъ опца швоего; себя оставаяю я здѣсь на нѣсколько дней, чтобы кончить важнѣйшія дѣла мои, да кошормя, вѣроятно, не дадутъ мнѣ времени. Остаются шенерь

со мною; мнѣ хочется привести въ порядокъ, что можно, бытъ гошовымъ и не имѣть нужды ни о чемъ просить, ниже объ опрочкѣ.“

Приказъ объ изгнаніи полученъ былъ вечеромъ, и вдругъ по всему дому раздался плачь горести и опчаянія. Маршалъ, сохранившій полное спокойствіе, раздалъ нужнѣйшія приказанія, и занявъ каждого дѣломъ, прервалъ бесполезные вопли.

Герцогъ Л*, Князь д'Аришимонъ и другіе искренніе друзья съѣхались въ домъ Маршала, по первому слуху объ его несчастіи. Много стоило Маршалу укрощать буйное участіе Герцога, умѣрять его безразсудное усердіе и смягчать своевольство рѣчей его. Князь, напрошивъ, всегда держась настоящей мѣры, говорилъ только, что должно было, и я не понимаю, какимъ образомъ, при такой всегдашней приспосовности поступковъ, находилъ онъ средство бѣсить меня каждую минуту. Иногда, слушая образцовые извороты рѣчей его, я взглядывалъ на г-жу Неверъ и по легкой улыбкѣ, лезающей на устахъ ея, заключалъ, что Князь не былъ счастливѣе въ ея мнѣніи. Въ это же время случилось мнѣ испытать чувствительное огорченіе. Дядя мой, д'Эрбело, поступилъ съ Маршаломъ д'Олоннъ самымъ неприспосовель-

нымъ образомъ. Имъ надобно было обсуждѣть вашу вмѣстѣ одно дѣло, относящееся къ управленію Гвиней; послѣ многихъ, довольно горячихъ споровъ, дядя мой долженъ былъ уступить; оспавалось однако еще нѣсколько нерѣшенныхъ пунктовъ. Дядя мой, пользуясь благопріятнымъ временемъ, по случаю не-благоволенія къ Маршалу, завелъ интриги, и выхлопоталъ рѣшеніе дѣла въ свою пользу. Эшотъ черныи поступокъ поразилъ меня до глубины души.

Между шѣмъ, свѣни и дворъ Маршала скоро завалены были сундуками и чемоданами. Снарядили и послали обозъ напередъ, а Маршалъ съ г-жею Неверъ оставили Парижъ на другой день, взявъ съ собою только Аббаша Терсье. Наканунъ вечеромъ, весь Парижъ съѣхался къ дому Маршала, но онъ принималъ только друзей своихъ. Ему очень не нравилось это поруганіе власпи, копорого примѣры были въ то время такъ общи. Гораздо болѣе благородства находилъ онъ въ почтительномъ молчаніи. Я подражаю ему; но не сомнѣваюсь, что вы слышали тогда объ изгнаніи Маршала, какъ о болъшой несправедливости, основанной на самомъ спраннымъ заблужденіи.

Дѣла Маршала удержали меня дней восемь въ Парижѣ. Наконецъ повѣхалъ я въ Фа-

веранжъ, и сердце мое сильно билось отъ радости, что буду тамъ почти одинъ съ шою, которую спраспно любилъ. Виновная радость! гнусное себялюбіе! какъ горько былъ я за шо наказанъ, и при всемъ шомъ воспоминаніе о бурныхъ дняхъ, которые провелъ я съ нею, еще и теперь служишь ушъшеніемъ и подпорою моей жизни.

Я пріѣхалъ въ Фаверанжъ въ первыхъ числахъ Мая. Маршалъ, принявъ на свой счетъ радость, оказанную мною при свиданіи, благодарилъ меня, а я смущался его ласками. Если бъ онъ могъ чипашъ во глубинѣ души моей, какъ виновенъ представился бы я въ глазахъ его! Размышляя о шомъ, я не понималъ, какъ могъ онъ не угадывать тайныхъ чувствъ моихъ; но спаросшь и юношь равно скудны пронипапельностью: одна видишь шолько надежды, другая — шолько воспоминанія.

Фаверанжъ былъ топъ самый древній замокъ, въ которомъ воспишывалась г-жа Неверъ, и о которомъ она мнѣ однажды говорила. Его мѣстоположеніе превосходно: въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Узерша, на скалѣ, омываемой Коррезю. Дикая роца окружаетъ замокъ; рѣка, у подошвы горы, замыкаетъ роцу съ трехъ споронъ. Среднюю часть ея, отъ вершины до самой рѣки, зани-

маюшь старыя каштановыя деревья, на изрядномъ проспранствѣ, названномъ *Каштанникомъ*. Въ пѣни сихъ почтенныхъ деревьевъ, возросло множество поколѣній. Рѣка, поля, синевашые холмы, замыкающіе небосклонъ, все нравилось мнѣ въ эпомъ прелестномъ мѣстѣ; но все и безъ существенныхъ красотъ, понравилось бы мнѣ въ погдашнемъ расположеніи духа. Уединеніе, образъ жизни, видъ спокойствія, довольства г-жи Неверъ, все приводило меня въ эшо сладостное состояніе души, въ кошоромъ настоящее радостно, не желаешь ничего ни опъ прошедшаго, ни опъ будущаго, боишься за уходящее время, думаешь удержатъ часъ, кошорый ускользаешь, и день, кошорый кончается.

Маршаль д'Олоннъ завелъ въ Фаверанжъ совершенно правильный образъ жизни, при кошоромъ на все доспавало времени. Предъ опъѣздомъ изъ Парижа объявилъ онъ, что никого приниматъ къ себѣ не будетъ; руководствуясь здравымъ смысломъ, въ избыткѣ ему надѣленномъ, сыскалъ онъ себѣ занятія, кошорыя были очень заманчивы, пошому, что заключали въ себѣ полезную цѣль. Заведенная большая расчислка лѣсу, успройство фабрики и богадѣльни, занимали его почти цѣлое ушро: остальныя часы проводилъ онъ въ своемъ кабинетѣ, и соспавлялъ

записки о томъ времени своей жизни, когда наиболѣе посвящала себя дѣламъ общественымъ. Вечеромъ всѣ сходились въ гостиной; Маршалъ оживлялъ разговоръ своими воспоминаніями или предположеніями; газетны, чтеніе, подавали также много поводу къ разговорамъ, и никогда ни минуша досады не проявляла сожалѣній честолюбія въ изгнанномъ вельможѣ, или негодованія въ жертвѣ несправедливости. Это просмодущіе, это постоянство души не было дѣломъ усилія въ Маршалѣ. Нынѣ, онъ по природѣ былъ выше всѣхъ колдовщицъ счастія, такъ, что ему ничего не стоило не уважать ими; и если бѣ иногда человѣческая слабость проскользнула, безъ его вѣдома, въ сердце его и заронила бы тамъ искру щеславія, онъ смѣлъ бы рассказывать о томъ просмодущно и первый смѣлся бы самъ надъ собою. Это великое благонравіе возвышеннаго характера составляеть самое благородное зрѣлище, какое только можешь повстрѣчаться человѣку: оно утѣщаетъ и возвышаетъ духомъ даже тѣхъ, которые не умѣли бы до того достигнуть.

Однажды говорилъ я г-жѣ Неверъ съ восхищеніемъ о характерѣ отца ея. „У васъ все есть,“ сказала она мнѣ: „чтобы помянуть его; свѣтъ же восхищаетъ хорошимъ,

часто не зная почему; пріятно то, когда найдешь въ чужой душѣ всё опголоски своей, и тогда," примолвила она: „что ни дѣлай, но эти души сблизятся; напрасно спали бы разлучать ихъ!“ — „Не говорите этого," оповѣчалъ я: „легко докажете вамъ проотивное.“ — „Можешь быть, что скажете вы, еще болѣе подтвердитъ мысль мою," возразила она: „но я не буду васъ слушать.“ Тутъ ошошла она къ Аббату Терсе, который служилъ ей приближенцемъ во всякомъ случаѣ, когда ей не хотѣлось ошаваться со мною одной.

Невозможно было, чшобъ она не видѣла, какъ я ее люблю; иногда забывалъ я о препяшствіи, разлучающемъ насъ на вѣкъ. Въ этомъ уединеніи, счастье увлекало неволью. Видѣшь ее, слышаешь, иппи подлѣ нее, бышь опорой руки ея — эшимъ наслаженіямъ предавался я съ воспоргомъ. Надобно испытаешь любовь, чшобы знаешь, куда можешь завести слѣпоша ея. Кажется, жизнь совокупляется въ одну шочку, а все прочее представляется разсудку въ пускломъ видѣ. Съ большимъ усиліемъ напрягаешь мысль для другихъ предметовъ, и какъ скоро прекращается усиліе, опяшь вдаешься въ полношу ошрасти, въ забвеніе всего, чшо не она.

Иногда казалось мнѣ, что г-жа Неверь неравнодушна къ чувству, которое совсѣмъ не похоже было на тѣ, какія могла она внушать дошолъ; но по снранности моего положенія, мысль быть любимымъ, вмѣсто радости, вселяла въ меня ужасъ. Съ сею только мыслью измѣрялъ я проснранство, насъ разлучающее; тогда только чувствовалъ всю невозможность быть счастливымъ. Дошолъ я любилъ вшайнѣ, безъ цѣли, безъ плановъ, зная и помня, что эша спросишь можешь вести меня только къ моей гибели; но все же не обязанъ я былъ никому опчетомъ въ своемъ выборѣ. Если же я былъ любимъ г-жею Неверь, какое вопиющее преступленіе! Какъ! приняый снропоку въ домъ Маршала, взлелѣанный какъ сынъ, я употребилъ бы доврчивость его на то, чтобы влюбиться въ дочь его, завлечь ее, повергнувъ ее можешь быть въ мученія безнадежной спросни! Эшо предательство казалось мнѣ недоспойнымъ меня, и какъ ни восхищался я мыслью о счастіи взаимной любви, но все не ослаблялся до шого, чтобы находить возможнымъ какое нибудь себѣ извиненіе; впрочемъ и шунъ опять любовь увлекала невольню, — не то, чтобы изглаживала мои угрызения, но не давала времени о нихъ думать. Къ шому же еще недоспа-

вало мнѣ полной увѣренности, а время проходило между тѣмъ, какъ обыкновенно проходишь въ двадцать три года, съ такою страстію, которая владѣетъ всѣмъ существомъ.

Однажды вечеромъ — цѣлый день продолжался жестокой жаръ и солнце только что село — въ замкѣ распахнули окна, чтобы подышать прохладою. Маршалъ, Аббашъ и двое госпешъ изъ ближняго городка, довольно образованные, вдались въ пространный разговоръ по части Полишической Экономіи; цѣлый часъ шолковали они о шоргѣ хлѣбомъ, и завязались такіа длинныя разсужденія, съ безконечными доказательствами, которые шребуютъ всегда необыкновеннаго вниманія слушающихъ; за то итъшъ ничего лучше для тѣхъ, которые не слушаютъ, какъ мечшашъ подѣ шумокѣ шакихъ разговоровъ; никто не помѣшаешь имъ, никто объ нихъ не подумаешь. Г-жа Неверъ села въ валомѣ окна, чтобы насладишься прохладою вечера; вѣшвисшій гусшой жасминъ, покрывавшій наружную стѣну замка, переплелася длинными побѣгами даже съ рѣшешкою окна. Въ двухъ шагахъ позади нея, стоялъ я и емощрѣлъ на предешшную профилъ ея лица, которая рисовалась на лазури неба, еще зашшмаго послѣдними лучами вечерней за-

ри; въ воздухѣ блестяшъ шѣ, едва замѣтные атомы, которыми наполняется атмосфера при концѣ знойнаго лѣтняго дня; шонкимъ паромъ подернуло скашъ горы, лѣсъ и рѣку: еще не было шемношы, но уже не было и дня. Сильное движеніе овладѣло моимъ сердцемъ. Время ошъ времени вѣяніе прохлады ко мнѣ доспигало и приносило мнѣ жасминный аромашъ: казалось, шо было бальзамическое дыханіе изъ устъ моей возлюбленной! Съ жадностію вбиралъ я въ себя ашотъ сладостный воздухъ! Деревенская шшшина, часть вечера, безмолвіе, выразишельность этого милаго лица въ пѣвншельномъ согласіи со вѣтмъ, што его окружало, все упоало жменя любовію. Но шмьсяча горестныхъ размышлений, предспавились мнѣ вскорѣ. Такъ страстно люблю ее, думалъ я, и навсегда разлучень съ нею! Она здѣсь; я провожу съ нею жизнь, она чшпашеть въ моемъ сердцѣ, угадывашь мои чувства, зриашеть, можешь бышь, на нихъ безъ гнѣва: и чшо жъ! никогда, никогда мы не будемъ ничѣмъ другъ для друга! Преграда, насъ раздѣляющая, неразрушима; мнѣ можно только любить ее; прервнше постпгало бы ее въ моихъ объятіяхъ, а между шѣмъ сердца наши созданы для взаимности. Не шо ли, можешь бышь, и хочшъла она сказать дѣкогда! Непреодолимое

движеніе приблизило меня къ ней; я сѣлъ на то же окно, у котораго сидѣла она и при-слонилъ голову къ рѣшеткѣ. Полноша сердца мѣшала мнѣ говорить. „Что съ вами, Эдуардъ?“ сказала она. — „Развѣ не знаете вы?“ было моимъ отвѣтомъ. Она задумалась; пошомъ сказала: „Правда, я знаю; но если не хопите меня огорчать, то не будьте шакъ несчастны. Когда вы спрадаете, и я спрадаю съ вами; развѣ не знаете вы этого шакже?“ — „Мнѣ бы должно быть счастливымъ отъ много, что говорите вы,“ сказалъ я: „но не могу.“ — „Какъ!“ воскликнула она: „если будемъ проводишь жизнь, какъ провели эти два мѣсяца, вы все будете несчастливый?“ Я не смѣлъ сказать да; сорвавъ нѣсколько жасминовъ, едва уже замѣсныхъ въ сумеркахъ, я далъ ихъ ей; пошомъ взялъ ихъ опять, пошомъ покрылъ ихъ поцѣлуями и слезами. Скоро услышала я, что и она плачетъ, и это повергло меня въ отчаяніе. „Если вы несчастливый,“ сказалъ я: „по какъ я виновень! Скажите, должно ли мнѣ бѣжать?“ — „Ахъ,“ отвѣчала она: „уже поздно.“ — Принесли свѣчи; я вышелъ изъ гостинной; я былъ шакъ жалокъ, и однако шакъ счастливъ, что нельзя выразишь всей тревоги души моей.

Вышедъ изъ замка, но не въ силахъ со-
всѣмъ опъ него удалишься, блуждалъ я по
перрассамъ, опираясь на шъ стѣны, кошо-
ры вмѣщали въ себя г-жу Неверъ, и преда-
вался всѣмъ восторгамъ своего сердца. Бышь
любиму, любиму ея! Она почти сказала мнѣ
сама; но можно ли повѣришь? Жалось, со-
спраданіе ко мнѣ, говорилъ я въ самомъ се-
бѣ, вошь все, но и шого не довольно ли для
моего счастья? Ее уже не было у окна; я
замѣшилъ свѣшь въ башнѣ, сославляющей
одинъ изъ угловъ замка. Свѣшь казался въ
кабинешѣ, примыкающемъ къ комнашамъ г-жи
Неверъ. Улишковая лѣспница вела съ перрас-
сы въ эшошь кабинетъ. Дверь была оппер-
па, я подошелъ къ ней невольню; но едва пе-
решушилъ двѣ, при спупени, какъ вдругъ
оспановился. Чшо хочу дѣлать? подумалъ я;
оскорбишь ее, разсердишь! Я свѣлъ на спупе-
ни, но скоро, увлеченный слабоспію, пошелъ
выше. Не войду къ ней, думалъ про себя;
оспанусь у дверей, буду слушашъ ее, чув-
ствовашъ себя къ ней шакъ близко. — Я свѣлъ
на послѣдней спупени, при входѣ въ малень-
кую комнашку предъ кабинетомъ. Г-жа Не-
веръ была шочно въ кабинетѣ; я вскорѣ у-
слышалъ, чшо она ходишь, пошомъ вдругъ
оспанавливаешься, пошомъ начинаешь опашъ
ходишь; сердце мое билось шакъ сильно,

какъ бы хотѣло выпрыгнуть изъ груди. Я вспавалъ, садился, не понималъ самъ, чего хочу. Вдругъ дверь отворяется, она выходитъ: „Ты ли это, Агаша?“ говоритъ она, — „Нѣтъ,“ отвѣчала я: „простите ли вы мнѣ? Я увидѣлъ свѣтъ въ этомъ кабинетѣ — мысль, что вы здѣсь — не знаю самъ, какъ я попалъ сюда.“ — „Войдите, Эдуардъ!“ сказала она: „я хотѣла писать къ вамъ; гораздо лучше, если буду говорить, и можешь быть лучше, если бѣ я давно поговорила съ вами.“ Я видѣлъ, что глаза ея были заплаканы. — „Какъ я виновенъ!“ воскликнулъ я: „любя васъ, огорчаю, но что жѣ мнѣ возможно иначе? Ничего не надѣюсь, ничего не шребую, знаю твердо, что могу только быть несчастливымъ. Скажите мнѣ однако, если бѣ судьба сдѣлала насъ равными, смѣлъ ли бы я тогда любить васъ?“ — „Къ чему сомнѣнiе? Наши сердца отдались другъ другу въ одно время; я никогда ничѣмъ не обольщала себя, видѣла всю безразсудность такой склонности, знаю, что она можешь насъ погубить; но какъ избѣгнуть судьбы своей? Ощущенiе излечило бы ошъ слабости обыкновенной; я нарочно повѣхала къ подругѣ своей, чшобъ найти себѣ защиту ошъ страсти, пагубной для насъ обоихъ. Евгенiя употребила всю силу разсудка своего, чшобъ убѣдить меня въ

необходимости преодолевать мои чувства. Ахъ, вы сами хорошо знаете все, что насъ разлучаетъ! Я думала, что убѣждена достаточно моею подругою и возвратилась въ Парижъ, вооружась не только своимъ, какъ ея разумомъ. Я рѣшилась убѣгать васъ; искала развлечения шамъ, гдѣ знала навѣрное, что васъ нѣтъ. Какое разительное равнодушіе сопровождало меня въ эти многочисленные сходбища, куда вамъ не было доступа! Двери непрерывно отворялись, но никогда для васъ! Герцогъ Л* часто забавлялся надъ моею разсѣянностью. Въ самомъ дѣлѣ я имѣла довольно твердости, чтобы повиноваться совѣщаніямъ Евгени, и развѣзлась по баламъ; но, Эдуардъ! неужели не чувствовали вы, что моя душа блуждаетъ вокругъ васъ, что лучшая половина меня самой оспаеша съ вами, что она не можетъ васъ оставить? — Я упала къ ногамъ ея. Ахъ! если бъ я смѣлась ее въ своихъ объятіяхъ! Но только словами дозволялось мнѣ выражать восторги моего сердца. Я говорилъ, и говорилъ ей тысячу разъ, что я счастливъ; что никакія будущія не пересидятъ моего благополучія; что я проведу всю жизнь съ нею, любя ее, повинаясь ей; что нѣтъ жертвы, которую бы не было мнѣ легко принести ей. Въ самомъ дѣлѣ, мои горести, угрызения, ея санъ,

мое положеніе, проспрашиваю, насъ различающее, все скрылось изъ глазъ моихъ; мнѣ казалось, что я могу все сносить, всѣмъ пренебрегать, и недоступенъ всему, кромѣ невыразимой радости бытъ любимымъ г-жею Неверъ. „Не попребую жершвъ,“ сказала она; „но только благоразумія. Банюшка никогда не долженъ и подозрѣвать чувствъ нашихъ: вы знаете, что если онъ хоть слегка замѣшитъ что нибудь, то сочтетъ себя сильно оскорбленнымъ; его счастье, спокойствіе будущъ разрушены навсегда. О томъ - то я и хотѣла говорить съ вами,“ примолвила она: покраснѣвъ: „судите же сами, Эдуардъ, должна ли я, какъ теперь, оставаться съ вами одна? Я вамъ сказала все; ахъ! уже для насъ нѣтъ ничего скрытаго въ глубинѣ сердець нашихъ! не будемъ же видѣться одни.“ — „Я оставляю васъ,“ сказалъ я: „не завидуйте мнѣ въ этой минутѣ счастья; ахъ, неужели она пролетѣла?“

Очаровательная мысль, что я любимъ, нѣсколько дней не допускала меня ни до какого размышленія; я былъ къ тому неспособенъ. Слова г-жи Неверъ врезались въ мою память, и замѣняли собственныя мои мысли; я безрешительно повторялъ ихъ, и всегда съ тѣмъ же чувствомъ неизъяснимаго восторга. Я забывалъ обо всемъ; все шло

раюсь въ той восхищительной мысли, что я любимъ; что наши сердца отдались другъ другу въ одно время; что, не смотря на всѣ усилія, она не могла побѣдить своей ко мнѣ склонности; что она любитъ меня; что не отвергаетъ моей любви; что моя жизнь протечетъ вблизи ея; что увѣренность бытъ любимымъ замѣнитъ мнѣ всякое счастье. Всему этому вѣрилъ я чистосердечно, и мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы человеческое счастье могло когда либо бытъ выше того, какое испыталъ я, когда г-жа Неверъ говорила мнѣ, что и въ опсущствіи моемъ ея душа блаждала вокругъ меня.

Долго бы, можешь бытъ, продолжалось такое упоеніе, если бь Маршаль д'Олоннь, имѣвшій обыкновеніе хвалить пѣхъ, кого любилъ, не вздумалъ однажды распочашъ мнѣ похвалы свои. Онъ разговаривалъ съ сосѣдями, отдавшими у насъ въ Фавераннѣ, и хощя я, при самомъ началѣ разговора, думалъ выйти, но онъ приказалъ мнѣ оснашься. Ахъ, какое было нестерпимое мученье слушать похвалы моей приверженности, моей благодарности, моей скромности! И малѣйшей доли того было бы достаточно къ обращенію моего заблуждающагося разсудка и къ поселенію снова угрызений въ мою душу. Они дѣйствительно овладѣли мною въ сильной

ещепени, и перзали меня тѣмъ болѣе, что на время оставили было въ покоѣ. Но по странности моего характера, я находилъ и въ томъ какую-то опраду, что при всемъ этомъ чувствовала мнѣ была такого рода, какія должны были быть у честнаго, что страсть меня увлекала, не ослабляя, и что по крайней мѣрѣ г-жа Неверъ не опяла у меня сожалѣнія о добродѣтеляхъ, которыя перзала и дала ей. Я вынудилъ въ себѣ мысль, что со временемъ оставлю ее. Оставилъ г-жу Неверъ! разлучился съ нею! Нѣтъ, этой мысли я не могъ я свести, и при всемъ томъ имѣлъ нужду напоминать себѣ, что со временемъ сделаюсь способенъ къ такому пожертвованію. Но никогда я не былъ къ тому способенъ; въ послѣдствіи я испыталъ, что разстаться съ нею все равно для меня, какъ и разстаться съ жизнью.

Невозможно было съ нею, какъ мое, распространяемымъ сердцемъ, сообщать и получать крошечное счастье всегда одинаково. Г-жа Неверъ начала упрекать меня въ неравенствѣ расположенія духа; ей, жившей въ супружескомъ любви, чѣмъ бытъ счастливой, ей не было легко; съ ея стороны дѣлалась съ жертвы. Но каково было мнѣ, ее еспрашно любившему и увѣренному въ невозможности обладать ею! Каково было, въ безпрерывныхъ

угрызанихъ, скрываясь безнадежную спрассъ, гонящую мнѣ слышь и поношеніе, какъ скоро бы шлоко Маршалъ въ нее промкнулъ! Чшо бы скавалъ онъ мнѣ? Бѣданы! Правда, мнѣ должно было вшо одмань, и я чувшвовалъ, чшо не могъ представляшь другаго себѣ оправданія, кромѣ слабосши, недостойной честнаго челоувѣка, недостойной ошца моего, недостойной меня самого; на ашда слабосшь совершенно господствовала надо мною; я былъ спрассиень къ г-жѣ Неверь, и одинъ взглядъ ея плашмалъ мнѣ за все скорби. Великій Боже! не смѣю произнесши, чшо мнѣ заглушались все мои угрызениа.

Друпру проводили мы обыкновенно, все вмѣстѣ, нѣсколько часовъ въ большой библиотекѣ, усшроенной Маршаломъ по прїѣздѣ его въ Фавержанъ. Однажды полученны были изъ Париза нѣсколько ящиковъ, съ книгами, энциклопедіями, географическими картами, и большой, прекрасной глобусъ, одманнны: незадолго по новѣйшими открытіями Кука и Бугенина. Все вшо разешавлено было по сигналамъ, и Маршалъ, пересмотрѣвъ присланныя новизны, вышмалъ, и: увелъ съ собою Аббата Терсье.

Я оспадая одинъ съ г-жею Неверь: ешго наредъ большимъ глобусомъ, имъ вершмалъ ешо съ какою-шо мешашелавносшю, всегда новъ будаемою: даже въ маалымъ подобіемъ шра,

нами обитаемаго. Г-жа Неверь остановила взоры свои на Великомъ Тихомъ Океанѣ и на Архипелагѣ острововъ Товарищества. Тупѣ замѣтила она множество мелкихъ пточекъ, означающихъ какъ бы шолько скалы. Я спалъ ей рассказывать незадолго передъ тѣмъ чинанное изъ Кука: о тѣхъ опасностяхъ, какимъ подвергался онъ въ сихъ немзвѣсннхъ странахъ, между мѣлами, изображенными на глобусѣ и окружающими Архипелагъ, какъ бы служба ему защитною противъ Океана. Нѣкоторыя изъ небольшихъ прелестныхъ острововъ описывала я г-жѣ Неверь довольно подробно; она держала палецъ на одномъ изъ самыхъ маленькихъ, находящемся нѣсколько къ Северу отъ поворошнаго круга и удаленномъ отъ другихъ. „Этотъ островъ необитаемъ,“ сказала я: „но былъ бы того достоинъ; солнце тамъ не знойно; большія пальмы дають прохладу, смоквы и ананасы производяшь бесполезно прекрасные плоды свои; они зрѣють, падаютъ и никто не собираетъ ихъ. Не слышно инаго шѹму въ этомъ уединеннн, кромѣ журчання испочниковъ и пѣння птицъ. Вездѣ благораспворенный воздухъ, вездѣ благоуханнє цвѣтотъ, вездѣ счастье въ вшотъ пущынѣ. Ахъ,“ говорилъ я: „тамъ бы искашь убѣжища любящимся! Тамъ счастье соспавляли бы одни дары природы; тамъ

было бы неизвѣстно различіе сановъ или ихъ зостъ породы! тамъ было бы ненужно называть другимъ именемъ, кромѣ того, какое внушаетъ любовь — не составило бы безчестія называться именемъ того, кого любишь!“ Сказавъ это, я упала на спудъ, закрыла руками лице и вскорѣ почувствовала, что онѣ омочились моими слезами; я не смѣла взглянуть на г-жу Неверъ. „Эдуардъ!“ сказала она: „неужели это упрекъ? Можете ли вы думать, чтобы я считала жертвою отдать себя вамъ? Думаете ли, что безъ отца моего, могла бы я найши препяшствія?“ — Я повергся къ ногамъ ея и просилъ прощенія въ томъ, что осмѣлился сказать. „Читайше въ моемъ сердцѣ“, сказала я: „поймите, если возможно, хотя часъ того, что заставляешь меня страдать — того, что я скрываю отъ васъ; если вы обо мнѣ пожалуете, я буду менѣ несчастливъ.“

Этотъ вымышленный островъ сдѣлался предметомъ всѣхъ мечпаній моихъ; обманывая себя своими собственными грезами, я безпрестанно о нихъ думала. Туда переносила я мысленно шу, кошорую любила: тамъ она мнѣ принадлежала; тамъ была она моя, вся моя! Я жила этимъ мечпашельнымъ счастьемъ; убѣгала ее самой, чтобы находить снова среди вымысловъ моего воображенія, гдѣ,

чуждый суровыхъ и безжалостныхъ законовъ общезнѣнія, предавался я немалымъ призракамъ любви, на минушу меня уптѣшавшимъ, но за то послѣ обременявшимъ новыми, сильнѣйшими горестями.

Такія непрерывныя мучительныя перзанія конечно должны были подѣйствовать на мое здоровье; я спалъ чувствовалъ большое изнеможеніе; жестокое біеніе сердца часто внушало мнѣ мысль, что я приближаюсь къ концу моей жизни; и такъ жалокъ я былъ, что съ радостію встрѣчалъ предѣлъ свой. Ощъ г-жи Неверъ спсаль я бѣгашъ, боясь оспашься съ нею на единъ, и можешь бышь обнаружись частъ мученій, меня аперзавшихъ.

Однажды сказала она, что я худо выполняю данное обѣщаніе, довольствовалъсь только счастьемъ бышь любимымъ ею и полагаешь въ томъ дѣйствительнѣ свое счастье. „Вы худой судья щого, какъ я спрадаю,“ сказалъ я: „но не хочу вразумляшь васъ; для меня счастья не существуетъ; я его и не пребую; но скажите мнѣ только, скажите однажды, что пожелаете, когда меня не будешь; что могила, въ кощорой скоро подожашъ прахъ мой, привлечешъ иногда къ себѣ стопы ваши; скажите, что вы желали бы, чтобъ не было препятствія къ союзу

нашему." Туть я ушелъ, не дожидаясь отвѣта; я не могъ владѣть собою; чувствовалъ, что сказали бы и то, чего не хотѣлъ говорить; а страхъ огорчить ее столь же силенъ былъ въ душѣ моей, какъ и любовь, и самая горестъ моя. Я ушелъ въ поле; шамъ бродилъ я по цѣлымъ днямъ, въ надеждѣ укрыться отъ двухъ, попеременно перзавшихъ меня мыслей: одной, что никогда не буду обладать тою, которую люблю; другой, что прошивно чести оставался въ домѣ Маршала. Часто видѣлась мнѣ пѣнь оица, съ упрекомъ вопрошающаго, на что ли готовилъ онъ меня наспавленіемъ и примѣромъ. За симъ ужаснымъ видѣніемъ появлялся крошкій образъ г-жи Неверъ; имъ освѣждалась на минушу пошухающая жизнь моя; закрывая глаза, думалъ я отдалить отъ себя всѣ предметы, могущіе развлечь меня. Я видѣлъ ее, весь проникнуть былъ ею; мечта становилась бытіемъ, она улыбалась мнѣ, она упѣшала меня, она поспепенно смягчала мои муки, облегчала мои угрызения. Иногда находилъ я сонъ въ объятіяхъ этого призрака; но увь! я просыпался одинъ! О Боже милосердый! хотя бы нѣсколько дней суждено мнѣ было счастья! Но никогда, никогда! все было бесполезно; и двумъ сердцамъ, созданнымъ другъ для друга, проникнутымъ од-

ною любовью, надежало развешаться на-
всегда!

Однажды вечером, возвращаясь из сво-
их продолжительных прогулок, я сидела
в конце Кампанника, в преддверьи рощи,
однако очень далеко отъ зѣмка. Мнѣ хотѣ-
лось несколько успокоить себя, прежде, не-
жели войду въ роскинуую, гдѣ должны мнѣ
вспрѣтнуться взоры Маршала д'Олоннѣ. Вдругъ
вижу вдали г-жу Неверь, которая прибли-
жалась ко мнѣ; она шла медленно, въ глубо-
кой задумчивости, предметомъ которой онъ
сказывался сичашь я себя: она была безъ
нигласъ, прелестные волосы падали локонами
на плечамъ; легкая одежда развѣивалась вокругъ
нее; изящная ножка едва касалась ика,
почти не приминяя слѣдовъ; она казалась
Нимфой вшего лѣса; я смотрѣлъ на нее съ
наслажденіемъ; никогда не чувствовалъ въ
себѣ такого смѣшнаго къ ней влеченія; опи-
чашь, которому предавался цѣлый день, усу-
губило владычестно спросити надъ моимъ
Сердцемъ. Она подошла ко мнѣ, и какъ око-
ро и усаманала ея гомось, мнѣ показалось,
что я немного ободрился. „Гдѣ впо были
вы цѣлый день?“ сказала она: „развѣ не бою-
щесъ, что бабочка спашь удивилась
долгому отсутствію вашему? — Что нуж-
ды?“ отвѣчалъ я: „мое отсутствіе скоро бу-

дешь на вѣкъ.“— „Эдуардъ! шакъ-то вы держите обѣщанія, мнѣ данныя?“— „Не знаю,“ возразилъ я: „что мною обѣщано; шолько жизнь мнѣ въ шагосшь; будущаго для себя не вижу, считаю однимъ себя успокоеніемъ—смерть, въ ней нѣшь разносши породы, копорая мѣшаешъ счасію, нѣшь и моего мелочнаго имени; всѣ носяшь одно имя въ гробъ! Но душа не умираешъ; если она способна любилъ всегда, почему жѣ не ожидать продолженія взаимной душевной привязанности нашей въ другомъ свѣшъ?“— „Еще мы будемъ соединены и въ эпомъ, Эдуардъ; я рѣшилась, я буду ваша, буду вашею женою. Ахъ, въ эпомъ не ваше одно счасіе, и мое собственное! Но дайте мнѣ слово, что не увижу болѣе вшого блѣднаго, распроеннаго лица, съ какимъ являешесь вы съ нѣкопорого времени; обѣщайте, что вы помирисесь съ жизнью, съ надеждами; обѣщайте, что вы будете счасливвы.“— „Никогда! вскричала я въ отчаяніи: „Великій Боже! въ шу самую минушу, когда предлагаше вы мнѣ верхъ счасіа, я все должемъ останеться самымъ несчастливѣйшимъ изъ людей! Чшобъ я женился на васъ! чшобъ я посрамилъ васъ, опдашь на презрѣніе свѣшу, переиблилъ блескъ вашего сана на свою ничтожность, заставилъ васъ носить свое неизвѣстное имя!“— „Какая нуж-

да! Это имя предпочитаю я всемъ именамъ въ Испоріи; буду гордиться, нося его; это имя того, кто мною любимъ. Эдуардъ! не жершуйте счастьемъ нашимъ пустою разборчивостію!“—„Ахъ!“ вскричала я: „не говорите мнѣ о счастьи; нѣтъ счастья съ посрамленіемъ! Чшобъ я измѣнилъ чести! оказался предашелемъ въ глазахъ Маршала! я не могъ бы сносить его взгляда! И теперь уже прячусь отъ взоровъ его! Какое негодование излялъ бы онъ на меня! Безчестіе! все равно что невозможность! Нѣтъ ничего за такую цѣну!“—„И такъ, Эдуардъ, намъ надобно разстаться.“ — Я осполбевъ. „Вы желаете смерти моей,“ вскричала я: „и вы правы; она одна все устройшь можете. Такъ, я удаюсь; пойду въ солдаты; шуть не попросятъ меня доказать дворянство; я пойду на смерть. Ахъ, какъ она мнѣ будетъ сладостна! Какъ благословилъ бы я того, кто бы далъ мнѣ ее въ это мгновение!“ Я не смотрѣлъ на г-жу Неверъ, произнося эти ужасныя слова. Взглянулъ — и мнѣ показалось, что она уже не существуетъ: блѣдна, неподвижна, опершись о дерево, закрышы глаза и едва замѣшно дыханіе! Я понялъ тогда, что есть еще горести, сильнѣйшія испытанныхъ мною. Къ ногамъ ея бросился я, и спалъ умоляшь о прощеніи; просилъ не

вѣришь словамъ моимъ; клялся жить, чѣмъ бышь ея невольникомъ, другомъ, братомъ; мы высказали всѣ сладостныя имена, какія были намъ позволены. „Будемъ же,“ сказала она, вмѣстѣ молишься Богу,“ и бросилась подлѣ меня на колѣна: „будемъ просить, чѣмъбы Всевышній благословилъ любовь нашу въ ея невинности, чѣмъбы онъ дозволилъ намъ любить шакъ другъ друга по гробъ нашъ!“ — Ахъ, можно ли было не любить этого Ангела! Могло ли пресупное желаніе коснуться меня возлѣ нее! Обвинный чистымъ эиромъ души ея, самъ я былъ выше смертнаго. Но удали отъ нее, увы! дѣлался опять человѣкомъ, и желалъ обладать ею или умереть.

Тутъ вспунили мы въ странный и очень шагостный споръ; она хотѣла убѣдить меня жениться на ней, а я доказывалъ, чѣмъ честъ запрещаешь мнѣ это благополучіе, за которое готовъ бы я заплащивъ своею кровью и жизнью. Чего не говорила она мнѣ, чѣмъбы засшавишь меня приняшь ея руку! Пожертвованіе имени, сана для нее ничего не значило; она утверждала, и я былъ въ томъ увѣренъ. Какую павнищельную картину домашней жизни представляла она мнѣ! „Удѣндясь,“ говорила она: „въ нашей мирной обществѣ, въ глубч нашихъ горъ, счастливые взаимною любовью, въ мирѣ сами съ собою, бу-

демъ ли мы даже знашь хулы свѣща?“ — И она говорила правду, и я хорошо зналъ про-споту ея вкуса: не могъ сомнѣваться, чпобъ она не была счастлива подъ мирною нашею кровлею, съ моею любовью и въ невинности души своей. „Бышь можешъ,“ говорила она: „что я, любя васъ, нарушаю общеспвенныя приличія, но я не нарушаю законовъ Божескихъ; вы свободны, я тоже, или лучше, мы оба не свободны для всѣхъ обитателей міра, кромѣ самихъ себя. Какой же союзъ, Эдуардъ, можешъ бышь чище нашего? Чшо спали бы мы теперь дѣлашь въ жизни, если бъ не существовало такоаго союза между нами? Кого могли бы мы сдѣлашь счастливымъ?“ — Я не могу выразить того, что внушали мнѣ подобныя слова; я не былъ обольщенъ, не былъ взволнованъ ими, но слушалъ ихъ, какъ бы шѣ гармоническіе звуки, копорыми нѣжашъ слухъ и улаждають скорби. Упоенный такою нѣгою, я и не думалъ опвѣчашъ; слушалъ — и пдвнипельныя слова, какъ бы благошворнымъ бальзамомъ, заживляли мои раны. Но, по неизяснимой спранности, эши самыя слова производили во мнѣ иногда со-всѣмъ прошивное дѣйствіе: они повергали меня въ жесточайшее опчаяніе. Таково не-цоспоаянство спрасшей! счастье бышь лю-бимымъ во всемъ ушѣшало меня, или довер-

шало мои бѣдствія. Иногда г-жа Неверъ при-
 шворно казалась недовѣряющею любви моей.
 „Спало бышь вы мало меня любите,“ гово-
 рила она: „если я не могу васъ ушѣшить въ
 презрѣніи свѣша.“—„Я все бы забылъ у ногъ
 вашихъ, опшѣчалъ я, исключая бесчестія,
 исключая хулы, опъ копорой не могъ бы
 спасти васъ. Знаю хорошо, что бѣдствія
 жизни до васъ не коснулись бы въ моихъ объ-
 яшійхъ; однако хула не шакова, какъ другія
 раны: ея острое жало скорѣе доспигло бы
 моего сердца, нежели вашего, но не пощади-
 ло бы и васъ, и я былъ бы шому причиною.
 Какимъ именемъ не запяпнали бы чувство,
 насъ соединяющее? Я прослылъ бы подлымъ
 соблазнишелемъ, вы оппавшею дочерью. Ахъ
 нѣшь! не примемъ счастья цѣною посрамле-
 нія! Постараемъ жить, какъ мы жили, или
 пусшите меня удалишья опъ васъ и уме-
 реть. Я безъ сожалѣнія разспанусь съ жиз-
 нію; что можешь меня въ ней удерживашь?
 Я желалъ бы умереть скоро; не знаю, какое-
 то предчувствіе говоритъ мнѣ, что смерть,
 будетъ началомъ вѣчнаго союза нашего.“ Сле-
 зы наши оканчивали обыкновенно подобные
 разговоры; но предметъ ихъ, какъ ни былъ
 мраченъ, все заключалъ въ себѣ какую-то
 сладость, происходящую конечно опъ любви.
 Невозможно бышь совершенно несчастнымъ,

когда любовь взаимна, когда увѣренъ въ помъ, говоришь о помъ, и неразлученъ съ предметомъ любви. Это неизъяснимое довольство, сообщаемое спрасью, не можетъ ничѣмъ быть разрушено, кромъ перемны въ пѣхъ, кшо его испытываетъ; и конечно пошому, что спрасъ сильнѣе, чѣмъ всь бѣдствія, не ошъ нее происходящія.

Между пѣмъ чувствовали мы однако необходимость разсѣивать горестныя наши мысли, чшобъ сохранишь въ себѣ довольно силъ для перенесенія ихъ. Мы пробовали вмѣстѣ чишать, обращать вниманіе на другіе предметы; но воображеніе, занятое любовью, подобно шому волшебному мѣсу, который описанъ у Тасса, гдѣ всь исходы ведутъ къ одному мѣспу. Спрасъ на все ошзывается, и все къ ней приводитъ. Случалось ли при чшеніи находить чувства, выраженные съ испиною, это пошому, что они напоминали намъ каши; нравилось ли намъ описаніе красотъ природы, это пошому, что они представляли намъ образъ уединенія, въ которомъ хотѣлось бы намъ жить. Я находилъ въ г-жѣ Неверъ красоту и скромность Миашоновой Евы, нѣжность Юли, и горячую преданность Эммы. Спрасъ, приносящая шолько плоды слабости, возвышаетъ однако челоука до всего великаго, благород-

наго, выпрежняго. Намъ казалось иногда, что мы способны ко всему возвышенному, о чемъ читали; ничто не удивляло насъ; идеаль жизни представлялся намъ естественнымъ состояніемъ сердець нашихъ — такъ легко воспаряли мы въ ту высокую сферу великодушныхъ чувствованій. Но иногда также одно слово, живо напоминавшее намъ собственное положеніе наше, или нѣ прогашельныя картины супружеской любви, которыя такъ часто находимъ въ Англійской Поэзіи, низвергали меня съ вершинъ пльнительныхъ мечтаній въ бездну неукротимаго опчаянія. Тогда г-жа Неверъ утѣшала меня, старалась убѣдить снова въ томъ, что наше счастье еще не совсѣмъ невозможно, и опять возобновлялся между нами прежній споръ, который приносилъ тѣ же горести и тѣ же утѣшенія.

Уже около полугода находились мы въ Фаверанжѣ. Въ одинъ изъ послѣднихъ осеннихъ дней, вечеромъ, когда мы думали разошпсь, каждый въ свою комнашу, вдругъ послышался необыкновенный шумъ около замка: залаяли собаки, зазвучали цѣпи подъемнаго моста, раздались хлопанье бичей, ржаніе лошадей — по всему надобно было заключать о прїѣздѣ нѣсколькихъ почтовыхъ колясокъ. Я взглянулъ на г-жу Неверъ: одно-

го рода предчувствіе заставило насъ поблѣднѣвъ обоихъ, но мы еще не успѣли сообщити другъ другу своей мысли, какъ расшворились двери, и явились Герцогъ Л* съ Княземъ д' Анришмонъ. Прїздъ ихъ объяснялъ все: извѣстно было, что Маршалъ д'Олонъ не хотѣлъ приниматьъ у себя никого, пока продолжится его изгнаніе, и дѣйствительно во все это время посѣтили его только двое или шрое старыхъ друзей, которые и пробыли очень не долго. И такъ Маршалу привезено было приглашеніе явиться опять ко Двору. Герцогъ Л* объявилъ ему это съ шюю искренностію и простодушіемъ, которыми отличался онъ во всемъ, а Князь д' Анришмонъ снова призвалъ на помощь всѣ приличія, какими прежде надѣдалъ г-жѣ Неверъ. Къ ней особенно обращался онъ и теперь; она отвѣчала шулками; разговоръ оживился между ними, и я опять впалъ въ прежнія сраданія, отъ которыхъ отвыкъ въ теченіе полугода; но теперь они казались мнѣ еще мучительнѣе, по воспоминанію счастья, какимъ наслаждался я вблизи г-жи Неверъ, пользуясь однимъ предестію бесѣды, какую она только умѣла дѣлать столаъ заманчивою. Надобно было опять раздѣлать ее съ прїзжими и, къ довершенію всего, надобно было опять сносити учтиво-

сти — церемонныя опъ Князя д' Анришмонъ, искреннія опъ Герцога Л*, но каковы бы ни были, все ими напоминалось мнѣ и о томъ, кшо они, и о томъ, кшо я.

Начался разговоръ о новостяхъ Парижскихъ и Версальскихъ. Очень естественнo, что Маршалъ желалъ знать тысячу мелочей, о коихъ никшо прежде не могъ сказать ему; но я опять спалъ спрдашь неспершимо, чувствуя себя споль чуждымъ тому свѣту, въ кошорый г-жа Неверъ должна была опять переселиться. Князь д' Анришмонъ рассказывалъ, какъ Королева изъявляла желаніе, чшобъ г-жа Неверъ пріѣхала къ первому балу, кошорый намѣревалась она дать въ Трианонъ. Герцогъ Л* говорилъ о путешествіи Двора въ Фоншенебло, только что совершенномъ. Я не могъ удивляться, что г-жа Неверъ занимается особами, ей знакомыми, обществомъ, въ кошоромъ пронекла жизнь ея; но вшопъ разговоръ былъ шакъ несходенъ съ шѣми, какіе занимали насъ обыкновенно, что мнѣ казалось, будшо говорили совсѣмъ неизвѣстнымъ мнѣ языкомъ, и шягостное чувство испытывалъ я, видя, какъ свободно изъяснялась на немъ она, кошорую я любилъ. Увы! я забывалъ, что вшо ея собственнѣйшій: шопъ нѣжный языкъ люб-

ви, какимъ говорилъ мы такъ долго, изгладила въ моей памяти сады прошекшаго.

Герцогъ, который не могъ долго оставаться на одномъ предметѣ, началъ опять говорить о Фаверанжѣ, и восхищался всѣмъ, что ни видѣлъ: зрѣлищемъ замка съ дороги при свѣтѣ луны, готическою лѣсницею, особенно же заломъ, въ которой мы тогда были. Его удивляла старинная столярная работа изъ дубу, гладко вылакированного, на манеръ краснаго дерева, и особенно рѣзныя изображенія по стѣнамъ вооруженныхъ рыцарей, съ именемъ и девизомъ каждаго, также вырѣзанными у подножій. Занимаясь девизами, Герцогъ шутилъ надъ г-жею Неверъ, говоря, что прѣхала освободить ее изъ этого готическаго замка, въ которомъ она была заключена, какъ Принцесса рыцарскихъ временъ. „Вы вѣрно очень соскучились здѣсь въ полгода?“ спросилъ онъ.—„Ни мало,“ ошѣчала она: „Никогда не чувствовала я себя счастливѣе, и увѣрена, что бапюшка также ошавишь Фаверанжъ не безъ сожалѣнiя.“— „Да,“ сказала Маршалъ: „воспоминанiе о проведенномъ здѣсь времени будешь самое сладостное изъ всей моей жизни. Есть два рода быть счастливымъ,“ прибавилъ Маршалъ: „когда самъ испытываешь счастье, какъ когда другимъ доставляешь его: занимаешься нрав-

ственнымъ усовершенствованіемъ и благоденствіемъ большаго числа людей, есть, безъ сомнѣнія, источникъ чуждающихся и прочувствованныхъ наслажденій, пошому что всего менше окучаютъ удовольствіемъ дѣлать добро, особенно же такое, которое должно пережить насъ.“ — Меня чрезвычайно поразили эти немногія слова. Мысль сверкнула въ умѣ моемъ: какъ! Маршалъ могъ бы найти себя счастье и тогда, если бы я похищала дочь его; а я, великій Боже! съ пошеремъ г-жи Неверъ, я чувствовала, что все кончилось бы для меня въ жизни, все сдѣлалось бы мнѣ равнодушнымъ: участь моя, спокойствіе души, самая добродѣтель, и даже шопъ призракъ чести, которому я жертвовала собою, — я чувствовала, что и онъ для меня ничего не значилъ, если я распанусь съ нею. Одна смерть была бы тогда моимъ утѣщеніемъ, единственною цѣлью; въ цѣломъ мѣрѣ ничто бы ни привлекало меня, и самый мѣръ была бы пустыня — обширный, разверстанный гробъ. Мысль, что Маршалъ еще могъ бытъ счастливымъ безъ дочери, была для меня новою сѣнью, самую опаснѣйшею изъ всѣхъ, какія могли мнѣ бытъ распавлены.

Черезъ два дня по прїездѣ нашихъ гостей, Маршалъ д'Олоннъ уѣхалъ изъ Фавеража. Съ какою горестію распавался я съ

вспомнилъ мнѣспомъ, въ кошоромъ услышала признаніе г-жи Неверъ, что она меня любитъ! Я поѣхалъ спустя нѣсколько часовъ послѣ нее; ихъ употребилъ на то, чтобы сказать вѣжное прощаніе! всему, что напоминало о ней. Я всходилъ на башню, въ пошъ кабинешъ, для меня незабвенный, гдѣ ея уже не было. Тамъ бросился я на колыни предъ спудомъ, на кошоромъ сидѣла она; цѣловалъ вещи, до кошорыхъ касалась она; взялъ то, что было забыто ею, прижималъ къ своему сердцу вши памятники ея присутствія . . . . Увы! какъ мало для горѣвшаго обладать ею вполне! но и то мнѣ было дорого, какъ она сама; и я не могъ ошорваться ошъ спѣнь, ее окружавшихъ, ошъ кресель, въ кошорыхъ сидѣла она, ошъ воздуха, кошорымъ она дышала. Я очень зналъ, что менѣ буду съ нею шамъ, гдѣ оцашъ найду ее, нежели въ вшу минушу, въ вшомъ уединеніи, въ кошоромъ все о ней напоминало; мрачное предчувствіе говорило мнѣ, что въ Фаверанжъ проведены мною самыя счастливыя дни, какіе когда либо суждены мнѣ были небомъ.

Въ Парижъ, первый шагъ мой въ домъ Маршала былъ уже горестный: г-жи Неверъ не нашель я въ вшу минушу дома. Я пробѣжалъ огромныя залы съ сердцемъ, объяннымъ глубокою печалью. Въ немъ возобновилось

воспоминаніе о смерти отца моего. Не знаю почему - но казалось мнѣ, что все предсказывается новыя несчастія для меня въ этомъ домѣ. Я ушелъ въ свою комнату: здѣсь портретъ г-жи Неверъ, предсавленной еще ребенкомъ, ушѣшилъ меня немного, и я разсматривалъ его до той минушы, какъ позвали къ ужину. Тогда вошелъ я въ гостиную, и нашелъ множество гостей, коихорыхъ г-жа Неверъ, какъ хозяйка, занимала съ обыкновенною своею привѣтливостію, но какой-то опшѣнокъ печали замѣненъ былъ на челѣ ея. И онъ исчезъ, какъ скоро она меня увидѣла. Волшебство любви! я забылъ все свои горести; гордился ея поржешвомъ среди споль блиспашельнаго круга людей, шѣмъ удивленіемъ, какое во всѣхъ она возбуждала; и если бѣ тогда возможно мнѣ было опнить у нее хоть одну легкую шѣнь ея высокаго сана, разлучающаго насъ навсегда, я бы никакъ на то не согласился. Въ эту минушу сильнѣе во мнѣ было наслажденіе видѣшь ее превознесенною надъ всѣми, чѣмъ желаніе обладать ею, и я за нее чувствовалъ упоеніе гордости, къ какому никогда не былъ способенъ самъ по себѣ. Если бѣ я могъ шакъ всегда забываться, я былъ бы менѣ несчастливъ, но это было невозможно. Все бросало меня въ жаръ или въ холодъ, все извило меня:

всего больше завидовалъ я людямъ почечнаго званія въ шомъ равнодушїи, въ какомъ они должны находишьсѣ вездѣ и всегда. Во мнѣ же, напрошивъ, што безпокойство, шезраніе самолюбія могло бы сдѣлатьсѣ истиннымъ несчастіемъ, если бы другое, сильнѣйшее чувство не превозмогало порывовъ моего шщеславія. Мысли о г-жѣ Неверъ сокращали время, въ кошорое предавался имъ, и кошорое шѣмъ особенно было для меня шягосшно, что предшавляло новое доказательство невозможности союза съ нею. Все, что меня унижало, съ шѣмъ вмѣстѣ удаляло ошъ нее, и размышленіе о шомъ прибавляло новую горечь къ моимъ, и безъ шого горестнымъ чувствамъ

Возвращаясь изъ Фаверанжа, занялъ я ишпо, кошорое выхлопшала для меня Маршалъ по часши Иношранныхъ дѣлъ, и кошорое, изъ уваженія къ нему, было для меня сохранено. Въ работѣ не находилъ я шущь ничего шягосшнаго, и не шмошри на шо, исправлялъ небрежно свою должность. Сшрасшъ дѣлаешь особенно неспособнымъ къ пошполнымъ занятіямъ; съ шрудомъ опшдалаешь ошъ себя шу мысль, кошорой досшашочно для счастья, и всякое развлеченіе считаешь пошщеніемъ у любви. Но мнѣ предшавленъ былъ шаконъ легкій родъ дѣлъ, что мною всѣ

оспаивались довольны, и я извлекалъ изъ положенія своего почти все, что было въ немъ пріятнаго. Мѣсто мое доставляло мнѣ частныя сношенія съ почтеннѣйшими иностранцами, отовсюду спекавшими въ Парижъ, и непримѣтно пріобрѣтала болѣе самостоятельности въ свѣтъ, по небольшимъ услугамъ, какія могъ оказывать. Жилъ я все еще въ Маршальскомъ домѣ; шамъ проводилъ цѣлые дни, и мое опредѣленіе къ мѣсту ничего не перемѣнило въ моей жизни, кромѣ знакомствъ, нѣсколько умножившихся; вообще пріѣзжавшіе къ Маршалу иностранцы обращались со мною гораздо ласковѣе и дружественнѣе, пощому что болѣе меня знали.

Я предвидѣлъ, что рѣже буду видѣть г-жу Неверъ въ Парижѣ, но за всѣмъ тѣмъ не могъ не рваться съ ошчаяніемъ, когда не случалось долго видѣться съ нею наединѣ, къ чему вспрѣчалъ тысячу затрудненій. Весьма рѣдко осмѣливался я заходить въ ея комнату, боясь подать подозрѣніе Маршалу, а въ гостиной она всегда была окружена толпою. Часно ѣздила она, по необходимости, въ Версаль, иногда оспаивалась шамъ по цѣлымъ днямъ. Эти дни шакъ для меня тянулись, что я ошчаявался, будетъ ли имъ конецъ; каждая минуша, какъ свинцовая гиря, падала на мое сердце. Въ ожиданіи другой

минуши, инѣ казалось, что проходило Богъ знаетъ, сколько времени. Размышляя, что такимъ образомъ придется провести цѣлые часы этого безконечнаго дня, я приходила въ изнеможеніе, чувствовала надобность по крайней мѣрѣ привести въ движеніе свое тѣло и приблизиться къ ней, во что бы ни шло. Я увязала въ Версаль: боясь понасытятся комунибудь изъ людей Маршала, останавливалась въ отдаленномъ краю города, въ какомънибудь маленькомъ шракширѣ, и пускалась бродить по холмамъ, окружающимъ это прекрасное мѣсто. Саторійскій лѣсъ, высоты Сень - Сира, все было исхожено мною: обнаженные зимою деревья казались мрачны, какъ мое сердце. Съ вершинъ холмовъ разсматривала я великолѣпныя палаты, изъ которыхъ навсегда была изгнанъ. Ахъ, я не пожалѣла бы отдать ихъ за одинъ взглядъ г-жи Неверъ! Какъ счастливъ мужчина, могущій возвыситься шу, которую любишь, украсишь ее своею слагою, именемъ, блескомъ своего сана, и сжимая любезную въ своихъ объятіяхъ, чувствовалашь себя подпораю слабости ея, щипомъ ея непорочности! Увы, я не могъ ничего предложить своей возлюбленной, кромѣ сердца, разсержаннаго сирасшю и горестями. Долго оставался я погруженнымъ въ такіа вѣжкіа размышле-

ния; когда же начинало вечерѣшь, я прибли-
 жался ко дворцу; бродилъ по шѣмъ опустѣ-
 лымъ мѣстамъ, кошорыя, казалось, еще ожи-
 дали великой шѣи Людовика XIV. Иногда,
 сѣдя на подножїи сѣшауи, смотрѣлъ я на
 вѣи волшебныя сады, созданныя любовью;
 взглядомъ на нихъ наслаждалась душа моя:
 она согласовалась съ ихъ мрачношью, уеди-
 ненїемъ. Но когда обращалъ я глаза къ чер-
 шогамъ, въ кошорыхъ заключалось единствен-
 ное мое благо, то душа моя рвалась ус-
 ленными горестями. Эшошь очарованный за-
 мокъ мнѣ казался подъ защишою какого-то
 свирѣпаго чудовища. Напрасно воображенїе
 мое искало шуда пушей: всѣ были запершы,
 всѣ пресѣкались непреоборимыми оградами,
 и обманчивыя сѣези вели къ одному шоль-
 ко опчаянїю. Тогда приходило мнѣ на умъ
 говоренное Посланникомъ Англїйскимъ. Ахъ!
 если бѣ хошя одно поврище открыто было
 моему честшлюбїю, какїя шрудности могли
 би успрашїшь меня? Всѣ, всѣ пребороль
 бы я; могущешво любви безпредѣльно, за
 шо невозможность изводишь жизнь! Мрачная
 испина, вскорѣ являющаяся, разсѣивала всѣ
 мои сны; она указывала мнѣ вѣи условїя
 общежїшїя, кошорыя возбраняли мнѣ всякую
 надежду, и страшный голосъ опшывался во
 глубинѣ души моеї: „Никогда, никогда не

будешь или обладать г-жею Неверь! Смерть показалась бы мнѣ сладостна въ сравненіи съ муками, какія терпѣлъ я тогда. Я возвращался въ Парижъ въ самомъ жалкомъ положеніи, но не смотря на то, всегда предпочиталъ такое нѣлесное и душевное движеніе продолжительному ожиданію, въ которомъ не жилъ, а поминался.

Какъ часто, истерзанный спраданіями дня, повергался я къ ночи въ положеніе, среднее между опчаніемъ и безуміемъ: въ разстроенной головѣ моей зашвердела одна мысль — о г-жѣ Неверь; ее видѣлъ я безпрерывно; ловилъ въ свои объятія; но вдругъ бездна разверзлась между нами, — хотѣлъ перескочить и ягу, непобѣдимая сила меня удерживала; тщетно боролся я — лишь поминался въ бесполезныхъ усміяхъ, и, безпамятный, убитый, оставлялъ я борьбу, въ которой все существенное было только вредъ, мнѣ ею наносимый, и спрасть, ее причинявшая. Тайнственная связь шла съ душою! Что значить эта брѣнная оболочка, которая повинуетъ одной мысли, истребляемой бдѣніемъ? Я чувствовала, что не долго устою противъ такихъ ужасныхъ спраданій. Г-жа Неверь открыто оказывала мнѣ свое сожалѣніе и беспокойство; она старалась утѣшить мои муки, но безъ успѣха; сколько

средства изобрѣтала ея личность, чтобы доказать, какъ она предпочитаетъ меня всему! Она, блистательная, превозносимая, каждую минуту изыскивала случай увѣрить меня, что моя любовь дороже для нее любви всей вселенной. И пламенная признательность присоединилась еще къ другимъ чувствамъ моего сердца, которыя все стремились къ ней одной. Если бъ я могъ отдать ей жизнь свою! умереть за нее, лишь бы она была счастлива! прибавить свои дни къ ея днямъ, свою жизнь къ ея жизни! Увы! я не могъ ничего; взаимныя неотъемлемыхъ даровъ ея личности, не могъ я платить ничѣмъ.

Съ каждымъ днемъ принужденность, въ которой жилъ я, скрытность, къ которой долженъ былъ прибѣгать на каждомъ шагу, спановились для меня несстерпимые. Уже я отказался отъ счастья, но лишенъ былъ и послѣдней отрады несчастныхъ — той, чтобы предаваться свободно и вполне чувствовать своихъ горестей! Надобно было выставлать на показъ хоть сколько нибудь благовидное лице, и даже иногда пришворную веселость, для прикрытiя внутреннихъ терзанiй и отвращенiя подозрѣнiй отъ г-жи Неверъ. Одинъ шолько спрахъ уронить ее въ общемъ мнѣнiи давалъ мнѣ власть надъ самимъ собою, чтобы играть ролю, столь шлагошную.

Съ нѣкотораго времени спала я замѣчать, что благосклонность, какую всегда удостоивали меня Князь д'Анришмонъ и Герцогъ Л*, совершенно прекратилась. Первый оказывалъ мнѣ холодность, доходившую до презрѣнія; а второй подшучивалъ надо мною съ какою-то ироніею, совсѣмъ чуждою характеру его и обыкновенному обращенію. Если бь голова моя не была шакъ вскружена, я бы обратилъ болѣе вниманія на эту перемѣну; но Маршалъ д'Олоннъ оставался, въ отношеніи ко мнѣ, по прежнему, съ полною довѣренностію, а мнѣ казалось, что его только одного долженъ я быть бояться, и что я безопасенъ, пока онъ не подозрѣваетъ чувствъ моихъ къ г-жѣ Неверъ. По этому поспупки тѣхъ господъ огорчали меня только, ни мало не образумая; я никогда не любилъ Князя, почему и возненавидѣть его, казалось, еще отградѣе. Не ревность подспрекала меня: я зналъ, что г-жа Неверъ никогда не приметъ руки его, но я завидовалъ ему въ томъ, что онъ осмѣливается возвышать до нее свои требованія, и что онъ имѣетъ полное къ тому право. За его сухость и обидчивый шомъ плашилъ я ему съ избыткомъ, никогда не теряя случая смѣяться въ глазахъ его надъ тѣми недостатками, въ которыхъ можно было упрекнуть

его, и выхваляя безвѣрно шѣ добрыя качества, какихъ онъ не имѣлъ.

Однажды Маршалъ уѣхалъ въ Версаль на ужинъ, и долженъ былъ оспашься шамъ ночевашь: г-жа Неверъ не повѣдала съ нимъ, по нездоровью; она не велѣла никого принимашь, оспалась въ своемъ кабинетѣ, и шолько я и Аббашъ дѣлали съ нею время. Никогда въ глазахъ моихъ не была она столь пѣвнишельна, какъ въ эши минушы, въ ея небрежномъ уборѣ, почши лежа на диванѣ и нѣскольکو бѣдная ошъ болѣзни. Я читалъ ей новый Романъ, въ кошоромъ были мѣста, очень сходныя съ нашимъ положеніемъ. Мы оба плакали, Аббашъ заснулъ; въ десяти часовъ онъ проснулся, и сердце мое запрыгало ошъ радости, когда я увидѣлъ, что онъ хочешъ уйши ошъ насъ. Мы оспались одни. Опасныя, очень опасныя минушы, шѣмъ болѣе, что мы не были къ нимъ пригошвлены! „Эдуардъ,“ сказала мнѣ г-жа Неверъ: „я хочу васъ побрадишъ. Что у васъ за вражда съ Княземъ д' Анришмонъ? Вчера вы насказали ему очень много колкаго и обиднаго.“ — „Вы хошите вшупишья за него?“ спросилъ я: „Правда, что я его ненавижу; онъ имѣетъ виды на васъ, и я никакъ не могу ему просишъ шого.“ — „Такъ вы ревнуете? прекрасно! вамъ я предлагаю шо, въ чемъ ему ошказываю, и

вы еще не хотите принять. — „Ахъ,“ воскликнулъ я: „сдѣлайте меня величайшимъ человекомъ въ свѣтѣ, и я упаду къ ногамъ вашимъ, стану просить васъ быть моею.“ — „Такъ вы не хотите принять отъ меня того, что желаете мнѣ дать? Развѣ любовь занимается такими расчетами? развѣ не все у нее обще?“ — „Ахъ! безъ сомнѣнія; но надобно принадлежать другъ другу, имѣть одно сердце и одну душу: тогда двѣшвишь все обще въ любви.“ — „Если бѣ вы любили меня, сколько я васъ люблю, какъ мало бы вамъ стоило забыть о томъ, что насъ разлучаетъ!“ Я бросился къ ногамъ ея: „Жизнь моя принадлежитъ вамъ, сказалъ я, „вы въ томъ увѣрены; но честь! надобно сбереечь ее; вы лишили бы меня любви своей, если бѣ я былъ обезчещенъ.“ — „Ни мало не будете; свѣтъ, можете быть, побранить насъ. Что нужды? когда неразлученъ съ тѣмъ, кого любишь, чего надобно болѣе?“ — „Смалтесъ надо мною,“ вскричалъ я: „не маните меня изображеніемъ счастья, до кошораго не могу достигнуть: искушеніе слишкомъ велико.“ — „Я желала бы, чтобъ оно было непреодолимо. Эдуардъ, не отказывайся отъ счастья! Поди!“ сказала она съ упонительнымъ взглядомъ: „я заставляю тебя все позабыть!“ — „Вы заставляете меня умереть,“ воскликнулъ я

, Спрашиваю васъ — дайше мнѣ отвѣтъ. Жертва, какой вы ошъ меня пребуете — честь моя. Вы, принесли ли бъ вы шакую жертву? скажите, принесли ли бъ вы ее моему спокойствію, моей жизни?" Она весьма поняла меня. „Вы ли мнѣ говорите это, Эдуардъ?" сказала она измѣнившимся голосомъ. Я ошошелъ въ уголъ комнашы и бросился на спуль. Мнѣ казалось, что я умираю: суровый голосъ пронзиль какъ бы кинжаломъ сердце мое. Сжалась надо мной, она приблизилась и кошъла взяшь мою руку. „Оставьте меня," сказала я; „не дайше потерять послѣднюю каплю разсудка." — Я всталъ, чшобъ убѣжать; она удержала меня. „Нѣтъ!" сказала она со слезами: „я никогда не повѣрю, чшобъ вамъ нельзя было уважить меня иначе, какъ ошъ меня бѣгая." Я упалъ къ ногамъ ея. „Ангель души моей!" вскричала я: „буду, всегда буду уважать тебя, но ты видишь, ты чувствуешь сама, чшо не могу жить безъ тебя! но не могу и быть швоимъ! мнѣ ошнается только смерть! Не ужасайся этой мысли, моя возлюбленная. Тамъ, въ другой жизни, мы встрѣшимся. Скажи мнѣ, будешь ли моею на томъ свѣшъ?" — „Эдуардъ!" сказала она въ смущеніи: если ты умрешь, умру и я; жизнь моя въ швоемъ сердцѣ; ты не можешь умереть безъ меня!" Я

обвила рукою спань ея; она не вопрошивилась—склонила голову на плечо мое. „Не свободны ли мы оба? Никому не давали кляшвы: кто жъ помѣшаешь намъ принадлежать другъ другу? Богъ сжалился надъ нами.“ Я заключилъ ее въ свои объятія. „Эдуардъ!“ сказала она: „сжался ты надо мною, не поирами пой, которую любишь! Ты видишь, я прошивъ себя безсилна. Спаси меня! спаси меня! Если бъ шребовалась шолько жизнь, чшобъ сдѣлать тебя счастливымъ, я давно бы уже отдала свою; но мое безчестіе не будетъ и для тебя утѣшительно. И чшо жъ! ты не хочешь на мнѣ жениться, а хочешь моего посрамленія!“—„Ничего не хочу, кромѣ смерти!“ вскричалъ я въ опчаяніи: „Ахъ! если бъ по крайней мѣрѣ могъ умереть въ швоихъ объятіяхъ, испустишь послѣднее дыханіе на устахъ швоихъ.“ Она плакала; я не могъ удержашъ себя — осмѣлился похитишь поцѣлуй, въ кошоромъ она отказывала. — Тушь вырвалась она изъ рукъ моихъ; ея слезы, рыданія, опчаяніе засшавили меня дорого заплашшь за мгновенное счастье. Она принудила меня удалиться. Возвращаясь въ свою комнату, чувствоваль я себя самымъ жалкимъ челоувкомъ въ свѣшъ, и не шмошря на шо, воспоминаніе о прошекшей минутѣ усаждало мое сердце— оно сдѣлало бы меня счастли-

дивнымъ и среди ужасовъ смерти! Цѣлую ночь провелъ я въ жесточайшемъ волненіи; вса душа моя была въспревознена; даже потерялъ я изъ виду ту мысль, внушаемую честью, которая дошолъ руководила мною. Я спрашивалъ самого себя, почему не женишься на г-жѣ Неверъ; искалъ примѣровъ въ оправданіе своей слабости; говорилъ, что въ уединеніи забуду о свѣтѣ и хуль его; что, если нужно, убѣгу въ Америку, и даже на шопъ необитаемый островъ, предметъ давнишнихъ моихъ мечтаній! Какое мѣсто въ свѣтѣ не показалось бы мнѣ обителью утѣхъ съ подругою возлюбленною! Напалія! Напалія! повторялъ я въ подголоса, чтобъ эти сладосные звуки прельщали слухъ мой, упишали тревогу сердца. На разсвѣтѣ принесли мнѣ письмо; судите, что я долженъ былъ чувствовашь, его читая.

„Не бойшесь упрековъ, Эдуардъ; знаю, мно виновна сама, и виновнѣе, нежели вы; но пусть эшопъ урокъ всегда представляешь намъ бездну, скрышную подъ стопами нашими; еще есть время избѣгнуть ея. Нѣскольکو позже, Эдуардъ, въ эшой безднѣ погреблось бы счастье наше и добродѣтель. Не измѣнимъ же чувствамъ, соединившимъ сердца наши. Только доброе, справедливое, истинное, возвышенное въ жизни, сладо ихъ

въ одно чувство — въ чувство любви. Не будемъ же теперь опровергать сихъ качествъ души, которыми обязаны мы взаимною склонностию, и научимся быть счастливыми въ непорочности, — довольствоваться счастьемъ, которыми наслаждаться можемъ и предъ Окомъ Всевышняго.

„Должно, Эдуардъ; да, намъ должно соединиться, или разстаться. Разстаться! Неужели ты думаешь, что я могла бы написать это слово, если бы не была твердо уверена, что исполненіе невозможно? Гдѣ бы взялъ ты силъ опъ меня удалиться? гдѣ бы я взяла ихъ, чтобы жить безъ тебя? Ты другая моя половина, безъ которой не могу прожить одного дня, не чувствуешь ли ты, подобно мнѣ, что мы неразлучны? Что произошло оставишь ты мнѣ? Призракъ чести, ни на чемъ не основанный. Свѣшь обвинилъ бы себя въ моемъ обольщеніи! Ахъ, какое можешь быть обольщеніе между двумя, взаимно любящими сердцами, кромѣ обольщенія любви? Да и не я ли, скорѣе, тебя обольстила! Если бы я не показала, что люблю тебя, признался ли бы ты мнѣ въ своей вѣрности? Ахъ, нѣшь! ты уцѣрь бы прежде, нежели сдѣлалъ бы мнѣ такое признаніе! Ты говоришь, что не желаешь меня унижить? Но есть ли для женщины другая слава, кро-

мѣ славы бытъ любимой? другою санъ, другою пишуль, кромѣ шѣхъ, какими наслаждается она, бывъ любимой? Неужели шакъ мало полагаешься ты на свое сердце, что не надѣешься воздашь мнѣ за все, чего, какъ ты воображаешь, должна я лишиться? Представь себѣ, если можешь, ожидающее насъ счастье, когда мы будемъ соединены, и пожалуй, буде осмѣлишься, о шѣхъ мнимыхъ преимуществахъ, которыхъ считаешь для меня потерянными. Единственное препятствіе, Эдуардъ, мой отецъ; всѣ прочія презираю и не считаю достойными насъ. Но не думай, чтобъ я не писала надежды получитьъ нѣкогда и прощенье моего башюшки. Онъ любитъ меня, Эдуардъ; себя онъ также любитъ, и кто не полюбитъ себя, мой милый! Я увѣрена, что башюшка тысячу разъ сожалѣлъ о невозможности видѣть въ тебѣ сына; ты ему нравишься, ты понимаешь его, ты ему сынъ по сердцу. И не въ тебѣ ли кровь его шариннаго друга, который снасъ ему нѣкогда честь и достоиніе? И такъ мы принудимъ башюшку бытъ счастливымъ нашими попеченіями, нашею нѣжностію; если ошвергнешь онъ насъ здѣсь, по приметъ въ Фаверанжъ. Тамъ онъ осмѣлился признашь насъ дѣшными своими; тамъ онъ будетъ намъ ошцемъ, не по жишейскимъ приличіямъ, но

по чувству и долгу природы. И одинъ взглядъ на любовь нашу заставишь его забыть обо всемъ. Не спрашивай ничего. Уже ли не чувствуешь, что все будетъ возможно, какъ скоро мы соединимся другъ съ другомъ? Повѣрь мнѣ, но лишь невозможно для насъ, чтобы перестать любить, или жить, не говоря о взаимности любви нашей. Выбирай же, Эдуардъ! осмѣйся избрать счастье! Ахъ, не опкажи мнѣ! Не думай, чтобы ты себя одному обязанъ былъ опчешомъ въ выборъ. Нѣтъ, жизнь наша держится на одной нити; ты избереши смерть, избравъ побѣгу, и мою смерть вмѣстѣ съ твою!"

Дочитавъ письмо, бросился я на колѣна; клялся посвятить жизнь свою той, которая писала его, любить ее, сдѣлать ее счастливою. Я былъ въ упоеніи; все, что грызло сердце, исчезло, и только неизяснимое блаженство царствовало въ душѣ моей. Г-жа Неверъ знаешь гораздо лучше меня впошъ свѣтъ, въ которомъ провела всю жизнь свою, говорилъ я въ самомъ себѣ; она знаешь, чего намъ должно опасаться. Какъ я безрасудно опказывался опъ своего счастья! Маршалъ д'Олоннъ конечно проспитъ намъ счастье наше; со временемъ благословитъ онъ насъ; а Наталія! Наталія будетъ моею спущницею въ жизни, моею возлюблен-

нѣйшею подругою; до конца вѣка проживу я съ нею. — Эпи восхищительныя мысли давили мнѣ грудь полношю, и только слезы могли утолить радость, слишкомъ сильную для моего сердца, радость, послѣдовавшую незапно за столь горькими, столь глубокими, и часто столь болѣзненными чувствами!

Несперывно ждалъ я полудня: только въ это время возможно мнѣ было, не возбуждая подозрѣній, быть на минушу у г-жи Неверь, и видѣть ее одну. Эпюсть промежутокъ наполнился самыми опрадными предположеніями; воспоргъ мой дѣлалъ недоступнымъ всякое размышленіе къ нарушенію радости. Судьба моя была рѣшена; я возвышался въ собственныхъ глазахъ предпочтеніемъ, какое оказывала мнѣ г-жа Неверь, и одна мысль затмѣвала всѣ прочія — мысль, что она будетъ моя! вся моя! Самая смерть, если бѣ надобно было заплашить смершю за такое благополучіе, показалась бы мнѣ легкою данью. Мечташь о томъ, въ чемъ будешь состояшь счастье, прелестъ, обязанность моей жизни. . . . Нѣтъ, напрасно бы спало искать воображеніе красокъ или словъ, чтобы выразишь такія чувства! Кто слышалъ ихъ — поймешь; кто же не знаетъ

ихъ — пусть пожалѣешь, ибо все кончено въ жизни безъ нихъ, или послѣ нихъ!

Два дня, сѣдовавшіе за симъ, проведенны были нами въ чистѣйшемъ наслажденіи. Г-жа Неверъ старалась доказывать мнѣ, что въ принятой нами рѣшимости я приношу ей жертвы, и что я не обязанъ ей благодарностію, соглашаясь на ея счастье, и такое счастье, безъ котораго не могла бы она жить. Мы условились, что въ Маѣ поѣдетъ она въ Голландію: давно обѣщанное посвященіе г-жѣ С* служило хорошимъ пому предлогомъ. Я съ своей стороны долженъ былъ выдумать разныя дѣла, требующія моего присутствія въ Форезѣ, для оплочки на двѣ недѣли; тайно хотѣлъ я отправиться въ Гагу, и тамъ предполагалъ обвиняться съ г-жею Неверъ въ Посольской капеллѣ; Священника она знала, и могла совершенно положиться на его вѣрность. Возвратясь, мы имѣли бы тысячу средствъ видѣться и избѣгать подозрѣній.

Разсуждая теперъ, на какомъ зыбкомъ основаніи спроено было все зданіе моего счастья, самъ я удивляюсь, какъ могъ полагаться на него съ такою увѣренностію; но любовь творитъ около себя міръ идеальный. На все взираешь другими глазами; все видишь въ увеличенной мѣрѣ; ежедневное въ

жизни исчезаетъ; считаешь другихъ способными къ ипѣмъ же пожертвованіямъ, на какія гошовъ самъ; и какимъ горестнымъ удивленіемъ бываешь наконецъ образумленъ, когда предстанешь свѣпъ въ настоящемъ его видѣ, вооруженный холоднымъ своимъ разсудкомъ!

Однажды поутру, когда я собирался ийти къ г-жѣ Неверъ, вошелъ ко мнѣ дядя мой д'Эрбело. Съ изгнанія Маршала д'Олоннъ, я рѣдко съ нимъ видался; поступки его въ это время увеличили еще болѣе мое къ нему равнодушіе. Думая однако, что не хорошо ссориться съ братомъ моей мащери, я навѣщала его изрѣдка; только передъ тѣмъ не случилось мнѣ видѣть его недѣли съ три (*).

(*) Можетъ бытъ показуся, въ слѣдующемъ за симъ разговорѣ, многія выраженія напханушими; но они выписаны почти цѣликомъ; ихъ найдушь въ Запискахъ того времени: г-жи д'Эпинѣ, Барона Безанваля, Герцога Лозѣня, въ письмахъ г-жи Графини, и проч. и проч. Всѣ эти Записки суть замѣчательныя памятники той эпохи, когда порокъ шакъ воцорился въ нравахъ вѣкошорой части общества, какъ бы искренній другъ, котораго присушствие ничему не мѣшаешь въ домѣ. Люди того времени были смѣлы, снисходительны и порочны. На ряду съ примѣрами самаго необыкновеннаго праводушія въ жизни, испорченность являлась безъ покрова, и бакъ

Онъ вошелъ съ тѣмъ шушлявымъ, назойливымъ видомъ, который всегда служишь какъ бы вывѣскою скрытыхъ на умъ неприспоспособней и злорѣчія. Разговоры въ этомъ родѣ нравились ему чрезвычайно, и онъ занимался ими съ такимъ просподушіемъ, которое бѣсило меня еще болѣе, чѣмъ явная злоба; ибо предаваясь пороку съ душевною простотою и добрымъ сердцемъ еспь, по моему, верхъ развращенности.

бы величалась сама собою; развращъ доходилъ до того, что въ этомъ новомъ свѣтѣ порокъ дѣлался только предметомъ шушки; умъ, заблужденный лживымъ ученіемъ, опвергалъ почти одинаково добро и зло, благоговѣя только предъ удовольствіями. Одно пережило эту гибель нравственности; это одно — слово, котораго значенія и силы опредѣлишь нельзя, и кошорое, можешь быть, по этой самой зыбкости своей, избѣгло общаго разрушенія добродѣтелей: это слово — честь. Она была, какъ доска для спасающихся отъ гибели на морѣ; ибо примѣчательно, что въ революцію не что иное, какъ честь заставила приняться снова за нравственность, честь побудила къ эмиграціямъ, честь водворила опять религіозныя понятія. Какъ скоро къ безвѣрію присоединилось безчестіе, всякій захошѣлъ сдѣлаться человекомъ порядочнымъ. Таково-шо справедливо, что съ добродѣтелями бываетъ шо же самое, что и съ пороками: если сбереглась одна, не должно опчаяваться ни въ кошорой изъ прочихъ. *Сог-ца.*

„Ну, Эдуардъ,“ сказалъ онъ мнѣ: „ты славно повелъ дѣла свои; поздравляю, у тебя надобно учишься. Право, мы не мало дивились. Люсеваль и Баршеней предсказываютъ, что ты уйдешь далеко.“ — „Что хотишь вы сказать, дядюшка?“ спросилъ я довольно строго. — „Полно, полно!“ вскричалъ онъ: „хочешь шаяться; нѣтъ, пусть шаятся глупцы, но кто цѣлится высоко, для него нужна огласка, и самая большая. Только то и дѣйствительно, въ чемъ все увѣрены; за одной придетъ другая, и такъ далѣе; скоро заведешь ты порядочный реестръ.“ — „Я не понимаю васъ и право не знаю, о чемъ вы говорите, дядюшка.“ — „Ты сдѣлалъ самый лучший шагъ въ свѣтъ,“ продолжалъ онъ, не слушая меня: „и умѣлъ воспользоваться временемъ. Какъ все разинушь роты! Вся женщины захопята имѣть тебя.“ — „Имѣть меня!“ повторилъ я: „что все это значитъ?“ — „Ты малый прекрасный: удивительно ли, что имъ нравишься? Чортъ возьми! мало ли, какихъ не бываетъ у нихъ.“ — „Кто же? о комъ говорите вы?“ — „Какъ, о комъ говорю? о г-жѣ Неверъ, мой милый. Развѣ ты не любовникъ ея? Весь Парижъ о томъ шоакуетъ. И правду скажешь, не могъ выбрать лучшей женщины: она дѣлаешь тебѣ честь. Надобно дашь себѣ ходъ: мы про-

возгласимъ это дѣло ушвердительно ; это , Эдуардъ , самый лучший путь моды и счастья.“ Я чувствовала , что кровь спынешъ въ моихъ жилахъ. „Какія мерзости!“ вскричалъ я : „кто могъ сказать вамъ такую гнусную клевету ? Хочу знать дерзкаго и пошребовать ошъ него опчета.“ Дядя мой принялся хохотать . „Какъ ,“ сказалъ онъ : „неужли ты въ самомъ дѣлѣ такой новичекъ ? Ужь не влюбленъ ли ? И полно , выбей изъ головы эту глупость . Нытъ , мой милый , что день , то женщина — вотъ славно ! Онѣ сами то и дѣло , что рвутъ любовниковъ одна у другой . Имѣшь и перебивать , вотъ какъ ведется въ свѣтъ , Эдуардъ.“ — „Не знаю , гдѣ видѣли вы подобныя нравы ,“ сказалъ я въ досадѣ : „благодаря Бога , они мнѣ нужны , а еще болѣе той непорочной женщины , которую вы такъ оскорбляете . Назовите мнѣ сію минушу злаго клеветника !“ Дядя захохоталъ опять и повторилъ , что весь Парижъ говоритъ о моей удачѣ и хвалятъ меня за обольщеніе молодой женщины , которую конечно хорошо берегли . „Ее бережешь добродѣтель ,“ возразилъ я въ негодованіи : „кто-раго не могъ уже выдержать ; ей нытъ нужны въ другомъ обереженіи.“ — „Мнѣ право , удивительно!“ сказалъ дядя . „Гдѣ жъ ты жидь ? Неужели въ пустынь ?“ — „Нытъ , го-

сударь мой, я жилъ въ домѣ честнаго человека, гдѣ вамъ нельзя осмѣиваться: вы того недостойны.“ И, забывъ почтенье, какимъ обязанъ былъ брату моей матери, я вытолкнулъ его въ дверь и заперъ ее за собою.

Я остался въ опчяніи, которое почти лишило меня разсудка. Великій Боже! уже очернилъ я имя г-жи Неверъ! Клевета осмѣлилась запятнать жизнь ея, и я тому причиною. Ахъ, я былъ достоинъ всевозможныхъ казней, но всѣ онѣ и были въ моемъ сердцѣ. Моя любовь безчестила ее, говорила я въ самомъ себѣ; она опздаетъ ее на поруганіе, на презрѣніе свѣту, на тошъ срамъ, котораго ничто не изглаживаетъ — который возобновляется, какъ пьяно кровавое на рукѣ Макбета! Ахъ, клевета не рушится; смрадъ, ею воскуренный, вѣченъ; но пусть же погибнуть клеветники, я опмщу за Ангела всѣмъ, кто его оскорбляетъ. Возможно ли, что забывъ и честь и долгъ свой, я подвергъ себя этимъ подлымъ похваламъ? Такъ вопъ переводъ моего поведенія на языкъ порока? Увы! самая опасная свѣшь, какую только можешь разставить спрасъ, есть то обманчивое покрывало честности, которымъ она обертывается. Теперь истина предспала мнѣ въ нагошъ своей, и я считалъ себя самымъ низкимъ, самымъ виновнымъ

человѣкомъ въ свѣтъ. Что дѣлать! что предпринять! ищи ли объявить г-жѣ Неверь, что она обезчещена, и мною. Сердце мое леденѣло при этой мысли. Увы! куда дѣлось наше счастье? оно исчезло, какъ сонъ. Мое пресужденіе было неотвратимо! Если бѣ я и женился теперь на г-жѣ Неверь, чего не вообразили бы? Какихъ новыхъ клеветъ не выдумали бы, чтобы унижить ее? Должно было бѣжать! должно было оставить ее! я это чувствовалъ; я видѣлъ, что это мой долгъ; но эта гибельная необходимость являлась мнѣ, какъ чудовище, отъ котораго отворачивалъ я взоры. Это несчастіе, превышавшее все прочія, довершало мое опечаленіе. Я не умѣлъ предсавить себѣ, чтобы эта разлука была возможна; вдали отъ нее не существовало для меня пріиспанища въ мирѣ. Язвимый, терзаемый горестію, терялъ я даже способность размышлять; я видѣлъ, что не могъ оставаться съ г-жею Неверь; чувствовалъ, что хочу опистить, особливо Герцогу Л*, котораго дядя мой называлъ однимъ изъ выпустившихъ клевету; но мое опечаленіе превозмогало все; я какъ бы плавалъ въ морѣ самыхъ губительныхъ мыслей; ничто, ни съ какой стороны, не представлялось въ отраду; даже и то пожертвованіе, какое сдѣлалъ бы я, удалясь, не могъ я

считашь полезнымъ; уже оно было поздно; уже не было оно рѣшимостію добродѣтельной, благородною; я бѣжалъ опть г-жи Неверъ, какъ преступникъ, и все не могъ тѣмъ исправить зла, мною причиненнаго: это зло было неотвратимо! Она, чистая какъ Ангелъ, увидѣла бы имя свое на ряду съ тѣми потерянными женщинами, которыми всегда гнушалась; и я, я одинъ, возвелъ поруганіе на ея голову! Горестъ и отчаяніе шакъ овладѣли мною, что только мысль объ опщщеніи помѣшала мнѣ въ эту минушу лишитъ себя жизни.

Я колебался, ийти ли къ Герцогу Л*, не поговоривъ напередъ съ г-жею Неверъ, какъ вдругъ услышалъ, что въ ея комнатѣ сильно звоняшъ въ колокольчикъ; невольное движеніе заставило меня броситъся въ ту спору; опть слуги узналъ я, что съ г-жею Неверъ сдѣлался обморокъ. Въ ужасномъ страхѣ я кинулся къ ея комнатѣ; пробѣжалъ двѣ или три большія горницы, не зная самъ, что дѣлаю, и очутился при входѣ того самаго кабинета, въ которомъ еще наканунѣ осмѣливались мы помышлять о счастіи. Г-жа Неверъ лежала на диванѣ, блѣдная, безъ чувствъ. Ее поддерживала молодая женщина, мнѣ совсѣмъ незнакомая; я успѣлъ только взглянуть на нихъ въ дверь. Маршалъ д'Олонья

вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. „Что вы здѣсь дѣлаете? спросилъ онъ суровымъ тономъ: „выдѣше!“ — „Нѣтъ!“ сказала я: „если она умреть, умру и я.“ Тутъ бросился я на козла передъ диваномъ. Маршалъ меня поднялъ. „Вы не можете здѣсь оставаться,“ сказалъ онъ: „подише въ вашу комнату; послѣ я поговорю съ вами.“ Сухость его и холодность пронзили бы мое сердце, если бы я могъ думать о чемъ другомъ, кромѣ г-жи Неверъ; но я почти не слушалъ Маршала; мнѣ казалось, что жизнь моя была на волоскѣ, гошовой порвалась, какъ скоро въ ней не спанеть жизни. Молодая женщина оборотилась ко мнѣ; я увидѣлъ слезы на глазахъ ея. „Нашалин,“ сказала она: „сдѣлаешся еще хуже, когда, опомнясь, увидишь васъ.“ — „Право? шакъ я пойду.“ И я ушелъ въ комнату предъ кабинетомъ; да же не могъ вѣсти, шущъ бросился я на козла: „Боже мой!“ молилъ я: „спаси ее! спаси ее!“ Только эти слова повторялъ я безпрестанно. Вскорѣ услышалъ, что она пришла въ память; спали говорить, засуетились вокругъ нее. Въ это время вошелъ старый слуга г-жи Неверъ, бывший при ней съ дѣтства; увидѣвъ меня, онъ сказалъ: „Ахъ, Боже мой! какъ вы блѣдны, сударь! Вы себя убиваете. Обопришесь на меня, я отведу

вась въ комнашу вашу.“ Я хотѣлъ послушаться его, но шупъ вошелъ опять Маршалъ изъ кабинета своей дочери. „Еще здѣсь!“ сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ: „Извольте ишши за мною, сударь, мнѣ надобно съ вами говорить.“ — „Онъ едва споншь, не можемъ ишши,“ сказалъ спарикъ. — „Могу!“ вскричалъ я, прерывая его, и собравъ силы свои, последовалъ за Маршаломъ, предвидя, что́ будешь.

„Объясненія между нами излишни,“ сказалъ мнѣ Маршалъ: „дочь моя во всемъ призналась. Ея подруга, извѣстясь прежде меня о клеветахъ, на нее взводимыхъ, прѣехала изъ Голландіи, чтобы извлечь ее изъ пропасти, въ кошорю она гошова погрузилась. Думаю, что вы уже знаете о вредѣ, нанесенномъ вами доброй ея славы; поступки ваши шѣмъ виновитѣ, что пеперь не въ силахъ ванихъ поправить бѣду. Требую, чтобы вы сей часъ опсюда уѣхали; я не оспавляю сына спараго друга, какъ ни мало показалъ онъ себя достойнымъ моего покровительства. Я выпрошу для васъ мѣсто Секретаря въ Посольствѣ при одномъ изъ Дворовъ Сѣвера; вы можете на то положиться. Позжайте немедленно въ Люнъ, и ждите тамъ своего назначенія.“ — „Мнѣ ничего не нужно,“ сказалъ я: „позвольте опказаться опъ“

вашихъ милостей; завтра меня здѣсь не будешь.“ — „Куда жъ пойдете вы?“ — „Не знаю.“ — „Какіе планы ваши?“ — „У меня ихъ нѣтъ.“ — „Но что жъ съ вами будешь?“ — „Какая нужда!“ — „Не думайше, Эдуардъ, что любовь и жизнь, все равно.“ — „Не хочу иной жизни.“ — „Вы много пошеряете въ будущемъ.“ — „Для меня его нѣтъ.“ — „Несчастный! что жъ я могу для васъ сдѣлать?“ — „Ничего.“ — „Эдуардъ! вы шерзаете мое сердце; я вооружилъ его строгостию, но съ вами не могу имѣть ее долго. Я не забылъ обѣщаній, данныхъ умирающему опцу вашему; я все для васъ гошовъ сдѣлать, но вы сами чувствуете конечно, что не можете жениться на моей дочери.“ — „Знаю, милосивый государь, знаю совершенно, завтра же я уѣду. Позволише ли шеперь мнѣ удалиться?“ — „Нѣтъ, не такимъ образомъ! Эдуардъ! сынъ мой! развѣ не признаешь меня впорымъ опцемъ своимъ?“ — „Ахъ,“ вскричала я: „вы опецъ г-жи Неверъ; пекишесь о ней, любите ее, когда меня не будешь. Увы! ей нужно будешь упѣшеніе!“ Я оставилъ его; пошелъ къ себѣ, въ шу комнашу, изъ кошорой долженъ былъ удалиться на вѣкъ! въ шу комнашу, гдѣ я шакъ много думалъ о ней, гдѣ жилъ подѣ одной съ нею кровлею. И шакъ мнѣ должно опсез-

да удалишься! повсюду я въ самомъ себѣ. Ахъ, гораздо лучше было бы умереть! — Уже вершлась въ головѣ моей мысль положить предѣлъ моей жизни и спрдаданіямъ; но думая, что огорчу г-жу Неверъ, и въ жаждѣ опмщенія, я удержался.

Бъшенство мое противъ Герцога Л* не имѣло границъ; онъ видѣлъ насъ очень близко, и слѣдственно могъ судить, что мое почтеніе къ г-жѣ Неверъ равнялось моей спрасши. И такъ онъ пришворно считалъ меня ея любовникомъ, по обдуманной злобѣ, достойной всевозможныхъ казней. Я изнывалъ отъ желанія удовлетворить своему мщенію, и на него одного вскидывалъ бьшенство и опчаяніе, которыми отъ сполькихъ соединенныхъ причинъ наполнялась грудь моя. Ночь провелъ я въ распоряженіяхъ по дѣламъ своимъ; къ г-жѣ Неверъ и къ Маршалу д'Олоннъ написалъ я письма, которыя велѣлъ вручить имъ, если не буду въ живыхъ; для нѣкоторыхъ старыхъ слугъ отца моего, остававшихся въ Форезѣ, написалъ я родъ завѣщанія, къ ихъ обезпеченію по конецъ жизни. Нѣсколько успокоивался я мыслями, что опмщу за г-жу Неверъ, или кончу горешную жизнь свою, и она обо мнѣ помязеть. Упорно прошивился я сматченію, къ которому невольно увлекалось мое сердце —

религиознымъ чувствамъ , въ которыхъ я
былъ воспианъ — моимъ правдамъ , вопреки
мнѣ возвышавшимъ свой голосъ въ глубинѣ
души моей. Въ восемь часовъ отправился я
къ Герцогу Л*; онъ еще не вспавалъ, надоб-
но было дожидаться. Я ходилъ взадъ и впе-
редъ по залѣ въ шакомъ движеніи , отъ ко-
шораго кровь кипѣла во мнѣ. Наконецъ ме-
ня приняли. Герцогъ казался удивленнымъ ,
увидѣвъ меня. „Я пришелъ,“ сказалъ я ему :
„пошребовать отъ васъ, государь мой , отъ-
чеша въ оскорбленіи , мнѣ сдѣланномъ , и въ
клеветахъ , которыя выпустили вы обо мнѣ
на счетъ г-жи Неверъ. Не думайте , чѣмъ
я просилъ шакую обиду , и вы обязаны , го-
сударь мой , меня удовольствовать.“ — „Съ
большою бы охотою,“ отвѣчалъ онъ : „вы
знаете, г. Ж* , чѣмъ я не шушу подобныхъ
дѣлъ; но къ сожалѣнію, въ шеперешнемъ слу-
чаѣ это невозможно.“ — „Невозможно!“
вскричалъ я : „это мы увидимъ. Думаете ли,
что я позволю вамъ безнаказанно клеветать
моимъ именемъ добродѣтели , и чернить сла-
ву Ангела чистоты и непорочности.“ —
„Что до клеветы,“ сказалъ , смѣючись , Гер-
цогъ : „вы мнѣ позволите не брать этого вы-
раженія въ спрогомъ смыслѣ. Я думаю , что
вы любовникъ г-жи Неверъ; думаю и теперь,
и говорю это ; но шушь право, не вижу я,

что для васъ оскорбительно. Вамъ давши прелестнѣйшую женщину во всемъ Парижѣ, и вы на то сердитесь? Многіе желали бы быть на вашемъ мѣстѣ, и скажу правду, я первый.“ — „Я же, государь мой, я бы поспыдался быть на вашемъ мѣстѣ. Г-жа Неверъ чиста, она добродѣтельна, ей ни въ чемъ нельзя сдѣлать упрека. Послушки, взводимые на меня вами, приличны только подлецу, и вы обязаны дать мнѣ опчесть въ словахъ вашихъ.“ — „Я говорю, что мнѣ хочется, думаю о васъ и даже о г-жѣ Неверъ, что мнѣ хочется. Вы можете оприцать свои удачи, это очень похвально, хотя и не советъ въ обычай нашего времени. Что же до того, чтобы съ вами биться, клянусь честію, что неперъ беретъ меня большая охота; но вы знаете, это невозможно. Вы не дворянинъ, не имѣете никакого званія въ свѣтѣ; надо мной всѣ снани бы смѣялись, если бъ я согласился на то, чего вы желаете. Таковъ предрасудокъ. Жалю, крайне жалю,“ прибавилъ онъ, смятаясь, „будете увѣрены, что я васъ уважаю ось всей души, г. Ж*, и что я былъ бы восхищенъ, если бъ вы могли драться. Вы блѣднѣете! жалю о васъ: вы человекъ достойный. Повѣрьте, что я бѣшусь на это варварскій обычай; нахожу его несправедливымъ, нахожу его

гнусливымъ; не пожалѣлъ бы крови своей, только бы позволено было драться съ вами.“ — „Великій Боже!“ вскричала я: „мнѣ казалось, что надо мною ищощены всѣ горести! — „Эдуардъ!“ сказалъ Герцогъ кошорый болѣе и болѣе прогася моимъ положеніемъ: не принимайте друга за недруга; право я сама шерзаюсь вѣщимъ. Нѣсколько безразсудныхъ словъ не могушь ли бышь чѣмъ нибудь исправлены?“ — „Ничѣмъ въ свѣтѣ,“ ошвѣчалъ я. „Такъ вы ошказываетесь сдѣлашь мнѣ удовлетвореніе?“ — „Принужденъ,“ сказалъ Герцогъ. — „И шакъ, сударь,“ возразилъ я: „вы подлець; пошому, что подло обижаетъ честнаго человека, и лишаетъ его средствъ ошмщенія.“

Я вышла въ бѣшенствѣ изъ дома Герцога Л*. Какъ бездушный, бѣгалъ я по улицамъ; каждая мысль моя производила во мнѣ судорожныя движенія. Адскія фурія, какъ будто гнались до пятамъ моимъ: зло, мною причиненное, было неосшврашимо, и яростъ моей мшшительности ошавляли ненасыщенною! Тушь опять видѣлъ я превращенность лищейскихъ правилъ, повсюду меня преслѣдовавшихъ. Въ каждомъ существѣ, живомъ и бездушномъ, предшавлявшимся моимъ взорамъ, мнилисъ мнѣ враги мои. Тогда сдѣлалось мнѣ ясно, что только смерти искалъ я въ домѣ Герцога Л* о шомъ, что будещъ

со мною посаѣ этого посѣщенія, совсѣмъ не приходило мнѣ въ голову. Жизнь представлялась мнѣ обширнымъ бесплоднымъ полемъ, на кошоромъ не могъ я сдѣлать шагу безъ омерзенія и опчаянія. Я чувствовала себя подъ гнѣсомъ своего существованія, какъ бы подъ свинцовою бронею. Одинъ мигъ можешь освободишь меня отъ такихъ терзаній! подумалъ я, и покушеніе ужасное, но непреодолимое, повлекло меня къ рѣкѣ!

Домъ Герцога Л* былъ въ концѣ Сень-Жерменской улицы, къ новымъ булеварамъ, а я, въ сихъ мучительныхъ мысляхъ, шель уже по улицѣ Бакъ, съ необыкновенною скоростію. Меня толкали и ошанавливали каждую минуту въ шолпѣ, кошорая пѣснилась въ этой многолюдной улицѣ. Люди, шедшіе покойно по своимъ дѣламъ, приводили меня въ содроганіе. Нашура человѣческая не терпитъ одиночества: она имѣетъ нужду въ состраданіи. Равнодушіе къ горестямъ нашимъ чловѣка, существа, намъ подобнаго, возмущаетъ въ насъ душу, въ кошорую Богъ вложилъ зародышь участія къ ближнему, споль рѣдко содрывающій въ людяхъ и такъ часто замѣщаемый эгоизмомъ. Это горькое чувство еще болѣе расправило мои раны; казалось, опчаяніе возрастало, находя въ самомъ себѣ пищу. И оно достигло во мнѣ высочайшей

мѣры, какъ вдругъ увидѣлъ я карешу г-жи Неверъ, кошорая ко мнѣ приближалась. Я узналъ издали ея лошадей и людей, и въ сердцѣ моемъ опоздалось еще разъ что то противное горести, когда я подумалъ, что увижу ее опять. Однако не довзжая десяти шаговъ до меня, кареша повернула во дворъ дѣвичьего монастыря Св. Маріи. Мнѣ пришла мысль, что г-жа Неверъ пріѣхала сюда къ обѣднѣ, и я въ ту же минушу вздумалъ послѣдовать за нею, помолившись вмѣстѣ съ нею, помолиль Бога за нее, испросилъ у Подателя благъ швердости для обоихъ насъ, умилосердилъ къ намъ Того, Кто даетъ еще утѣшеніе, когда ничто въ мѣрѣ не можеть дать его! Вошь какъ спасъ меня эпомъ Ангель; ошь одного ея присушствія оцвѣтѣло мое отчаяніе, и отврашилось ужасное преступленіе; къ кошорому я готовился.

Я бросился на колѣна въ шемномъ углу маленькой церкви. Съ какимъ пламеннымъ усердіемъ умолялъ я Всевышняго утѣивши, призрѣши, благословяши ту, кошорую любилъ я! Мнѣ ее не было видно, пошому, что она стояла за рѣшеткою; но я думалъ, что можеть бытъ и она въ эпу минушу молиши за несчастнаго своего друга, что чувствуетъ наши еще разъ между собою согласны. Боже милосшиный! воскликнулъ я: да соединяшся

молюби наши въ Тебѣ, какъ иъкогда души
 наши въ Тебѣ соединяшся! Такъ, иеиначе,
 совершишся союзъ нашъ: Ты не благоволилъ
 допустить его на землѣ, но Ты не разлу-
 чишь насъ въ небѣ. Не содѣлай ее жертвою
 моихъ безразсудствъ; тогда возмогу я все
 прешерпѣшь: смущи клеветниковъ ея. Го-
 воряшь, я недостойна опмщашъ за нее!
 что нужды! — Что значить жизнь моя,
 что значишь все, если только она счас-
 лива, если она непорочна. Я одинъ ядовень.
 Если бѣ послушался я того, что предписы-
 вала мнѣ долгъ мой, то не возмуцилъ бы
 жизни ея! Надобно шеперь имѣшь духъ воз-
 вратишь ей честь, которой мое присущ-
 ествіе ея лишило; надобно удалишся, уда-
 лишся немедленно. Мнѣ казалось, что въ
 вшой церкви нашелъ я неизвѣстную мнѣ до-
 шоль швердосшь, и что раскаяніе возбужда-
 ло въ груди моей, вмѣсто испуганія, ка-
 кое-шо желаніе загадишь мои предшукки
 пожертвованіемъ самого себя, и найши ша-
 кимъ образомъ покой, ашу первую цннреб-
 носшь челоувѣческаго сердца. Я рѣшился швер-
 до ухашь въ вшошь же день, но не могъ
 опказашся опъ надежды еще разъ увидѣшь
 г-жу Неверъ, когда будешь она садншся въ
 карешу. Я вышелъ: увы! карешы уже не бы-
 ло! Оставивъ монастырь, встрѣшился я съ

однимъ молодымъ человекомъ, нѣсколько мнѣ
 знакомымъ: онъ прѣхалъ изъ Америки, и
 спалъ о ней говоришь. Одно слово Америка
 заставило меня рѣшиться; мнѣ было все рав-
 но, гдѣ бы ни приклонилъ свою голову: въ
 шопъ же вечеръ назначилъ я свой ошъездъ.
 Въ Америкѣ война, думалъ я, пойду въ сол-
 даши, сразу съ врагами земли своей. Моей
 земли! ахъ, и это чувство было для меня
 горько, какъ вся другія. И опечесство меня
 опвергаешь, какъ недоспейнаго его сына!
 Что нужды! пустьъ кровь моя течетъ за
 него; и если кости мои положены будущъ
 въ земля чуждой, все же моя душа спашенъ
 блуждашь вокругъ шой, которую буду лю-
 бить всегда. Ангель моей жизни! сердце мое
 билось побой — себя посвятившись послед-
 ній вздохъ мой!

Я вошелъ въ домъ Маршала д'Олоннъ,
 какъ человекъ, осужденный на казнь, уже для
 него гошовающуюся. Упованіе подкрѣпляло ме-
 ня, и опчаяніе во мнѣ ушинулось при мы-
 сли, что съ моимъ опсушесствіемъ возвра-
 щившись г-жѣ Неверъ ея доброе имя и спокой-
 ствіе. — По крайней мѣрѣ и шупъ въ по-
 следній разъ, я обрекалъ себя судьбѣ своей
 за нее.

Старый слуга г-жи Неверъ пришелъ ко
 мнѣ въ комнату. Онъ сказалъ мнѣ, что го-

сножа его оспалась въ монастырѣ съ подру-
гою своею С*, и что онѣ возвращаясь за-
втра. И шакъ, моя послѣдняя надежда уви-
дѣшь ее рушилась. Я вздумалъ къ ней напи-
сашь; изъяснить ей причины, побуждающія
меня оставишь ее навсегда и, всего болѣе,
изобразишь ей чувствва, перзавшія мое сер-
дце. Письмо удалось мнѣ, какъ нельзя лучше:
оно омочилось моими слезами. Къ чему уве-
личивашь ея горесть? подумалъ я: недовольно
ли и шакъ уже я сдѣлалъ ей зла? Однако дол-
женъ ли я опказашь себѣ въ помѣ, чтобы
еще разъ, въ послѣдній разъ сказашь ей, что
ее нѣжно люблю! У меня была надежда гово-
ришь ей о помѣ каждый день моей жизни:
она сама хотѣла того, она думала, что это
возможно. — Я попробовалъ написашь дру-
гое письмо, и скрышь въ немъ частъ того,
что я чувствовалъ, но это не удалось. Безъ
любви сердце сжашо, но при ней невозможно
скрышичашь: спрасшь проникаеть всѣ по-
кровы, въ которые хочешь спряшашь ее. Я
опдалъ письмо шароу слугъ г-жи Неверъ;
онѣ взялъ со слезами на глазахъ. Его без-
молвное участіе было для меня благошворно;
никакого другаго не принялъ бы я въ эти
минушы. Пославъ при насшупленіи ночи, за
почшовыми лошадьми, я заперся въ своей
комнатѣ. Моимъ глазамъ предшавишя пор-

прещь г-жи Неверь, кошорый шакже наде-
 жало оставишь; съ какою горестію повто-
 рязь я предь нимъ свое унылое проси! Я
 цѣловалъ холодное полошно, преклонялъ къ
 нему свою голову; все мои воспоминанія, все
 прошедшее, все надежды мои, все казалось
 въ связи съ этою каршиною, и я не чув-
 ствовалъ въ себѣ довольно силъ, чшобъ ошъ
 нее ошорваться: нишь собственной моей жи-
 зни рвалась вмѣстѣ съ шюю, кошорая соеди-
 няла насъ; надобно было умереть, опказыва-
 ясь ошъ шого, чшо заспавляло меня жишь.
 Вдругъ послышалася сшукъ у дверей. Все бы-
 ло кончено. Я бросиася въ почшовую повоз-
 ку, и не оспанавливаясь, пріѣхалъ въ Лоріанъ,
 ошкуда на другой же день ошправилася на ко-
 раблѣ, на кошоромъ плыли мы вмѣстѣ.“

Съ шрудомъ удерживался я, чшобъ не
 нарушишь даннаго Эдуарду слова — оспа-
 вишь его въ шомъ день одного. Дружба слиш-
 комъ на себя полагаешся: ей кажешся легко
 вливать ушѣшеніе въ спраждушцаго, но какъ
 часшо не замѣчаеш она, чшо другъ, по ви-
 димому успокоенный въ ея объятіяхъ, по-
 хождъ на призракъ, безчувствивенный и без-
 жизниенный. Я готовилъ однако шо ушѣше-
 ніе Эдуарду, чшобъ говоришь съ нимъ о г-жѣ

Неверь. Я узналъ ее, и зналъ, какъ была она достойна спроси, кошорую внушила. Цѣлую ночь не выходила у меня изъ головы судьба Эдуарда; я старался изыскивать средства къ облегченію участи моего несчастнаго друга, но принужденъ былъ съ горестію сознаться въ самомъ себѣ, что его положеніе не предшавало къ тому ничего существеннаго.

На другой день рано, пришелъ я въ команду Эдуарда, и не нашелъ въ ней никого. На столѣ лежало нѣсколько вновь полученныхъ изъ Франціи Журналовъ. Никто не видалъ, когда онъ вышелъ. Зная, что въ то же утро назначено было сраженіе, я содрогнулся, когда подумалъ о томъ; пошчасъ велѣлъ подать себѣ лошадь, и поскакалъ, хотя былъ еще слабъ, по слѣдамъ своей арміи. Пріѣхавъ, засталъ я спрашную стрѣльбу, кошорую хотѣли прогнать непріятеля, расположившагося на самомъ выгодномъ для него мѣстѣ. Эдуарда увидѣлъ я въ первомъ ряду, и лишь только подоспѣлъ къ нему, онъ упалъ, покрытый ранами. Я принялъ его къ себѣ на руки, и хотѣлъ удерживать кровь, ручьями текущую, но онъ тому воспротивился. „Дайте мнѣ умереть,“ сказалъ онъ: „и не жалѣйте обо мнѣ; жизнь мнѣ несозна: я все потерялъ. Ахъ! очень поздно разстался я съ

нею." Онъ скончался, голова его опустилась на грудь мою, и я принялъ его послѣднее дыханіе. Назадъ возвратился я въ опчаніи, какого самъ не ожидалъ въ себѣ.

Газеты содержали въ себѣ слѣдующую сташью:

„Вчера, 26 Августа, въ одиннадцать часовъ по полуночи, въ церкви св. Сьюльпиція совершалась церемонія отпѣванія тѣла Наталіи д'Олоннъ, вдовы Герцога Неверъ, Князя Шатильонскаго и пр. и пр., скончавшейся двадцати одного года, отъ ослабленія. По выносѣ изъ церкви, тѣло отправлено въ Лиможъ, гдѣ Герцогиня Неверъ изъявила желаніе быть похороненной. Тамъ, въ Баронствѣ Фаверанжъ, будетъ оно предано землѣ, въ гробницѣ предковъ ея,“ и пр.

Въ концѣ того же года, по заключеніи мира, отправился я во Францію, и повезъ съ собою шѣло несчастнаго моего друга. У Маршала д'Олоннъ выпросилъ я позволеніе похоронить его въ той же гробницѣ, гдѣ поконлась другая половина его. Я велѣлъ поспавить его въ ногахъ гроба г-жи Неверъ, и тогда только почувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ своей горести.

Маршаль д'Олоннъ оставилъ свѣтъ и Дворъ. Онъ прожилъ въ Фаверанжѣ до конца

жизни, которую посвящала благошворительности, самой дѣшелейной и самой благоразумной. Но какъ ни продолжилелень былъ вѣкъ его, по видимому, спокойный, онъ всегда погруженъ былъ въ глубокую задумчивость. Часто говорилъ онъ, что обманывался, думая, что въ жизни есть два рода счасшя.

II.

В О С П И Т А Н І Е.

Отрывокъ изъ Опыта о военной нравственности, соч. Ад. Вельтмана.

О в о с п и т а н і и.

Оружіе шумо, когда нѣшь добродѣтели въ сердць.

(*Посл. Митрополита Макарія къ Свѣлжскому войску.*)

I.

Ошь воспитанія зависяшь свойства наши и наклонности. Оно должно внушашь добродѣтели, склоняющія мысли и дѣйствія наши къ пользѣ общей, къ благу ошечества.

Первые уроки, совѣшы и примѣры оспашья руководшителями нашими на всю жизнь.

II.

Издавна познали необходимость и пользу общественныхъ заведеній, для образованія юношества. Ликургъ, Сократъ, Платонъ, Ксенофонъ и Плутархъ считали за большой вредъ во всякомъ Государствѣ, когда поведеніе и образованіе дѣтей предоспаивалось родителями (*), часто слабыми отъ нѣжности, скуднымъ, порочнымъ, или, по крайней мѣрѣ, неспособнымъ руководствоваться ими. — Дѣти, говорили сіи великіе люди, принадлежащъ Государству, они его надежда; слѣдовательно ихъ должно воспитывать подъ присмотромъ и въ правилахъ Государства, дабы, образованныя вмѣстѣ, одинаковыми уроками добродѣтели, они стремились производить одно цѣлое, во всякъ случаѣ совершенное.

(*) Но первоначальное образованіе дѣтей въ Христіанскихъ Государствахъ безспорно принадлежитъ родителямъ. Ръшительныя мнѣнія языческихъ мудрецовъ о вредѣ домашняго воспитанія могли быть справедливы въ отношеніи къ язычникамъ, ихъ современникамъ. Впрочемъ нельзя не согласиться съ ними въ томъ, что и нынѣ общественное воспитаніе имѣетъ значительныя преимущества предъ домашнимъ; и что воспитаніемъ дѣтей во всякомъ случаѣ должны приговаривать полезныя для Государства людей.

III.

Часто уносимый недосыпками, или даже слѣдствіями разврата, изъ своей земли въ землю чуждую, непризнающій опечесива, немилющій ни вѣры, ни нравственности, берешь бышь образовашелемъ юношества, — и ему доверяешь безъ испытанія сію священную обязанность, пошому, что онъ пришедецъ изъ земли просвѣщенной!

Какой примѣръ и совѣтъ подаешь онъ юношѣ? — Презирая вѣру, обычай земли, называя святое предразсудкомъ, нравы наши варварскими, онъ научаешь и его презирашь все родное и священное; искореняя въ юношѣ добродѣтели опечесивенныя, не умѣя вселить новыхъ, онъ оставляетъ его между пороками той и другой земли. Душа молодого человека образуется для вгонзма, сердце для пороковъ, способности для наружнаго блеску, шѣла для нѣги и красоты. Это ли воспитаніе юноши, онъ кошораго современемъ опечество должно ожидать и любви и пользы себѣ?

IV.

Всякій юноша первоначально долженъ воспитывашься, какъ человекъ, кошорый посвящается военному сословію; ибо это есть лучшее образованіе сердца и разума и шѣла.

Со временемъ, развернувшіяся способности его склонялся на поприще, къ которому предназначалась его склонности. Если природа одарила его пылкою душою и деятельнымъ организмомъ шьла, онъ будетъ военнымъ по склонности. Если онъ слишкомъ чувствительнень, слабъ шьломъ, но великъ душою, — онъ будетъ мирнымъ, полезнымъ гражданиномъ. — Если онъ слабъ и шьломъ и душою, шьжелъ для всего, — объекъ природою и собственнымъ малодушиемъ, пусть живетъ онъ въ обществъ, какъ нуль, кошорый самъ по себъ ничего не значить, но, спспавленный подлъ единицы, увеличиваетъ ничтожествомъ своимъ достоинство ея въ-десятеро.

V.

Въ Исторіи видимъ мы, что особенное вниманіе на образование юношества дьлало, въ продолженіе 500 лътъ, Лакедемонъ, городъ бдннй и имъвшій мало гражданъ, самымъ могущественнымъ во всей Греціи.

Равнымъ вниманіемъ на образование воиновъ, вниманіемъ, продолжавшимся нъсколько вьковъ, горшнхъ людей, основавшихъ Римъ, произвела современемъ побдшителей вселенной. Безчисленность народовъ, силы, богатство цьлаго мїра, не могли противостоять

*

малочисленной ихъ арміи. И что же можешь сдѣлать число людей, страсти и слѣдая храбрость, противу мужества, управляемаго дисциплиной, покорнаго разсудку и искусству?

VI.

Единственно наставникъ, считающій для себя честию и славой образованъ обществомъ истиннаго, полезнаго, великаго воина, можетъ помогать природѣ производить величайшія дарованія; внушая въ душу юноши благородныя желанія, возвышенныя чувства и любовь къ обществу, породить въ немъ склонность ко всему изящному, великому, онъ не дастъ заглушить оную разсѣяніемъ, но дастъ пищу полезную возженному огню въ воображеніи юноши. Чтеніемъ историческихъ книгъ, поддержишь склонность къ великимъ людямъ и великимъ дѣланіямъ, предохраняешь его отъ суетности, и научишь преждевременно опытности для поприща, на которое онъ вступитъ.

VII.

Слава военная болѣе прочихъ дѣйствуетъ на душу молодого человека. Въ первыя лѣта жизни, воображеніе его очаровано вниманіемъ къ подвигамъ неустрашимости, в че-

ептн. — Илиада Гомерова вселила въ Александра великаго пристрастіе къ войнѣ; жизнь и подвиги сего побѣдителя содѣлали Карла XII героемъ; чтеніемъ Ксенофонта Циціонъ Африканскій и Лукулъ образовали себя и были великими полководцами. Киръ былъ ихъ образцемъ. — Такъ и всякій молодой человекъ съ воспоргомъ встрѣчаетъ великихъ людей и доблестныхъ дѣла ихъ въ Исторіи міра. Въ отечественной, видишь славныхъ дѣла героевъ и защитниковъ Россіи, ихъ добродѣтели, мужество и славу. Читая жизнь непобѣдимого Суворова, исполняется въ сердцѣ удивленіемъ къ подвигамъ и уваженіемъ къ его имени. Великіе примѣры воспламеняють воображеніе юноши, и слава дѣлается его спрасхію.

VIII.

Сердце, разумъ и тѣло молодого человека, посвящаемого вѣсной службѣ, должны быть образованы съ одинаковымъ стараніемъ. И тогда, какъ сердце внимаетъ урокамъ мудрости, разумъ пріобрѣтаетъ познанія Искусства Военнаго, Наукъ и языковъ, тѣло должно укрѣпляться различными движеніями, навкомъ управляешь оружіемъ, навкомъ къ перенесенію трудовъ, сопряженныхъ съ военнымъ сослодіемъ. —

IX.

Уроки нравственности должны внушать любовь къ *Впрть*, которую должно почитать лучшимъ способомъ, какимъ только можно возвысить духъ и силу умственныхъ способностей, къ *чести*, которая составляетъ душу военнаго званія, къ *умьренности*, какъ необходимому началу многихъ добродѣтелей. — Вошь источникъ, изъ которыхъ произрастаютъ: честность, мужество, величїе души, точность и добровольїе въ исполненїи обязанностей, любовь къ опечеству и рвенїе къ его славу.

X.

Образца разумъ юности основательными Науками, наставникъ пройдетъ съ нимъ связь военныхъ происшествїй, сравнитъ искусство войны древнихъ и новыхъ народовъ, замѣтитъ общее между ними и различное, — покажетъ славныя дѣла древнихъ и новѣйшихъ Полководцевъ, черты генія и рѣшительности, подававшія имъ побѣду, и ошибки въ которыхъ впадали они иногда, — докажетъ событіями, примѣрами всѣхъ временъ и странъ, что усовершенствованное военное искусство и сила безъ военныхъ добродѣтелей были ненадежными средствами для ус-

нѣховъ войнѣмъ, слабою оградой благоденствія народовъ.

XI

Исторія и Географія болѣе прочихъ наукъ соединены съ нравственнымъ военнымъ воспитаніемъ. Сии Науки неразлучны; ихъ образованіе взаимно. Съ какимъ рвеніемъ молодой человекъ будешь слѣдовать на карнизѣ, по пуши побѣдъ Александра Великаго въ Азіи! — Здѣсь, скажутъ ему, сей побѣдитель прошелъ вплавь — р. Граникъ, сквозь градъ стрѣлъ; пуши соорудилъ онъ мосты чрезъ море и покорилъ Тиръ. Въ этомъ мѣстѣ былъ городъ Арбеллы, свидѣтельница блестящей побѣды его. Въ сей долині проходила кровавая, рѣшишельная битва, гдѣ побѣда вручила юному герою скиптры Дарія, его жену и дочерей, которыхъ дѣвственная смѣлливость не имѣла причинъ краснѣть во время плѣна.

Слѣдуя за Аннибаломъ, въ его безсмертной экспедиціи въ Италію, сквозь лѣса Галліи и снѣга Альповъ, онъ увидитъ безсмертнаго героя опеченства своего, идущаго по непроходимымъ Альпамъ, по слѣдамъ Аннибала, заваленнымъ въ продолженіе прошедшихъ вѣковъ новыми громадами снѣжныхъ горъ, — увидитъ, что возвышенному генію

Суворова и единодушного его воиновъ не было преградъ въ мирѣ. —

Въ Исторіи отечественной, наставникъ укажетъ ему на побѣды древнихъ Россіянъ: на цѣпь Олега на вранцахъ Константинопольскихъ; на Переяславецъ Болгарскій, столицу Святислава; на ярку Неприду, близъ волы конерой Россіи сброшена ига Татаръ, укрѣпившись единодушіемъ.

Тутъ былъ славный подвигъ *Великава*, Полтавская побѣда. — Вѣшь, скажетъ онъ, идушь отъ Москвы до Царца; — и юноръ увидишь на немъ памятники славы великодушнаго Монарха, Полководцевъ, воиновъ его и цѣлаго Россійскаго народа!

XII.

Такимъ образомъ Географія, соединяясь въ Исторію, съ событіями и уроками великими, не будетъ наукой безплодною, заключаая въ одномъ предметѣ источники многихъ понятий. — Довольствуясь краткимъ обзорніемъ древней Географіи, наставникъ войдетъ въ подробности новой, въ особенности отечественной и окресныхъ Государствъ, гдѣ, можетъ быть, воспитанникъ его со временемъ будетъ играть ролю на шахрѣ войны.

XIII.

При образованіи, часть времени должна быть посвящена практическимъ военнымъ Наукамъ, образующимъ необходимую способность въ человѣкѣ, посвящающемъ себя военному званію: это топографическія упражненія въ полѣ. Тамъ, молодой человѣкъ, подъ руководствомъ наставника - война, поощряя выгоды различныхъ мѣстоположеній для военныхъ дѣйствій, и сравнивая съ тѣми, которыми величайшіе Полководцы всѣхъ временъ воспользовались для побѣдъ, приобретаетъ *военный глазомѣръ*, способность рѣдкую, неоцѣнимую, которую можно назвать *быстрымъ дѣйствіемъ умственной способности, въ опредѣленіи средствъ, необходимыхъ для побѣды, во всякомъ обстоятельствѣ войны.*

XV.

Здоровье, крѣпкое сложеніе, образованіе способностей шѣла суть необходимости физическія для военнаго человѣка. Въ первыхъ годахъ жизни должно приготовлять сложеніе еще къ тому, чтобы силы не знали изнеможения отъ трудовъ, здоровье не зависѣло отъ перемѣнъ жизни и погоды.

Нѣсколько столѣтій назадъ, въ Россіи, молодые люди обыкновенно гонимыи себя

къ военной службѣ богатырскими играми выходили въ поле, сшрѣлали въ цѣль, скакали на коняхъ, боролись, и побѣдителямъ была слава. Это укрѣпляло ихъ силы, научало искусству дѣйствовать оружіемъ, приучало переносить труды, приучало къ развѣзности, легкости и быспрошѣ.

XV.

Всѣ познанія, необходимыя для военнаго состоянія, должны быть увѣнчаны *познаніемъ чловѣка*; ибо какимъ образомъ управляешь дѣйствіемъ чего нибудь, не зная пружины, на которой основано дѣйствіе?

Сердце чловѣка занимаетъ главное мѣсто въ наукѣ военной: оно есть сильнѣйшая причина побѣдъ. Чловѣкъ не камень, его не одно принужденіе двигаетъ: есть нѣкоторыя слова, есть нѣкоторый родъ обхожденія, которыя сильнѣе дѣйствуютъ на него, болѣе управляютъ имъ, нежели голосъ повелѣвающей.

„Бѣгите, оставьте меня! здѣсь погребу я себя!“ сказалъ Суворовъ изнеможенному до отчаянія войску своему, и какъ вѣтеръ, раздувающій гаснущее пламя, слова сіи возродили силу и бодрость въ воинахъ.

„Идите, неблагодарные! бѣгите, малодушные! я покорю вселенную и безъ васъ!

Александръ найдешь подданныхъ и вонновъ повсюду, гдѣ только живутъ люди!“ И ослабѣвшіе Македонцы одушевились снова любовью къ Царю и побѣдамъ.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Овъ Англійскомъ Государственномъ доходѣ и расходѣ.

Недавно изданъ въ Англїи отчетъ о состояніи Государственныхъ финансовъ въ 1824 и 25 годахъ, подъ заглавіемъ: *The finance-accounts of the united kingdom of Great-Britain and Ireland, for the year 1824—25*. Поскольку сія книга заключаетъ въ себѣ много занимательнаго, и припомъ, или только въ немногихъ экземплярахъ, или же совсѣмъ не перейдешь чрезъ границы Англїи, то мы сообщимъ нашимъ читателямъ нѣкоторыя, почерпнуныя изъ оной извѣстія. Но чтобы дать яснѣйшее понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ, безполезнымъ счишаемъ упомянуть о прежней исторіи финансовъ въ Англїи.

Въ царствованіе Генриховъ V и VI (1414—60), ежегодный Государственный доходъ простирался до 60—70.000 ф. ст.; въ правленіе Эдуарда IV и Ричарда III (1460—85), онъ умножился до 100.000 ф.; Генрихъ VII (1485—1509) увеличилъ оный непопулярными средствами, и оставилъ послѣ себя сокровище въ 1.800.000 ф., которое сынъ его, Генрихъ VIII (1509—47), легкомысленно расшочилъ, и попомъ прибѣгнувъ къ различнымъ приписаніямъ и насильственнымъ мѣрамъ. Напримѣръ, онъ чеканилъ неполновѣсную монету, увеличивалъ поголовную подать, производилъ насильственные займы и испратилъ несмысленное богатство, которое досталось ему по уничтоженіи 2.374 монастырей и духовныхъ пребудъ. Эдуардъ VI (1547—53) оставилъ по себѣ долгъ 240.000 ф., за который онъ платилъ до 14 процентовъ. Марія (1553—8) продала множество казенныхъ помѣстьевъ, для покрытія издержекъ. Елисавета (1558—1603) была бережливая хозяйка, хотя употребленныя иногда мѣры не заслуживаютъ безусловнаго одобренія. Преимущественно возбуждало чрезмѣрное множество торговыхъ привилегій (какъ то: на соль, порохъ, вино, крахмаль, сѣру, кожу, рыбій жиръ, винный уксусъ, каменный уголь, горшки,

мешки, свинець, олово, сшкло, бумагу, бушмаки, пиво, ввозъ Испанской шерсти, Ирландскаго полотна и ш. д.) сподъ громкія и справедливия жалобы, что къ концу ея правленія многія изъ оныхъ были увнчипожены. Между прочими источниками дохода мы находимъ слѣдующіе: увеличеніе таможеннои подати, принужденныя займы, прозводіе Католикамъ и другимъ иновѣрцамъ жишъ въ Англіи и оприваать свое Богослуженіе, участіе въ военной добычѣ и проч. Годовой доходъ Елисаветы простирался почти до 500,000 ф.; по смерти ея оставалось болѣе требованій ошъ другихъ Государствъ, чѣмъ догаовъ. Упадокъ цѣны деньгамъ, продажа казенныхъ имѣній и ленныхъ доходовъ, умножили, во время вступленія на престолъ Якова I (1603—25), число потребностей, а такъ какъ изволенные Парламентомъ сборы новыхъ податей были весьма скудны (менше 60,000 ф. въ годъ), между тѣмъ какъ въ иныхъ отношеніяхъ издержки производимы были съ бесполезною расчистительносшю, то Король, равне какъ и сынъ его Карль I (1625—40), прѣбвнуа къ вспомошательнымъ средствамъ, которыя возбуждали негодование совсемъ въ иномъ отношеніи, нежели прѣднй, и опчасни содѣйствовали къ паденію послѣдняго. Исправительныя мѣ-

ры долгаго Парламента и въ отношеніи къ финансамъ, какъ во всѣхъ прочихъ частяхъ, были хуже самаго зла. Онъ утвердилъ первую всеобщую поземельную подать, первую пошлину съ хлѣба, муки и соли, увеличилъ почтовую плату и налогъ на многія таможенные товары, обложилъ подашью гостиницы, прекратилъ многія жалованья, продалъ оставшіяся Королевскія помѣстья, равно какъ и имѣніе Епископовъ, священниковъ и церквей, овладѣлъ десятиною и безчисленнымъ множествомъ имуществъ частныхъ людей, подъ шлемъ предлогомъ, что они держались предосудительныхъ мнѣній, принудилъ жителей къ безвозмездному помѣщенію и продовольствію солдатъ и наконецъ повелѣлъ, чтобы каждый подданный имѣлъ на столѣ ежедневно пищи однимъ блюдомъ менѣе обыкновеннаго, и внесъ въ казну сбереженныя шлемъ деньги. Въ девятнадцатомъ лѣтѣ, кошоры прежде приносили около 10 милліоновъ, революціонное правленіе наложило и собрало болѣе 83 милліоновъ. Шпіоны сполни Кромвель въ годъ почти сполно же, сколько Короли Генрихъ V и Генрихъ VI имѣли годоваго доходу; Бредшау, Президентъ царубійственнаго суда, получилъ въ награду Королевскій дворецъ и ежегодно 1000 ф.; такъ называвшіеся святоши

— лицемъры того времени — получали бо-
 лѣе 679,000 ф. — Въ царствованіе Карла II
 (1660—85) всѣ старыя ленныя подати были
 опмѣнены, и порядкомъ установаенный еже-
 годный доходъ и расходъ простирался до
 милліона, а именно:

Доходъ съ таможенъ	400.000 ф.
казенныхъ помѣстьевъ	100.000 —
дѣсовъ	5.000 —
акциза	274.000 —
дымовъ	170.000 —
десятины и первыхъ	
плодовъ	18.000 —
почвы	26.000 —
монетъ	12.000 —
винныхъ привилегій	20.000 —

Расходъ на внутреннія издержки	460.000 ф.
флотъ	300.000 —
войско	212.000 —
артиллерію	40.000 —
Госуд. долгъ	100.000 —

Въ царствованіе Вильгельма III (1688
 —1702), годовый доходъ Англіи въ мирное
 время простирался до 1.900.000 ф., въ воен-
 ное же онъ былъ вдвое болѣе, и не смотря
 на то, нужно было прибѣгать къ значи-
 тельнымъ займамъ (до 20 милліоновъ). Со
 включеніемъ оныхъ, Государственный доходъ

во все правленіе Вильгельма составляла около 72 милліоновъ; къ его временамъ принадлежало учрежденіе Банка и начало перваго обеспеченнаго долга. Тогда взидали еще подати съ крестиннъ, свадебъ, похоронъ и спатарыхъ холоспяковъ, кѣшорые съ вѣсколькихъ шиллинговъ поднялись до 50 ф.

Во время двѣнадцатилѣтняго правленія Анны (1702 — 14):

Доходы съ таможенъ прости-	
рались до	15 мил. ф.
акцизы	20 —
поземельный налогъ	12 —
сборы съ почтъ, штемелей	
и ш. д.	15 —
	<hr/>
Всего	62 —
Сверхъ того занято	59 —

И того въ приходъ . 121 мил. ф.

Расходъ по гражданской части	7½ мил. ф.
на флотъ	23½ —
— войско	33 —
— артиллерію	2 —
уплата займа	31½ —
процентовъ съ Госуд.	
долга	22½ —

Въ мирный годъ, шшаать про-
сширала почши до . . . . . 2 —

Въ царствованіе Георгія I (1714—27), уничтожена была пошлина, наложенная на вывозъ естественныхъ и искусственныхъ произведеній, и Кашолики обложены были большею поземельною податью, чѣмъ Пропешаншы. Весь доходъ въ его правленіе (за исключеніемъ займа въ 2.800.000 ф.) простирался до 77 милліоновъ; а шпашъ въ мирный годъ, почти до 2½ милліоновъ ф. Только со времянь Георгія II (1727—60) былъ учрежденъ постоянный порядокъ въ финансахъ.

Въ печеніе 33 лѣтъ, доходъ съ шамонень простирался до . . . 49.800.000 ф.
 съ акциза . . . . . 93.700.000 —
 со штемпелей . . . . . 4.300.000 —
 поземельная подать 49.400.000 —
 разные доходы . . . . . 19.800.000 —

Всего 217.000.000 —

Занято 59.000.000 —

И того 276.000.000 —

Расходъ по придворной части 27.000.000 —
 на флотъ . . . . . 71.400.000 —
 — войско . . . . . 73.900.000 —
 — артиллерію . . . . . 6.700.000 —
 Государствен. долгу 93.300.000 —
 на Духовенство только 152.000 —
 на Лондонскіе мосты 45.000 —
 на публичныя награды 22.000 —

Одинъ годъ, въ продолженіе семилѣтней войны, стоилъ среднимъ числомъ, 15.800.000 фуншовъ.

Въ царствованіе Георгія III, Государственный доходъ, со включеніемъ однако же весьма значительныхъ займовъ, простирался

въ 1761 году до	8.800.000	фунш.
1771 — —	9 600.000	—
1781 — —	12.400.000	—
1791 — —	16.600.000	—
1801 — —	28.000.000	—
1811 — —	64.400.000	—
1812 — —	68.800.000	—

Въ такой же соразмѣрности умножались и расходы. Напримвръ: на сухопутное войско издержано въ 1780 г. $6\frac{1}{2}$ милліоновъ, въ 1795 г. $11\frac{1}{2}$ милл., въ 1805 г. $18\frac{1}{2}$ милл., въ 1811 г. 21 милліонъ, въ 1813 г. 33 милліона.

Съ 1688 по 1788 годъ, стоили круглымъ числомъ: гражданская часть и внутреннее управленіе	80	милл. фунш.
Флотъ	244	— —
Сухопутное войско и артиллерія	270	— —
И всего военная часть	514	— —
Различные предметы	14	— —

Проценты и погашеніе

Государственнаго долга 390 — —

И того круглымъ же чи-

словомъ . . . . . 1000 милл. фунт.

Напротивъ того расходъ, съ 1793 по 1816 годъ, по словамъ Лова, простирается на 1100 милл. фунтовъ, изъ коихъ 460 милл. были заняты, а 640 милліоновъ собраны по-дащами.

Къ симъ предварительнымъ замѣчаніямъ мы теперь присовокупимъ слѣдующіи извлеченія изъ вышепомянутаго сочиненія.

Общій доходъ Великобританніи и Ирландіи въ 1824—25 году, простирается (за изъясненіемъ различныхъ недоимокъ заплаченныхъ займовъ, денежныхъ залоговъ и п. д.) до 62.150.000 ф., или почти на 420 милл. шиллеровъ, а издержки при сборѣ онаго, состоявшія круглымъ числомъ 6 фунтовъ 7 шиллинговъ 8 пенсовъ на 100 фунтовъ.

Въ семь числъ общаго доходу принесли:

		Издержано при сборѣ омаго на 100 фунтовъ.		
		фунт.	шилл.	пенс.
Таможни . . .	15.491.000 фунт.	9	8	9
Акцизь . . .	30.779.000 —	4	5	8
Печашныя пош- лины или шшем- пезя . . .	7.672.000 —	2	16	7
Подаши, какъ по поземельная, съ оконь, съ пред- метовъ роско- ши и ш. д. . .	5.228.000 —	5	15	8
Почта . . .	2.255.000 —	26	12	6
Вычеты изъ пен- сіоновъ и жало- ваній . . .	62.000 —	2	5	9
Съ наемныхъ ка- решъ, шоргашей и разнощиковъ	67.000 —	15	15	6
Казенныя имѣнія	282.000 —	18	1	6
Лошерей . . .	252.000 —	—	15	10

Весьма любопытно знать, что принесъ каждый предметъ въ таможахъ и въ акцизъ, и въ какомъ отношеніи по онымъ находится Англія къ Шотландіи. Мѣсто не по-

зволюеть распространить сіе сравненіе и на Ирландію, по причинѣ большого различія въ ея подашной системѣ.

Таможнями собрано:

	Въ Англіи	въ Шотландіи.
Съ яблокъ .	11.300 фун.	2.000 фун.
книгъ . . .	16.493 —	360 —
щепины . . .	23.666 —	362 —
масла . . .	159.184 —	1.670 —
сыру . . .	70.171 —	12.047 —
жила и муки	158.908 —	17.474 —
лицъ . . .	18.003 —	
спроусовыхъ		
перьевъ . . .	11.850 —	
вешошекъ . . .	10.793 —	1.125 —
фигъ . . .	19.066 —	519 —
мѣховъ . . .	28.119 —	86 —
шляпъ соломен-		
ныхъ и спруж-		
ковыхъ (straw		
and ship) . . .		
	58.819	
сырыхъ кожъ	44.870 —	2.771 —
индиго . . .	51.821 —	123 —
лимоновъ и		
померанцевъ	85.484 —	3.118 —
крапу . . .	41.692 —	11.280 —
сахарнаго сы-		
ропу (melasses)	81,476 —	38.261 —
опіуму . . .	10.304 —	

	Въ Англіи.	Въ Шотландіи.
Съ изюму . . .	159.938 фун.	6.815 фун.
рису . . .	53.367 —	1.672 —
разнаго роду сыменъ (seeds of all sorts) .	195.818 —	7.603 —
сырцуи суче- наго шелку	299.704 —	—
водки . . .	129.461 —	2.983 —
рому . . .	140.969 —	8.485 —
сахару . . .	4.648.559 —	422.337 —
вина . . .	865.234 —	61.588 —
хлопчашой бумаги . . .	236.541 —	15.142 —
овечьей шер- сти . . .	316.307 —	311 —

Издержки при таможенныхъ сборахъ, въ Англіи и Шотландіи проспиралась до 1.094.672 фуншовъ.

Что касается до аукциза, то весь доходъ сосставлялъ:

	Въ Англіи.	Въ Шотланд.
Съ аукціоновъ . . .	268.844 ф.	21.655 ф.
пива . . .	3.231.252 —	86.133 —
хмѣля . . .	196.890 —	—
солоду (*) . . .	3.485.602 —	331.754 —

(*) И такъ сіи три предмета: пиво, хмѣль и солодъ, или вообще пиво, въ Великобританіи приносятъ доходу 7.331.631 фунш., или свыше 48 милліоновъ шалеровъ.

	Въ Англии.	Въ Шотланд.
Съ свѣчей	442.789 ф.	22.123 ф.
какао и кофе . . .	386.693 —	25.366 —
сидра	45.529 —	34 —
сшекла	854.392 —	172.127 —
кожи и шкуръ	378.393 —	41.095 —
привиллегій (для ремесленниковъ)	563.278 —	102.335 —
бумаги	578.422 —	68.235 —
перцу	163.982 —	2.723 —
писменнаго това- ру (printed goods)	1.683.496 —	357.221 —
соли	233.433 —	329 —
мыла	1.149.719 —	131.494 —
Бришанскихъ водокъ (spirits)	2.534.162 —	521.246 —
иноспранныхъ водокъ	1.586.971 —	71.400 —
крахмалу	65.294 —	8.319 —
глиняныхъ бу- шыллокъ и кув- шиновъ (stone bottles)	3.719 —	53 —
искусшвенныхъ винъ и меду (sweets and mead)	8.690 —	64 —
чаю	3.419.803 —	

Въ Англіи.   Въ Шотланд.

Съ куришельнаго и
нюхальнаго

шабаку . . .	1.756.650 —	241.938 —
виннаго уксусу	44.897 —	790 —
вина . . .	1.046.371 —	74.864 —
проволоки (wire)	9.737 —	
кирпичей -	470.355 —	11.329 —

Всѣ издержки при акцизномъ сборѣ въ
Англіи и Шотландіи, просширались до
1.095.757 фуншовъ.

Доходъ со *штемпелей* сосшавлялъ:

Въ Англіи.   Въ Шотланд.

Съ газетъ . . .	409.281 ф.	22.387 ф.
календарей . . .	32.012 —	10 —
золотыхъ и сере- бряныхъ издѣлій	94.945 —	5.967 —
пожарныхъ ассе- курацій . . .	641.550 —	28.017 —
почшовыхъ каретъ	339.378 —	22.164 —
— — — лошадей	236.295 —	13 —

Въ Ирландіи, штемпельный доходъ съ га-
зетъ сосшавлялъ 25.884 фунта.

Поземельная подать принесла въ Ан-
гліи . . . . . 1.216.985 ф.

Въ Шотландіи . . . . . 37.803 —

Изъ числа податей, называемыхъ *assessed taxes*, слѣдующія принесли доходу:

	Въ Англіи.	Въ Шотланд.
Съ оконъ	1.200.925 ф.	109.371 ф.
домовъ	1.183.006 —	72.473 —
слугъ и домашней челяди	243.637 —	25.065 —
кареши и повозокъ	268.293 —	20.108 —
верховыхъ лошадей	310.376 —	26.654 —
другихъ лошадей и лошаковъ	58.518 —	9.694 —
собакъ	162.097 —	18.575 —
пудры	24.914 —	962 —
гербовъ	42,316 —	2.374 —

Почта въ Англіи принесла доходу 1.860.120 —

Шотландіи — — — 195.516 —

Ирландіи — — — 199.602 —

Полное обозрѣніе *Государственныхъ расходовъ* заключаешь въ себѣ слѣдующія главные статьи:

Издержки при сборахъ (круглымъ числомъ) . . . . . 5.413.000 ф.

Государственный долгъ съ нѣко-
плыми изысканіями . . . . . 29.066.000 —

Пенсіоны . . . . . 2.214.000 —

Войско . . . . . 7.573,000 —

Флотъ . . . . . 6.161.000 —

Армиллерія . . . . . 1.407.000 —

Различные предметы . . . . . 2.449.000 —

О Государственномъ долгѣ мы находимъ въ семь сочиненіи сѣдующія историческія подробности. Онѣй проспирался, круглымъ числомъ, въ 1697 году до 21 милл. ф.

1714	—	—	50	—	—
1727	—	—	52	—	—
1738	—	—	46	—	—
1749	—	—	74	—	—
1763	—	—	140	—	—
1783	—	—	212	—	—
1793	—	—	227	—	—
1803	—	—	499	—	—
1813	—	—	599	—	—

Капиталь погашенія долговъ составлялъ, въ 1786 году $\frac{1}{2}$ долю долга.

1793	—	$\frac{1}{6}$	—	—
1801	—	$\frac{1}{3}$	—	—

Въ 1813 году выкуплено было 210 милліоновъ; и ошкупомъ поземельныхъ податей погашено долгу 24 милліона, въ числѣ коего весь долгъ, существовавшій до Французской революціи. Учасокъ иностранцевъ въ Англійскомъ Государственномъ долгу цѣнился не болѣе, какъ въ 17 милліоновъ фуншовъ.

Съ включеніемъ Нѣмецкаго долгу, и того, который сдѣланъ въ 1824 году, весь долгъ проспирался до 793.956.000 фуншовъ, а происходящій ошъ того ежегодный расходъ до 30.846.000 фуншовъ.

Заплачено въ прошедшемъ году 5.150.000 фуншовъ.

Подъ спашьею Государственнаго долга находящяся:

3 проценша съ банковыхъ капиталовъ, соснавливающихъ круглымъ числомъ	366	млн.	ф.
Уменьшенныя банковыя капиталы	133	—	—
4 проценша новыхъ	146	—	—
4 проценша старыхъ	74	—	—
5 проценшовъ	1	—	—
Срочныя анюшеты	33	—	—

Издержки по *Королевскому Двору* простирающяся до 1.057.000 фуншовъ. Изъ нихъ выдано, между прочимъ, Герцогу Йоркскому 26.000 фуншовъ, Герцогу Кумберландскому 18.000 фуншовъ, каждой Принцессѣ по 13.000 фуншовъ. Въ числѣ различныхъ расходовъ находящяся суммы, употребленныя на печатаніе документовъ, историческихъ памятниковъ, Парламентскихъ актовъ и п. п. Сверхъ того.

На Американскихъ лойалистовъ, ш. е. бывшихъ вѣрными			
Англии	4.000	ф.	
секретныя расходы	33.675	—	
иностранныя дѣла	38.000	—	
распространеніе Христианства	8.400	—	

воспитаніе бѣдныхъ	22.000 ф.
найденнышей	27.000 —

На флотъ употреблено:

- 1) Жалованья 29.000 машпросамъ,
на 13 лунныхъ мѣсяцевъ, по
2 фун. 7 шилл. на человѣка . 885.950 ф.
- 2) Съспными припасами, по 1
фун. 11 шилл. на человѣка . 584.350 —
- 3) На исправленіе кораблей, по
15 шилл. на человѣка . 282.750 —

Что касается до судоходства, то на
лице было:

Въ 1822 г. въ Со-

единенномъ кор. шонн. машпросам.			
Королевств. 20.756	въ 2.288.990	съ 147.529	

На Гернсеъ,

Джерсеъ и

Менъ	482 —	26.404 —	3.788
----------------	-------	----------	-------

Въ колоніяхъ	3.404 —	203.641 —	15.016
--------------	---------	-----------	--------

Всего	24.462 —	2.519.044 —	166.333
-------	----------	-------------	---------

Въ 1824 году	24.776 —	2.559.587 —	168.637
--------------	----------	-------------	---------

Новыхъ кораблей построено:

Въ 1822 году	780 корабл. въ	67.000 шонн.
--------------	----------------	--------------

1823 —	847 — — —	86.000 —
--------	-----------	----------

1824 —	1.011 — — —	115.000 —
--------	-------------	-----------

Иностранныхъ кораблей въ Бришанскіа
гавани

въ 1822 г. прибыло	3.113	вышло изъ оныхъ	2.582
--------------------	-------	-----------------	-------

1823 — —	3.806	— — —	3.179
----------	-------	-------	-------

1824 — —	5.280	— — —	4.717
----------	-------	-------	-------

Выпишемъ еще нѣкошорыя свѣдѣнiя о торговлѣ, ввозѣ и вывозѣ шоваровъ. По официальнымъ опчешамъ явствуешь, что въ 1824 году ввезено:

Кофе на	3.108.000 ф.
шкуръ	888.000 —
жельза въ слiпкахъ	667.000 —
сырцу	1.464.000 —
льну	1.455.000 —
чаю	3.168.000 —
сыраго сахару	5.733.000 —
хлопчатой бумаги	4.864.000 —
овечьей шерсти	762.000 —
	и ш. д.

Вывезено:

Книгъ на	32.000 ф.
шовару изъ красной и желшой мѣди (bras and copper manu- factures)	540.000 —
пряденой бумаги	2.984.000 —
бумажнаго шовару	27.170.000 —
жельзнаго, спального, ножев- наго и шому подобнаго шовару	1.729.000 —
холщеваго шовару	3.283.000 —
Индѣйскаго мелкаго шовару (piece goods)	1.012.000 —
соли	229.000 —
рафинашу	1.058.000 —

шерстянаго шовару	6.136.000 ф.
кофе	2.463.000 —
индиго	535.000 —
рому	573.000 —
сыраго сахару	917.000 —
сырой бумаги	903.000 —
сырой овечьей шерсти	29.000 —

По всеобщему обозрѣнiю, ввозъ прости-
рался:

въ 1822 году	до 34.305.000 ф.
1823 — —	40.412.000 —
1824 — —	41.729.000 —

Вывозъ:

	Англійскихъ еспе- сшвенныхъ и иску- сшвенныхъ произ- веденій.	Колоніальныхъ и иноспран- ныхъ шоваровъ.	Всего.
Въ 1822 г. до	46.452.000 ф.	10.510.000 ф.	56.962.000 ф.
1823 — —	46.282.000 —	9.948.000 —	56.230.000 —
1824 — —	51.718.000 —	11.506.000 —	63.224.000 —

Представленныя здѣсь показанія и ис-
численія подають поводъ къ многочисленнымъ
замѣчаніямъ; но мы ограничиваемся пѣтми,
кошорыя намъ кажутся главнѣйшими.

1) Сумма Государшвенныхъ доходовъ
ешоль велика, что въ сравненіи съ ними, ебо-
ры въ другихъ Государшвахъ кажутся весь-
ма малыми. Эшимъ неоспоримо доказываеш-
ся ббольшее богашство Великобританніи и
весьма высокая степень общешвеннаго об-
разованія. Но съ другой спороны спраши-

ваются, не должно ли сіе множество Государственныхъ доходовъ (которое единствен-
но происходитъ отъ множества податей)
почтешся чрезвычайнымъ и несчастіемъ для
плавающихъ? Ибо, если раздѣлишь упомяну-
тую сумму поголовно между жителями, по
выходишь, что каждый человекъ въ Англіи
плашитъ гораздо большую подать, чѣмъ кто
либо въ какомъ другомъ Государствѣ. Сіе
исчисленіе довольно важно; но только пото-
му, что оно способствуетъ къ дальнѣйшимъ
ислѣдованіямъ, а не потому (какъ многіе
ошибочно думаютъ), что оно само по себѣ
есть послѣднее, безошибочное заключеніе.
Ибо малыя подати, при нынѣшней склонно-
сти брать сколько возможно болѣе, гораздо
чаще бывають доказательствомъ бѣдности,
чѣмъ умѣренной системы налоговъ, и во-
просъ: какая часть доходовъ или расходовъ
частнаго человека, тамъ или въ другомъ
мѣстѣ, достается Государству, требуетъ
гораздо запутаннѣйшихъ и труднѣйшихъ из-
слѣдованій. Такъ, напримѣръ, жители всѣхъ
почти частей земнаго шара платятъ глав-
нѣйшую часть Британскихъ податей, и вы-
шеупомянутое дѣленіе числа головъ по чис-
лу палатровъ, не подастъ достаточнаго объ-
ясненія ни въ какомъ, а менѣе всего въ ша-
хомъ торговомъ Государствѣ. Но положимъ,

что настоящій участокъ Англичанина въ
 подаши взимаемой его Правительствомъ,
 по числу палеровъ все еще будетъ превос-
 ходить подашь всякаго другаго гражданина
 Европейскаго Государства, что все еще изъ
 этого не слѣдуетъ, что онъ даетъ болѣе
 процентовъ съ своего доходу; и если дума-
 ютъ, что это можетъ быть доказано, что
 опять изъ сего не слѣдуетъ, чтобы, не смо-
 тря на то, у него оставалось еще болѣе.
 Равныя подашныя проценты для Ариемени-
 ка вездѣ одинаковы, но для истиннаго Госу-
 дарственнаго человека часто весьма различ-
 ны: поверхностное ариеменическое ученіе
 о равенствѣ налоговъ уже было причиною
 весьма многихъ ошибокъ и несправедливо-
 стей. По сему ученію, напримѣръ, надле-
 житъ только наложить на жишо, мясо, са-
 харъ, во всѣхъ мѣстахъ того же Государства,
 одинаковую пошлину, чтобы произвести до-
 стохвальное равенство. Достиженіе сей цѣ-
 ли, по крайней мѣрѣ, не можешь спомощь голо-
 водомныхъ шрудовъ сочинителямъ тарифовъ.
 Но, если пошлина, по различію въ цѣнѣ жи-
 ша, мяса и ш. д., здѣсь составляетъ 5, а
 тамъ 25 процентовъ, если малопріобрѣтаю-
 щій долженъ платить такую же большую
 пошлину за сахаръ, какъ платили богачѣй-
 шихъ странъ, если роскошествующій спа-

рый холостякъ плашитъ не болѣе, чѣмъ бѣдный отецъ семейства, что спанется при такихъ запутанныхъ отношеніяхъ съ славою дешевизны тѣхъ, которые въ одномъ равенствѣ тарифныхъ постановленій находятъ способъ истиннаго уравниенія податей? Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, можешь ли бытъ разрѣшена сія квадратура податнаго круга и какимъ образомъ: довольно, что мы указали на то, что при равныхъ учрежденіяхъ налоговъ, плетось оныхъ можешь бытъ весьма не равна, при различныхъ же бываетъ раздѣлена гораздо соразмѣрнѣе; и что гораздо легче, при большемъ богатствѣ, плашитъ значительнѣйшіе проценты, чѣмъ при большой бѣдности, съ необходимаго плашитъ меньшіе. Для всѣхъ сихъ шрудныхъ изслѣдованій, касающихся мѣры или чрезмѣрности налоговъ, съ другой точки зрѣнія есть довольно легкая и простая повѣрка, а именно: въ той землѣ, гдѣ жишело лучше живущь, ѣдятъ, пьютъ, одѣваются, богатства болѣе, а податей соразмѣрно менѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ, при меньшихъ податяхъ, ко всему вышеупомянутому оспаешся менѣе способовъ.

2) Издержки при сборахъ податей въ Англіи не велики: отчасти по причинѣ сообразныхъ съ цѣлю учреждений, но преимущественно пошому, что сіи издержки съ

умножающимися доходами уменьшающся, и что пруднѣе собрашь 1.000 грошей съ разныхъ мѣсць, чѣмъ 1.000 фуншовъ съ одного. Тамъ, гдѣ подашныя лица живушь разсѣянно и плащяшь небольшую подашь, увеличивающся и издержки при сборахъ, въ Англіи, равно какъ и въ другихъ Государствахъ.

3) Поземельная подашь, важнѣйшая во многихъ другихъ Государствахъ, и понынѣ составляющая во Франціи около четвертой доли всего Государственнаго дохода, въ Англіи не составляетъ и $\frac{1}{6}$ доли онаго. Съ другой стороны, бѣольшая часть подаши для бѣднѣныхъ лежитъ на недвижимыхъ имѣніяхъ.

4) Издержки, чинимыя въ пользу коронныхъ помѣстьевъ, споль же мало могутъ бышь принямы за простыя издержки при сборахъ, какъ и почшовые расходы: онѣ въ нѣкошоромъ смыслѣ заключающъ въ себѣ часть обращающагося капиталла. Впрочемъ постепенное уменьшеніе числа коронныхъ помѣстьевъ не должно бышь приписано минимымъ умозрительнымъ причинахъ, а сполько дурному хозяйству; вообще нынѣшнія всеобщія пренія прошиву коронныхъ имѣній односторонни и преувеличены, и въ отношеніи къ бѣольшей части Государствъ, много еще можно было бы сказашь въ пользу сохранения сего Государственнаго дохода, ко-

порый никого не приписываешь и не можешь возбудить никакого неудовольствия.

5) Нѣтъ сомнѣнія, что Государственный долг, который причиняешь ежегодный расходъ почти въ 210 милліоновъ палеровъ, и пошому испощаешь половину доходовъ, есть ужасное бремя; капиталъ онаго въ шринадцать разъ болѣе годоваго дохода, между тѣмъ какъ, на примѣръ, Прусскій Государственный долг немного превышаетъ трехъ-годовой доходъ. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, не заключались ли большія ошибки въ спараніяхъ заплашишь долгъ сей опредѣленными для того капиталами, какъ то увѣряють нѣкоторые умные Писатели; во всякомъ случаѣ, весьма доспохвальны ревностныя труды, имѣющіе цѣлю уменьшеніе сего зла. Однако же не должно забыть, что, не взирая на то, нынѣ въ Англіи болѣе богатства и кредитну, нежели во время Эдуарда VI, который съ трудомъ могъ сдѣлать маловажный заемъ, плащя по 14 проценшовъ, и что сей огромный расходъ 210 милліоновъ для получашелей проценшовъ превращается въ доходъ, въ коемъ иностранцы имѣють самое малое участие.

М.

---

*

Ф И Л О С О Ф И Я.

ОБЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ САМОГО
СЕБЯ.

То время, въ которое человекъ освобождается отъ непоередственной зависимости, и дѣйскаго, такъ сказать, присмотра за собою, всегда почти бываетъ рѣшительнымъ въ нашей жизни. Сдѣлавшись свободнымъ въ своихъ поступкахъ и начиная отдавать отчетъ въ оныхъ только самимъ себѣ, мы будемъ имѣть тысячи случаевъ, или встранимъ собственными усиліями недоспашики нашего воспитанія, или небреженіемъ къ своему усовершенствованію испремимъ и послѣдніа сѣмена рачительныхъ о насъ попененій другихъ. То и другое зависитъ совершенно отъ насъ. Но, незнакомые со свѣтомъ, зная людей только по описанію, судя о вещахъ по имени, а о достоинствахъ по одному наружному блеску, не думая объ опасностяхъ, окурмающихъ всякій нашъ шагъ, мы, при первомъ вступленіи нашемъ въ общество скорѣе предаемъа обольщеніамъ чувствъ и оспремленію нашихъ страстей, нежели ограничиваемъ себя правилами бла-

горазумія. Несчастливые опыты по большей части доказываютъ великій вредъ такого поведенія, но уже тогда, когда мы не имѣемъ, ни средствъ, ни возможности возвратить себѣ хорошее мнѣніе. Ибо, не внимая внушеніямъ разсудка, а увлекаясь безпрестанно желаніями и надеждами, ежедневно увеличивающимися, мы непримѣнно будемъ упиваться сладостнымъ ядомъ, который, распростривъ жизненные силы и уничтоживъ дѣятельность души, ослабитъ все наши способности. Съ горестію мы будемъ обращаться на прошедшее, и безъ надежды на будущее; ибо потеря физическихъ и недоспашокъ въ нравственныхъ силахъ, лишеніе прежнихъ средствъ, также время, а иногда и болѣзни, частыя сдѣлшія жизни безпорядочной, лишатъ насъ возможности исправленія. Тогда почувствуемъ мы во всемъ пространствѣ ту истину, что человекъ тогда только можешь наслаждаться вполне своею жизнью, когда будетъ соблюдать равновѣсіе между разумомъ и волею, между желаніями и средствами исполнять оныя. Представляя себѣ все разныя бѣдствія, коимъ подвергается человекъ безъ опытности въ свѣщѣ и основательности въ правилахъ, раскроемъ въкратцѣ мысль сію, какимъ образомъ можно избѣгнуть оныхъ бѣдствій, и

приобрѣсть сіе благоразуміе въ поступкахъ и мнѣніяхъ, чшобы навсегда и во всякомъ случаѣ мы могли упрочить свое благосостояніе.

Все то, что человекъ можешь приобрести самъ собою, временемъ и опытами, относительно познанія самого себя, людей вообще и въ частности, ихъ характеровъ и отношеній, также обязанностей собственныхъ и средствъ сдѣлашь свое состояніе благополучнымъ, можно назвать усовершенствованіемъ самого себя. Но какъ такое усовершенствованіе самого себя есть наука жизни, или изслѣдованіе величайшаго нравочученія знаменитѣйшаго въ древности Философа (Фалеса), знанія самого себя, которое поему пребуешь знаній полнѣйшихъ, рѣдко приобретаемыхъ цѣлою нашею жизнью: то мы ограничимся только возможнымъ, то есть, нѣмъ усовершенствованіемъ, котораго человекъ всегда и во всякомъ состояніи можешь достигнуть, ежели оя имѣешь къ тому готовность и расположеніе. Въ семъ отношеніи, усовершенствованіе самого себя я принимаю въ шемъ понятіи, когда человекъ съ просвѣщеніемъ ума соединяешь образованность сердца, достаточное знаніе свѣта, и умѣешь облагородить себя въ поступкахъ и правилахъ. Слѣдуя сей мысли, мы

разсмотримъ , какимъ образомъ можемъ приобрести вмѣстѣ нравственное и умственное усовершенствованіе , и какія оное должно произвѣсти въ насъ расположенія ; также , чѣмъ мы должны дополнить сіе усовершенствованіе , или опыты въ жизни и знаніе людей.

Какую силу и вліяніе мы имѣли бы спраси надъ людьми , никогда нельзя имъ приписать той неограниченности , какую нѣкоторые имъ приписываютъ . Всегда оныя нашего благоразумія зависятъ , возвысися душою , возстановишь порядокъ въ самомъ себѣ и не допустишь разумъ бытъ термометромъ , поднимающимся и опускающимся сообразно погодѣ . Ежели и есть какія нибудь невинныя причины нашихъ недоспашковъ и погрѣшностей , то оныя должны находиться , или въ нашемъ темпераментѣ , или въ первыхъ примѣрахъ и впечатлѣніяхъ дѣтства . Бѣлая же часть нашихъ несовершенствъ , пороковъ , слабостей , предразсудковъ , зависятъ оныя насъ самихъ , и оныя насъ же зависятъ исправишь ихъ . Злоупотребленіе умственныхъ способностей , испорченная воля , необузданность спрасей , вошь , кажется , главныя причины нашихъ бѣдствій ; и на нихъ-то особенно надобно обратишь вниманіе въ исправленіи . Приве-

демь въ порядокъ то, что болѣе въ насъ разспроено, дадимъ истинное направленіе нашимъ способностямъ природнымъ, расположимъ волю ко всему доброму и полезному, уравниваемъ спрасни, и — мы увидимъ, какія изъ того произойдушъ благодѣтельные для насъ послѣдствія. Но прежде, нежели найдемъ нужнымъ начашъ сію перемѣну въ нашемъ существѣ, прежде, нежели рѣшимся на сіе важное дѣло — усовершенствованіе самого себя — обдумаемъ со всею спрогоспію наше предположеніе, предспавимъ себѣ возможность онаго, спакже средствъ и препяствія, и наконецъ пригосовимъ себя на нѣкоторыя пожертвованія, кои, впрочемъ, могутъ бытъ значительными для человека только легкомысленнаго, и который сморитъ на однѣ поверхности, а не имѣетъ терпѣнія выжидать исполненія дальновидныхъ намѣреній. Главныя условія на пути къ усовершенствованію суть: постоянство въ слѣдованіи начертанному себѣ плану перевоспитанія; постепенность въ раскрытіи своихъ понятий, и терпѣливость въ изслѣдованіи нужныхъ для жизни нашей истинъ. При семъ спакже предполагается довольно силъ и власпи надъ собою, дабы умѣть побѣждать себя въ извѣстныхъ случаяхъ. Ежели мы надеемся исполнить все сіе требова-

ніа, и чувствуемъ въ себѣ готовность къ
 тому, по со всею увѣренностію успѣха,
 можемъ искашь нашего усовершенствованія.

Наше усовершенствованіе должно на-
 чаться возможнымъ познаніемъ самихъ себя;
 и въ семъ случаѣ, разсудокъ долженъ бытъ
 нашимъ руководителемъ. Пусть онъ полу-
 чить законную надъ нами власть; послѣ-
 дуемъ его внушеніямъ: они должны привесть
 насъ на истинный путь къ усовершенство-
 ванію. Познаніе себя пребудетъ довольноаго
 испытанія самихъ себя въ разныхъ отноше-
 ніяхъ, касательно вліянія на насъ вѣшнихъ
 предметовъ и также нашихъ пристрастій
 къ онымъ. И такъ обратимъ всю бдитель-
 ность нашу на наши поступки и распо-
 ложенія характера, будемъ узнавать посте-
 пенно наши любимыя привычки, желанія, на-
 клонности, вкусъ, господствующія страсти,
 изслѣдуемъ пошомъ побужденія и причины
 къ онымъ, и подвергнемъ все сіе приговору
 разсудка. Онъ долженъ опыскашь средства
 къ исправленію дурныхъ нашихъ расположе-
 ній, очистишь умъ отъ вредныхъ навыковъ,
 дать лучшее направленіе нашимъ мыслямъ,
 удержашъ излишнюю пылкость страстей,
 и умъ ограничитъ наши сужденія въ из-
 вѣстныхъ предѣлахъ, сообразно законамъ и
 принятымъ постановленіямъ. Дабы успѣвен-

ния наши способности возбудишь къ дѣ-
 шельности, будемъ обращать и осматрива-
 вать вниманіе на всякомъ занимательномъ
 предметѣ, и приучимъ себя къ той основа-
 тельности, которая смотритъ не на на-
 ружность вещи, или довольствуется одною
 стороною оной, а изслѣдуетъ внутрен-
 ность, и потому никогда насъ не обману-
 ваетъ. А такъ какъ способности умствен-
 ныя имѣютъ свое основаніе въ способности
 чувствовать, то мы должны, сколько мож-
 но, облагороживать свои чувства, слѣдуя
 врожденному понятію истиннаго и полезна-
 го, добраго и злаго, пріятнаго и отврати-
 тельнаго, — такъ же удаляясь всего без-
 нравственнаго, предосудительнаго и приво-
 дящаго въ безпокойное волненіе страсти.
 Когда чувства наши будутъ очищены отъ
 всѣхъ неблагородныхъ впечатлѣній, тогда,
 при основательномъ и здоровомъ сужденіи,
 мы получимъ совсѣмъ другое понятіе о ве-
 щахъ, намъ представляющихся: узнаемъ при-
 чины многихъ явленій и дѣйствій, дошолъ
 намъ неизвѣстныхъ, многіе предразсудки ис-
 чезнутъ, и наружный блескъ не будетъ уже
 обольщать насъ. Ибо мы будемъ смотреть
 на красоты міра не въ полдень, когда онъ
 являющійся во всемъ своемъ сіяніи, но подъ
 вечеръ, когда мы увидимъ въ сошворенномъ

одну ничтожность пварей и величество Творца, а въ окружающемъ насъ скрышыне недоспашки и несовершенства. Снискавши навькъ вниман:я и размышленія о всякомъ дѣйствіи, поспешенно мы должны пріобрѣтати сію правильность въ сужденіяхъ, кошорая ручается за счастливый успѣхъ нашего предпріяшя, оправдываетъ справедливость нашихъ примѣчаній, и успокоиваетъ въ будущемъ. Для достиженія сего поспребна шщательная осмошришельность въ поспушкахъ; всякій нашъ шагъ долженъ быти обдуманъ напередъ, ибо онъ невозвратимъ и часто рѣшаетъ участь цѣлой жизни; на всемъ мы должны останавливать вниманіе съ благороднымъ сомнѣніемъ и даже съ недо-вѣрчивостію. Съ такою разсудительностію мы, безъ сомнѣнія, увидимъ, что многія вещи не таковы, каковыми онѣ при первомъ взглядѣ намъ кажутся; и такого рода опшкрышіе должно произвести многія другія полезныя впечатлѣнія. Ибо тогда мы увѣрились, что не все то золото, что блестящъ, что позлащенная мѣдь содержитъ въ себѣ ядъ, и часто самая привлекательная наружность скрываетъ всѣ степени пороковъ. Такимъ образомъ сдѣлаемся не сполько легкомысленными и скорыми съ своихъ сужденіяхъ; менѣе будемъ обольщаться всякимъ

наружнымъ видою добродѣтели и внутреннимъ призракомъ счастья и кажущагося блага. Если многіе предразсудки, съ которыми человеку весьма тяжело расстаться, ибо они основаны на долговременныхъ привычкахъ, обратившихся въ навыкъ. Изъ числа такихъ вреднѣе всѣхъ для усовершенствованія есть предразсудокъ (*auctoritatis*), когда человекъ *безъ размышленія* предается авторитетамъ, правиламъ и руководству извѣстныхъ ему людей: надобно съ оспороженностію допускать вліяніе сего рода надъ собою. Если мы почувствовали внутренній голосъ, зовущій насъ къ усовершенствованію, то надежнее послѣдовать сему голосу съ свѣдѣніемъ собственнаго разума, имѣя самого себя своимъ судіею и вождемъ въ пути *перевоспитанія*. То усовершенствованіе можешь быть только прочнымъ, когда человекъ самъ собою дойдетъ до первыхъ началъ и основныхъ истинъ, разберетъ порознь настоящія пользы и обязанности человека вообще и въ частности, — узнаетъ истинныя границы каждому кругу гражданскаго общества, — необходимость для блага человечества различія званій, и обойметъ всю цѣпь обязанностей человеческихъ и правилъ, пребуемыхъ закономъ, религіею, правами частными и Государственными. Спокойное и обду-

манное разсужденіе о благѣ и счастіи чело-
вѣка, о цѣли и концѣ его существованія
замѣнитъ всѣ нравоучительные матеріалы
для нашей жизни, доставляемые Исторією
народовъ и ученымъ образованіемъ: оно по-
степенно будетъ очищать умъ нашъ отъ
заблужденій; покажетъ пупи Промысла въ
разныхъ приключеніяхъ и бѣдствіяхъ чело-
вѣческихъ, — покажетъ ничтожность мно-
гихъ правилъ, введенныхъ роскошью, и пре-
буемыхъ испорченными нравами; избавитъ
отъ пусныхъ привычекъ и суешныхъ обык-
новеній. Когда такимъ образомъ основатель-
ныя сужденія будутъ испребляны въ насъ
заблужденія ума, тогда заблужденія сердца,
хотя они пребудутъ большаго времени, бу-
дутъ изглаживаться сами собою. Приучась
ко всѣмъ полезнымъ навыкамъ въ сужденія о
предметахъ, внѣ меня находящихся, я уже
меньше буду имѣть труда ограничить себя
въ извѣстныхъ правилахъ, и предписавъ са-
мому себѣ образъ жизни, болѣе мнѣ прилич-
ный. Ибо я научился находить по только
испіннымъ и достойнымъ слѣдованія, что
я, по долговременному увѣренію въ семь сво-
имъ размышленіемъ, нашелъ дѣйствительно
такимъ. Когда наше вниманіе оспанаваи-
вается на все, можемъ служить для
насъ въ какомъ либо отношеніи нравоученію.

емъ, шо, безъ сомнѣнiя, наши собствѣнные погрѣшности не будутъ оставлены безъ замѣчанiй. Невозможно, чшобъ мы не увидѣли (ежели только уже не имѣемъ къ себѣ предубѣжденiя) неосновательности многихъ нашихъ правилъ и поступковъ; посшараемъ замѣнить оныя лучшими навыками и, предпочишая меньшему добру большее, добровольно опшкаемся опъ любимыхъ привычекъ. Обращимъ (*) наши желанiя и прiспраспiя къ предметамъ, болѣе полезнымъ и сообразнымъ съ достоинствомъ человека и — воля получишь другое направленiе; поелику голосъ разсудка сильнѣе говоритъ сердцу, нежели спраспи.

Ежели мнѣнiя, несправедливость людей или судьба будутъ насъ преслѣдовать, не надобно унывать и дорожить небольшими жертвами. Слабость характера и малодушие всегда производили и производящъ великiя погрѣшности. Довольно одной увѣренности въ чистотѣ своихъ мыслей, и нѣкоторой власпи надъ собою, чшобъ пришупить жало злобы и засшавишь молчашъ предразсудки.

(*) Ежели не всегда въ нашей власпи состоишь желашъ или не желашъ, по крайней мѣрѣ опъ насъ зависишь ограничишь свои желанiя, посредствомъ предшавленiй добра или зла.

Истинное достоинство, какъ золото чрезъ горнило, пріобрѣщается искушеніями: это есть небольшая жертва побѣдъ надъ собою и надъ людьми. Всего менѣе надобно думать о своихъ преимуществахъ, когда мы еще сами не утвердились въ своихъ правилахъ, или находимся еще на срединѣ своего усовершенствованія, т. е. когда умъ еще колеблется между избраніемъ и одобреніемъ. По сей причинѣ, мнѣніе всякаго, полезное или вредное, не должно быть рѣшиительно нами принято, или отвергнуто: полезнѣе для насъ, чтобы изъ общаго обзора человѣческихъ дѣйствій и нравовъ, мы сами собою извели для себя правило для поведенія. Съ одинакою постоянностію продолжая исправленіе самого себя въ разныхъ отношеніяхъ, и не опуская ни одного случая, могущаго служить къ нашему насажденію, мы непримѣнно, средствами благоразумными и надежными, дополнимъ недоспапки нашего воспитанія и изгладимъ слѣдствія дурныхъ примѣровъ дѣшества. Начиная смотрѣть на все совсѣмъ съ другой точки, мы откроемъ глаза на многіе предметы, на которые прежде смотрѣли съ предубѣжденіемъ: узнаемъ чело-вѣка ближе и въ новомъ видѣ. Тогда, проникнушы новымъ свѣтомъ, съ чувствомъ новой жизни, мы сбросимъ съ себя завѣсу, по-

крывавшую насъ, и сердце наше содрогнется отъ ужаса, представляя тѣ бѣдствія, какимъ подвергался родъ человѣческій отъ буйства страстей и невѣжества, и къ какому постыдному и жалкому сословію приводили ложныя понятія и заблужденія. Самое святое имя Религіи, сколько разъ вооружало фанатизмъ и слѣпую ревность, наводнившую землю потоками крови. Безъ сомнѣнія, мы благословимъ ту минушу, которая подала намъ первую мысль искаши своего усовершенствованія: ибо мы найдемъ себя съ понятіями, болѣе образованными, и съ чувствами кропкими, и будемъ бочипать себя счастливыми, что живемъ въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ разумъ, примѣрами и успѣхами другихъ, легко можетъ проложити себѣ дорогу къ своему совершенству.

Когда такимъ образомъ мы расположили себя къ усовершенствованію, и почувствовали во всемъ пространствѣ пользу улучшенія своихъ мыслей и правилъ, тогда надобно умѣиши продолжиши начатое, надобно, чтобы мы приняли и оказывали не однѣ наружныя качества и Фарисейскія добродѣтели; но, облагороженные во всѣхъ отношеніяхъ, на всю жизнь свою распространили бы благодѣтельные начала своего преобразованія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не можемъ

ручаться за самих себя, ежели не увѣрени въ непоколебимости своихъ правилъ; часпо и въ самыхъ лучшихъ умахъ непримѣнно рождающся дурныя расположенія, и человекъ увлекается спраспями; часпо самая споническая добродѣшель уступаетъ оболъщениъмъ чувственныхъ благъ. Жизнь наша подобна легкой лодкѣ, преданной на произволь въпроть и волнь и носимой по безбрежному Океану; ошь опышнаго искусства кормчаго зависишь предохранишь оную ошь кораблекрушеній и разбишя о подводные камни. И шакъ для шакого непостояннаго существа, каковъ человекъ, необходимо шребуешся чшо нибудь убѣдительнѣйшее, что нибудь очевиднѣйшее, чшо бы навсегда его ушвердило въ правилахъ, однажды приняныхъ, возмысло чувствования сердца, облагородило пошупки, и наконецъ научило бы его цѣнишь душевныя достоиншва и совершеншва разума выше благъ чувственныхъ. Я думаю, чшо нравственныя уроки въ жизни, собственныя опышны, наблюденія характеровъ и пошупковъ человеческихъ, и замѣчанія причинъ и следшвий оныхъ — суть лучшыя наспавники, конорые могушь ушвердишь и дополнишь наше усовершеншваніе. Ибо въ жизни всегда можешь служишь дѣйствишельнымъ наспавленіемъ шо, что было сзд-

ествіемъ многихъ опытовъ, наблюденій, раз-
 мышленій. Геній полезень только въ Изыс-
 кныхъ Искусствахъ; а правила жизни начер-
 тывающіяся временемъ, и извлекающіяся изъ
 нашихъ дѣяній, общимъ приговоромъ долго-
 временной увѣренности о законности оныхъ.
 Такимъ образомъ наше усовершенствованіе
 должно быть продолжительнымъ ученіемъ,
 въ которомъ уроки природы и искусства
 будутъ служить одни другимъ пособіемъ,
 для нашего образованія; — мы будемъ сами
 повѣрять то, о чемъ давно говорили намъ
 разсудокъ, и къ чему расположено сердце.
 Промыслъ не безъ намѣренія покрылъ неиз-
 вѣстностію судьбу человѣка: онъ хотѣлъ,
 чшобъ человѣкъ жияъ не по однимъ насшо-
 щимъ случаямъ, но чшобъ былъ способенъ
 ко всему, и готовъ на всѣ приключе-
 нія въ жизни; для сего онъ получалъ отъ
 природы сложене жинъ во всѣхъ климатахъ
 и извлекалъ свои пользы изъ всѣхъ царствъ
 бж, наконецъ кивелъ разумъ; который его
 научилъ, что его благополучіе будетъ
 только тогда извиннымъ, когда онъ будетъ
 стараться о усовершенствованіи своихъ
 способностей. Равнодушіе къ себѣ и вредный
 предразсудокъ заключаетъ свои понятія и
 знанія шимъ кругомъ, въ которомъ мы обра-
 щаемся, и считашъ за предосудительное за-

нимаешься шѣмъ, что не входитъ въ составъ нашихъ обязанностей и званій, уничтожаютъ дѣятельность ума и лишаютъ насъ средствъ быть болѣе полезными себѣ и другимъ. Ипакъ, следуя симъ убѣжденіямъ, человѣку, ищущему своего усовершенствованія, надобно жить и дѣйствовать такъ, чтобы онъ былъ способенъ переносить всѣ превратности судьбы, всѣ испытанія Промысла; узнать причины зла физическаго и нравственнаго; приспособить себя ко всемъ благороднѣйшимъ занятиямъ человѣческимъ; быть всемъ, чего пребудешь отъ него обстоятельствомъ. Для достиженія сихъ намѣреній, надобно умѣть быть полезнымъ членомъ всякаго общества, всякаго сословія, — знать нужды и бѣдность, довольство и недоставокъ, — имѣть твердость въ несчастіяхъ и быть достойнымъ счастья. Приобрѣтеніе такой обширной опытности, не иначе можешь быть произведено, какъ всею дѣятельностью нашего ума, при основательности въ сужденіяхъ, при благородныхъ началахъ и правилахъ сердца, нами образованнаго. Съ благоразумною разборчивостію и съ тѣмъ расположеніемъ, которое мы имѣемъ къ своему усовершенствованію, возьмемъ чловѣка и природу нашими учителями, и начнемъ пользоваться ихъ уроками. Мы не будемъ замѣ-

маются трудною наукою познанія челоуѣка вообще; но соберемъ только нѣ свѣдѣнія о челоуѣкѣ, копорыя нужны для нашего усовершенствованія. Сии свѣдѣнія сосшоятъ въ томъ, чшобъ мы видѣли челоуѣка въ различныхъ отношеніяхъ и обстояельствахъ, разсматривали его, каковъ онъ естъ въ разныхъ характерахъ, и такимъ образомъ изслѣдовали, что служишь къ приобрѣшенію вниманія и довѣрія другихъ, и можешь обратишь въ нашу пользу общее мнѣніе. Но чшобы намъ въ сужденіяхъ своихъ не обманушься и примѣчанія наши были вѣрныѣ, будемъ доходишь сами до причинъ и побужденій челоуѣческихъ поступковъ, соединяя съ симъ размышленіе о природѣ челоуѣческой и о томъ, чшю можешь сдѣлашь для насъ умъ нашъ, постепенно образуемый и усовершенуемый съ образованіемъ сердца, и до какихъ крайностей доводишь челоуѣка его страха и невниманіе къ самому себѣ. Сии размышленія открощушь намъ ясно, ошъ чего происходишь несовершенства, пороки, недосшашки, невѣжество и нераднїе людей. Узнавъ пружины, засшавляющія челоуѣка поступашъ шакъ или иначе, мы съ шѣмъ вѣсшѣ шощасъ узнаемъ, чшю можешь побуждашь людей въ собственнхъ глазахъ принимашь виды разныхъ жившнхъ, иногда крошкаго агнца, иногда кро-

вожаднаго шигра, хитрой лисицы и плошоднаго волка и ш. п. Какъ членамъ общешва, намъ необходимо надобно замѣчашь всѣ правила приличія, благо нравія, благопристойности, отношеній другъ къ другу. Но соблюдая всѣ сіи требованія свѣша, мы будемъ ошличашь пѣ, кои болѣе сообразны съ благо разуміемъ, и не спанемъ держашься пѣхъ ничшожныхъ обыкновеній, кои сущешвуютъ для шого, чшобы дашь себѣ болѣе вѣсу въ глазахъ людей, занимающихся однѣми наружноспями. Чшобы сохранишь средину между разными мнѣніями и правилами въ классахъ людей, во всякомъ случаѣ будемъ щадить самолюбіе другихъ, и менѣе всего будемъ спарашься дѣлать голось свой рѣшишельнымъ. Чшобы побѣдишь своенравіе форшуны и людскіе предразсудки, надобно одною чистшою своихъ мыслей и правилъ и законноспію поступковъ, спарашься обратишь на себя общее мнѣніе; всѣ прочія средства предосудительны. Самый легкомысленный счастливецъ не можеть опказашь себѣ въ невольномъ почшеніи доблестямъ и достоинству: шакого почшенія позволишельно искашь всякому. Наша польза пѣсно соединена съ пользами другихъ; для сего мы должны жишь менѣе для себя, нежели для другихъ. Ибо наше благососшояніе зависить опъ шого мнѣнія, ка-

кое о насъ имѣюшь люди. Но, чтобы бысть полезнымъ себѣ и другимъ, а съ шѣмъ вмѣспѣ узнатьъ челоуѣка въ настоящемъ его видѣ, должно войти въ положеніе разныхъ классовъ людей и изслѣдовать, ежели можно, мѣспныя выгоды и невыгоды сословій гражданскихъ въ разныхъ спранахъ свѣша. Разсмашривая челоуѣка въ различныхъ обспояшествахъ, мы, однакожъ никогда не должны шеряшь изъ виду главной своей цѣли, для чего мы оное дѣлаемъ; и чшобъ разные образы жизни и дурныя общества, въ кошорыхъ мы иногда должны находишься, не имѣли на насъ своего вліанія, будемъ смопрѣшь на оныя боѣе издали, дабы видѣшь и знашь шолько шо, что нужно для нашего насшавленія. Ошибки другихъ напомяшь намъ и наши погрѣшности; ибо лучше пользовашься примѣрами, нежели ожидашь для своего исправленія несчастныхъ опышовъ. Видимыя свѣдѣшвія безнравшвенности и пороковъ челоуѣческихъ всегда будутъ имѣшь спасительное дѣйшвіе на душу, расположенную пользовашься уроками въ жизни. Ничшо, чшо - шолько входимъ въ кругъ общешвенной и частной жизни челоуѣка, не будешъ изъятю ошъ нашихъ наблюденій. Ненадежностъ сшастія, бѣдшвія и горести челоуѣчскія, разшгельные примѣры обманушого

самолюбія, честолюбія и самопаздянности, пагубныя савдшвія необузданности спрастей, — все будетъ потрясать нашу душу, и съ симъ вмѣстѣ предписывать намъ правила, чѣмъ должны ограничиваться наши желанія, планы и надежды. Всѣ сцены, попеременно видимыя на театрѣ міра, радостныя и печальныя, пріятныя и отвращительныя, шрогашельныя и безчувственныя, будутъ для насъ имѣть одно насшавленіе: искать благополучія въ самомъ себѣ, и не желать того, что не можешь принадлежать намъ по праву. Утвердившись такимъ образомъ, несомнѣнными опытами, что есть черпа, назначенная челоуьку Промысломъ, копорую онъ не долженъ переходить, какъ живошное, изъ своей спихіи, мы научимся во всемъ признавать руку Божію, по своимъ причинамъ расподагающую жребіями челоуьчески-ми, и ясно увидимъ, что право на почшеніе къ себѣ пріобрѣщается достоинствами и заслугами. Сія мысль заставитъ насъ усиленно шараніе о усовершенствованіи себя въ разныхъ отношеніяхъ. Мы уже чувствуемъ дѣну достоинства; будущее предсшавляется намъ въ лучшемъ видѣ; мы видимъ награду за нѣкоторыя испышанія, и утѣщаемся дѣмъ, что никакое непріятное чув-

ство не оправдатель мысли наших печальнымъ воспоминаніемъ.

Напоследокъ мои уроки въ жизни достигли своей цѣли. Познакомившись со всеми превращеніями въ жизни, судя безъ предубѣжденій о вещахъ и людяхъ, умѣя сдѣлать употребленіе изъ собранныхъ опытами моими свѣдѣній, я могу быть совершенно увѣреннымъ, что во всякомъ кругу общества, во всякомъ званіи и сословіи, во всякомъ классѣ и возрастѣ людей, въ какихъ бы отношеніяхъ я ни былъ поставленъ обстоятельствомъ, — вездѣ я могу имѣть почтенное мѣсто, нигдѣ не буду лишній, и во всякомъ случаѣ могу быть полезнымъ себѣ и другимъ. Буду ли я земледѣльцемъ, возпомъ, ремесленникомъ, купцомъ, человѣкомъ государственнымъ, — отъ меня зависить сдѣлать мое сословіе и сословіе уважаемымъ и почтеннымъ. Я не принимаю на себя исчислять всѣ пользы, которыя происходятъ отъ усовершенствованія самого себя; довольно сказать, что онѣ простираются на все наше существо, на всѣ виды человѣческихъ дѣйствій и расположеній. Руссо въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что даже въ самой фізіономіи человѣка отражается благородство его души. И подлинно видъ человѣка почтеннаго и съ достоинствомъ имѣетъ

что - то выразительное, внушающее уваженіе.

Вопь крашкій обзоръ шого, что можешь сдѣлать человекъ для своего усовершенствованія, умственнаго и нравственнаго вообще. Изъ онаго мы видимъ, *во-первыхъ*, швъ многочисленныя пользы, кои происекають опь усовершенствованія себя, дабы не бышь подвержену швъмъ опасностямъ и бѣдствіямъ, кои постигають людей, вступающихъ въ свѣшь съ одною самонадвянностію, неумудренныхъ опытами и живущихъ по однимъ наспоющимъ случаямъ; *во-вторыхъ*, чъмъ пріобрѣщается усовершенствованіе, ш. е. неупомимостію, улучшеніемъ образа своихъ мыслей, долговременнымъ изсаждованіемъ обязанностей въ разсужденіи самихъ себя, подобныхъ намъ и нашего Творца, чрезъ пожершвованіе нѣкоторыхъ навыковъ и лишнихъ желаній, чрезъ вѣрные опышы, должекствующіе намъ показашъ въ многомъ мечшы и пустыя надежды. Вообще же изъ сего начерпанія мы научаемся бышь довольными своимъ жребіемъ и не прельщашься наружностями; ибо мы видимъ, что шогда шолько наше благосостояніе можешь бышь прочнымъ, когда пріобрѣщается достоинствомъ. Ишакъ, признаемъ справедливостъ Промысла, сосшворившаго человекъ для его

счастія, и давшаго ему соотвѣтствующія для сего способности; — прекратимъ наши жалобы на свою судьбу и несправедливость людей; ибо отъ насъ зависящъ достигнутъ своего счастія. Пусть другіе беззаботно наслаждающся жизнію, по своему понятію: обольщающся богатствомъ, или знатностію, — не будемъ имъ завидовать: обогащеніе своего ума и сердца и спокойствіе сердечное дороже шѣхъ благъ, изъ копорыхъ мы не могли бы сдѣлать хорошаго употребленія. Пожалуемъ шѣхъ мнимыхъ счастливицевъ, кои, ограничивъ свои познанія шюю степенью, на копорую случай ихъ поставилъ, и не щитающая нужнымъ знать шо, что просширается за кругъ ихъ занятій, не разсуждаютъ о томъ, какими правами пріобрѣтается благополучіе въ жизни; живя съ совершенною беззаботностію о своей жизни, они не видали никогда картинъ бѣдспвій человѣческихъ, и слезы несчастныхъ не шочали сердца ихъ. Если бы Провидѣнію угодно было испытать ихъ на высоту величія, соспоянніе ихъ было бы ужасно: незнакомые и съ малѣйшими опасностями, они не могли бы пережить своихъ бѣдспвій. Но шѣ, кои видѣли и знаютъ сами непосредственно и превращенность вещей мірскихъ, кои пригошвились ко всѣмъ приключеніямъ въ жизни, умѣютъ переносить

съ швердостію временныя потерн, дабы дождашься лучшей участи, шѣ, кои сполько усовершенствовали себя, что знающъ, что можешь случншься съ челоѡкомъ въ жизни: съ какою неизьясною радостію будешь торжествовашъ юбилей своей победы надъ собою и принимаешь награды за рѣшимость искашь своего усовершенствованія!

Буря спрашей ихъ ушла, желанія вошли въ свои предѣлы, — все существо ихъ перемѣнилось для лучшей, пріятнѣйшей жизни: во всякомъ ближнемъ они видящъ себя подобныхъ; въ обществѣ челоѡческомъ одно семейство, сошворенное для взаимныхъ услугъ и помощи; — всякій новый день будешь доставляшь имъ новыя успѣшенія и душевныя радости: они будешь счастливыми, ибо будешь живъ для другихъ.

Александръ Албенскій.

або

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 6.

С л о в е с н о с т ь .

188. *Начальники, или Шотландскіе Шефы.* Историческая Повѣсть, сочин. Миссъ Жаюю Цоршеръ, перевод. съ Англійскаго на Французскій языкъ, а съ онаго на Россійскій, на Сергіевскихъ водахъ, 1815 года, съ эпиграфомъ:

Слышу гласъ, пробуждающій мою душу,
Гласъ пропекшихъ времянь,
Раскрывающій предо мною
Всѣ происшествія случившіяся.

Оссіанъ.

М. въ Унив, шип. 1826. Т. I. 342 с, Т.
II 324 с. въ б. 12.

И с т о р і я .

189. *Греческіе Классики*, переведенные съ Греческаго языка *Ив. Мартыновымъ.* Ч. XV. кн. 18. Исторія Иродотова Ч. I., содержащая въ себѣ книги I и II. Сиб.

въ шип. Юс. Иоаннесова. 1826. 807 с.
въ 8.

Археологія.

190. *Исслѣдованіе* о мѣстоположеніи древнихъ Греческихъ поселеній на берегахъ Понша Эвксинскаго, между Тирасомъ и Ворисееномъ, учиненныя, по случаю найденныхъ въ 1823 году оспашковъ древности въ Одессѣ, Полковникомъ *Ив. Стемпковскимъ* (съ сравнительною картою древней и новой Географіи сихъ мѣстъ). Спб. въ шип. А. Смирдина. 1826. 80 с. въ 12. (Особый описокъ изъ Ошеческвенныхъ Записокъ).
191. *Указатель* главнѣйшихъ достопамятностей, сохраняющихся въ мастерской оружейной Палатѣ. Составленъ почетнымъ Членомъ оной Палаты, Сп. Сов. и Кавалер. *Павл. Свиньинымъ*. Спб. въ шип. А. Смирдина. 1826. 118 с. въ 6 1/2. (съ планомъ и фасадомъ Кремлевскаго дворца).

Астрономія.

192. *Слово о неподвижныхъ звездахъ*, произнесенное въ торжественномъ собраніи Импер. Моск. Универс. Юля 3 дня 1826 года, Г. Професс. Астрономіи *Дмитріемъ Первозицковымъ*. М. въ Унив. шип.

22 с. въ 4. Къ сей же рѣчи приложены
спихошворенія: *Геній* (Александра Поле-
жаева) 23—30, и Крашкая Исторія Мо-
сковскаго Университета съ 3 Юля 1825
по 3 Юля 1826 годъ, на 18 стр., за симъ
Рѣчь заключительная, Гимнь Русскому
Царю (А. А. Писарева), и хоръ.

Х о з я й с т в о .

193. *Краткое руководство* къ разведенію
и содержанію шонкошерстныхъ овецъ,
въ средней полосѣ Россіи, изданное Им-
ператорскимъ Московскимъ Обществомъ
Сельскаго Хозяйства. Изд. втор. М. въ
шип. Августа Семена, при Импер. Ме-
дико-хирур. Академіи 1826. IV, 76 и III
с. въ 8. съ чершежемъ.
194. *Кротоловъ*, или самый легкій и вѣрный
способъ ловить крошкы. Сочиненіе всѣ-
ми принятое и одобренное во Франціи.
Переводъ съ XIV изданія (съ гравиров.
таблицею. Переведено на Русскій языкъ
и издано по препорученію Е. П. Н. М.
Сипягина). М. въ шип. П. Кузнецова.
1826. 40 с. въ 8. съ чершежемъ.
195. *Карманная книжка* для поваровъ и по-
варихъ, къ употребленію въ городѣ и въ
деревнѣхъ и пр., сочин. Кардали. Перев. съ
Французскаго 3-го изданія, дополненнаго

ошъ Издашея многими спашьями; съ фигурами. М. въ шип. С. Селивановскаго. 1826. Ч. I, XXX и 237 с.; Ч. II 246 с. въ 12.

Государственное Хозяйство.

196. *Речь* о ложномъ положеніи причины упадка торговли въ недостаткѣ денегъ, показаніе истинныхъ причинъ онаго и нѣкошорыхъ средствъ, могущихъ воспрепятствовать губительному вліянію на благо народное, произнесенная въ торжественномъ собраніи Любителей Коммерческихъ знаний, въ Московской Практической Коммерческой Академіи, Іюля 9 дня, 1826 года, Секретаремъ Общества и Академіи *Егоромъ Классеномъ*. М. въ шип. С. Селивановскаго. 1826. 6 с. въ 4.
197. *Разсужденіе* о существенныхъ свойствахъ и принадлежностяхъ *Экономіи* Политической, произнесенное въ торжественномъ собраніи Ярославскаго Демидовскаго высшихъ Наукъ Училища, 29 Апрѣля 1826 года, Надворнымъ Совѣшникомъ, вѣико-политическихъ Наукъ *Магистромъ*, *Экономіи* Политической и *Науки* Финансовъ *Профессоромъ*, *Федоромъ Бекетовымъ*. М. въ Унив. шип. 1826. 41 с. въ 4.

М е д и ц и н а.

198. *О пользѣ и предметахъ Военной Гигиены*, или науки сохраняющъ здравіе военнослужащихъ; сочин. Медицины Доктора, Военн. Медиц. Патологич., Терапич. и Клиники Професс., Публ. Ординарнаго, Сп. Сов. и Орден. Св. Ан. 2 и Св. Ст. 4 Кав. Медицинскаго и Клиническаго Института и Универ. больницы Директора, и Медико-Хирург. Акад. Поч. Члена, Обществъ: Импер. Испыш. Напурь, Исторіи и Древн. Россійскихъ, Медико-Физическаго, Виленскаго Врачебнаго и Гештингенскаго Акушерскаго Члена, Парижскихъ Обществъ: Академіи Врачебной, Академическихъ Наукъ и Искусствъ и Галваническаго Корреспондента, *Матвія Мудрова*, при 3 изданіи вновь пересмотрѣнное. М. въ Унив. шип. 1826 67 с. въ 8.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № XX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

СЕМЕЙСТВО УГОЛЬНИКА.

Нѣмецкій купецъ Бершольдъ рассказываетъ происшествіе, хотя не по всему вѣроятное, но по многимъ отношеніямъ заслуживающее быть пересказаннымъ.

Провѣзая верхомъ чрезъ одну гористую страну Германіи, онъ заблудился въ глуши лѣса. Въ это время — счастливѣйшее для его купеческихъ предпріятій — имѣлъ онъ съ собою большой запасъ драгоценныхъ камней, векселей и наличныхъ денегъ, а пошому неудивительно, что вдаваясь далѣе и далѣе въ глубину горъ и лѣса, одинъ, неизвѣстными путями, при наступающей уже ночи, почувствовалъ онъ невольный страхъ. По всему замѣчалъ онъ, что попалъ въ безлюдное, дикое мѣсто — даже птицы летали около него безъ робости; ужасныя совы, съ отвра-

тишелейнымъ крикомъ носясь надъ головой его, взмахивали и хлопали крыльями шакъ, что странникъ, ни живъ, ни мертвъ, припадалъ въ испугъ къ сѣдлу. Наконецъ увидѣлъ онъ челоуѣка, идущаго предъ нимъ по нагорной пропонику. На вопросъ прохожій ошозвался ласково, назвалъ себя угольникомъ, живущимъ въ вшомъ лѣсу съ немалымъ семействомъ, и когда Бершольдъ попросилъ у него ночлега, шо съ такимъ радушіемъ согласился дать его, что въ странникъ исчезла недовѣрчивость. Скоро въ дружескихъ разговорахъ добрались до хижины. Тутъ вышла хозяйка со свѣчею; за нею появились привѣшавшыя, добрыя лица дѣшей мужскаго и женскаго пола, и лучъ, упавшій на лице хозяина, освѣтилъ на немъ самыя простодушныя древне-Германскія черты.

Всѣ вошли въ свѣтлую, теплую избу, и сѣли около круглаго стола. Путешественнику и на мысль не приходило чего-либо опасаться за свои богатства, какъ будто пришелъ онъ въ родной домъ, къ отцу, къ матери. Вся забота его только въ томъ состояла, чтобы снять съ сѣдла небольшой чемоданъ свой, а коня опустить подъ приемотръ сыну угольника. Пошомъ сбросилъ онъ бремя свое въ первомъ углу избы, и сѣлъ, снявъ оружіе, положилъ его подъ себя

на скамьѣ, то едѣлааь это болѣе изъ похвальнаго обычая путешествующихъ, нежели изъ опасенія, чптобъ случилась въ немъ какаа-либѣ нужда. Тутъ начались расказы о томъ и о семъ; купецъ говорилъ о своихъ странствіяхъ, угольникъ о горахъ и объ лѣсахъ, и семейство его вмѣшивалось по временамъ въ рѣчи, но скромно и пристойно. Между шѣмъ угольникъ вышавилъ кувшинъ грушеваго настоа, копорый поразвеселилъ бесѣду. Къ расказамъ спали припѣвать, и дѣти зашѣвали съѣшь общимъ веселымъ хоромъ заспольную пѣсню, какъ вдругъ послышался странный шукъ у дверей. Казалось, палець спучавшаго едва прикасался къ двери, но слабые звуки опзывались вяшно во всѣхъ углахъ, не смопря на клики дѣшей. Пѣніе прекратилось, на лицахъ не спало прежней веселости, но хозяинъ ласковымъ голосомъ сказааь: „Милости просимъ, старинушка, войди съ Богомъ!“

Тутъ вошелъ шихо маленькій, благообразный старикъ, поклонился всѣмъ добродушно, шолько на госпиа посмопирѣвъ съ удивленіемъ. Потомъ подошелъ къ круглому столу и заняаь послѣднее мѣсто, копорое, казалось, нарочно было для него оставлено. И Бершольдъ, глядя на него, не могъ не удивляться. Одежда его была стариннаго

вѣка, но нимаю не изорвана, не изношена, даже почши не измаша. Припомъ былъ онъ очень малъ росомъ, и на лицъ, хопя пріятномъ, замѣшно было что-то необыкновенное, какъ бы глубокая скорбь. Все семейство хозяина смопрѣло на него съ большимъ со-спраданіемъ, впрочемъ, какъ на спариннаго знаконца. Бершольду хотѣлось спросить, не дѣдушка ли онъ въ домъ, и не спрадаешъ ли какую болязнію, что пакъ блѣденъ и печаленъ. Но всякій разъ, какъ шолько думалъ о шомъ начашъ, спаричекъ взглядывалъ на него съ такимъ робкимъ, недовольнымъ, шоск-ливнымъ видомъ, что Бершольдъ невольню без-молвспововалъ.

Наконецъ спаричекъ, сложивъ руки и смо-пра на хозяина умоляющимъ взоромъ, ска-зашъ хриплымъ голосомъ: „Нельзя ли молиш-ву?“ — Угольникъ началъ пошчасъ прекрас-ную, спаринную пѣснь: *Уже льса покоят-ся*. Къ нему пристали жена и дѣши, пошомъ и спарикъ; послѣдній шакимъ сильнымъ го-лосомъ, что въ хижинѣ запряслись спѣны, на удивленье всякому, кто не привыкъ его слушашъ. Бершольдъ, изумляясь, не могъ присташъ къ пѣнію, и эшо, по видимому, произведо въ спаричкѣ досаду и робоснь. Онъ спашъ бросашъ на него спранные взгля-ды, и самъ хозяинъ намѣкалъ ему киваньемъ

и знаками, чѣшобъ онъ пѣлъ съ ними вмѣстѣ. Бершольдъ наконецъ послушался, и всѣ были довольны. Послѣ нѣсколькихъ еще моливъ и пѣсней, старичекъ раскланялся униженно, и вышелъ. Но притворивъ уже дверь, толкнулъ онъ ее опять, высунулъ голову и бросивъ на Бершольда ужасный, дикій взоръ, захлопнулъ съ шумомъ за собою.

„Этого прежде не бывало!“ сказала угольникъ съ удивленіемъ, и оборотясь къ Бершольду, просилъ извиненія своему посѣщенію. „Онъ, вѣроятно, поврежденъ нѣсколько въ умъ?“ спросилъ Бершольдъ. „Есть не много“ — ошвѣчалъ угольникъ: „но онъ никому вреда не дѣлаешь; по крайности, съ давнихъ лѣтъ не слышно тому примѣровъ. — Единственная горенка“ продолжалъ онъ: „въ кошорой могу я помѣститься лась на эту ночь, не слишкомъ плошно запирается, и старичекъ иногда шуда приходитъ. Но не превожьшесь; только бы не прогашъ его, а шо онъ самъ собою выйдетъ. Къ шому жъ, а чаю, вы шакъ усшали съ дороги, чшо не проснешесь ошъ его прихода; онъ же ступаешъ шакъ шихо, почти не слышно.“ Бершольдъ ошвѣчалъ на все улыбкою, но на душѣ у него спало не шакъ весело, какъ было прежде — самъ онъ не зналъ причины. И когда хозяинъ провожалъ его со свѣчемъ

вверхъ по узкой лѣшницѣ, онъ крѣпко держалъ подъ мышкою чемоданъ свой, и все поспрашивалъ на свои пистолеты и на свой охотничій ножъ.

На верху, въ маленькой, досчатой горенкѣ, хозяинъ повѣсилъ на стѣну ночникъ, съ осшорожностію, чшобъ не заронилась искра; потомъ пожелалъ гостю покойной ночи и оставилъ его одного. Однако на вшомъ разѣ вышло не по желанію хозяина. Никогда Бертольдъ не чувствовалъ такого безпокойства, такого внупреннаго распрѣшва. Будучи весьма упомлень съ дороги, бросился онъ пошчасъ въ постелю, но напрасно спарался заснуть. То казалось ему, чшо далеко лежить чемоданъ его, или оружіе, или и шо и другое; шо опашь не шакъ ловко положено, чшобъ пошчасъ схватимъ въ случаѣ надобности. Много разѣ вспавалъ онъ, и если засышалъ на минушу, шо просыпался въ испугѣ опъ малѣйшаго дуновения вѣтра, сквозь стѣнныя щели. Всѣ купеческіе расчѣты и спекуляціи шѣснились безпорядочно въ головѣ его: шамъ пугаль уронъ, здѣсь манила удача; но ни о чемъ не могъ онъ размыслишь осшовашельно; все въ умѣ колобродило. И никогда не чувствовалъ онъ шаккой жадности къ спяжанію, какъ въ вшомъ положеніи, пока наконецъ оно же погрузило

его въ сонъ, кошорый почти могъ бы назваться обморокомъ.

Около полуночи, вдругъ представилось ему, будто что-то движется въ горенкѣ. Но усталость дала себѣ волю и не хотѣла уступать правъ своихъ. Когда же слипшіяся вѣки раскрывались нѣсколько, и казалось ему, что старичекъ расхаживаетъ изъ угла въ уголь, онъ думалъ въ упоеніи сна, что это какъ чудища; да и угольникъ напередъ говорилъ ему объ этомъ. Но наконецъ стало чудиться чаще; вдругъ ошъ испуга, какъ ошъ удара, всрепенулись въ немъ силы, и сонливоспъ исчезла. Бершольдъ раскрылъ глаза, вскочилъ, и сидя на постели, видѣлъ, какъ старикъ шарилъ въ его чемоданъ и жалоспливо, но вмѣспѣ насмѣшливо на него посмапривалъ. — „Разбой! разбой! прочь ошъ моего чемодана!“ закричалъ купецъ въ изспуленіи спраха. Старикъ зашрепешалъ; онъ побѣжалъ къ дверямъ, молился, казалосъ, въ шоскъ, и пошомъ вышелъ посифшино.

Первое движеніе Бершольда было — къ чемодану; онъ смошрѣлъ, все ли цѣло. Нельзя было счеспъ старика воромъ, но могъ онъ, въ своемъ безумствѣ, захватить нѣсколько драгоценныхъ камней, или измяшь, изорвать дорогія бумаги. Замки и завязки нашлись у чемодана въ цѣлоспѣ, и все въ немъ по преж-

нему, въ совершенномъ порядкѣ. Но Бершольдъ не могъ успокоиться: онъ все пересматривалъ, думая, не испортилось ли чтонибудь и въ дорогѣ. И взгляды на свои сокровища пѣшили его; но все было онъ еще недоволенъ, все еще мало ему казалось. Въ шакомъ занятіи почувствовалъ онъ холодъ на щекъ своей. Думая, что несетъ онъ одна, худо сплоченнаго, онъ закушался больше въ шинель. Но холодъ спановился чувствительнѣе. Въ досадѣ Бершольдъ оглядывается, и что же? Лице маленькаго старика вполнѣ подлѣ его лица. „Что ты здѣсь дѣлаешь?“ закричалъ купецъ въ ужасѣ. „Поди, лягъ въ постелью и согрѣйся!“ — „Нѣтъ, постеля не согрѣетъ меня,“ — отвѣчалъ старикъ хриплымъ своимъ голосомъ — „а вошь что мнѣ любо — посмотришь на эти прекрасныя вещи. Однако есть у меня на примѣтъ другія, не твоимъ чеша.“ — „Другія? гдѣ жъ онѣ?“ спросилъ Бершольдъ, и тушь вообразилось ему, что наконецъ сбудущся его грѣзы, что эшошь помѣшанный старичекъ наведетъ его на сокровища, какія мечшались ему въ шомшельномъ его полуснѣ. — „Хочешь ли видѣть ихъ?“ сказалъ старикъ: „Пойдемъ со мною. Тамъ онѣ — въ глухомъ лѣсу, на болотѣ.“ — „Ну, съ тобою не пошрису бы я“ — возразилъ Бершольдъ.

Тутъ мигомъ спарикъ обернулся къ двери. „Поспой“ — сказала онъ: — „сбѣгаю только за плащемъ, а шамъ и пусшимся; я не замѣшкаюсь.“ Недолго оставался Бертольдъ въ недоумѣніи: едва вышелъ спарикъ, какъ дверь опять закричала, и явился худощавый, необыкновенно высокаго роста человекъ въ красномъ плащѣ, съ тяжелымъ мечемъ въ одной рукѣ, съ большимъ ружьемъ въ другой. Бертольдъ бросился къ своему оружію. — „Да!“ — сказала красный: „не худо, если возьмешь и это съ собою. Только пойдемъ же поскорѣ.“ — „Съ шобю?“ закричалъ Бертольдъ. „Я не хочу итти съ шобю. Гдѣ тошъ маленькой шаричекъ?“ — „Эй, будто не узнаешь? Посмотри на меня хорошенько!“ сказалъ красный, откинувъ плащъ отъ лица своего. Тутъ увидѣлъ Бертольдъ большое сходство между симъ ужаснымъ привидѣніемъ и маленькимъ спарикомъ, какъ будто были они близнецы — только черныя лица, крошкія, смиренныя у спарика, казались разстроеными, бѣшеными у великана. Бертольдъ счелъ себя погибшимъ со всѣми сокровищами. Онъ громко закричалъ: „Не пойду съ шобю!“ — „Долженъ итти!“ загремѣлъ красный и занесъ на него длинную, руку свою. Бертольдъ, въ смертельной шокъ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета.

Тутъ поднялся крикъ и шумъ внизу дома; послышалась походка угольника, спѣшащаго на лѣстницу; красный бросился въ дверь, грозя Берполюду взоромъ и кулакомъ.

„Боже мой!“ вскричала въбѣжавшій угольникъ „что вы сдѣлали съ нашимъ домовымъ?“ „Съ домовымъ?“ пролепешала Берполюда, и сморгнула въ сомнѣнн на хозяина. Въ купеческой головѣ его все еще вертѣлось обѣщаніе несмѣнныхъ сокровищъ; ему казалось почти, что не получивъ, онъ самъ пошерялъ ихъ, и что цѣлый домъ прошивъ него въ заговорѣ. Между тѣмъ угольникъ продолжалъ: „Онъ встрѣпился мнѣ такимъ великаномъ, взбѣшенъ, въ красномъ плащѣ и съ оружіемъ.“ Видя однако, что Берполюда не слышитъ и не понимаетъ его, попросилъ онъ сойти съ нимъ внизъ, гдѣ все семейство было уже на ногахъ и очень встревожено. Берполюда согласилась, взяла свой чемоданъ, свои пистолеты, взведенные на выстрѣлъ, и прочее оружіе. Онъ разсудилъ, что внизу для него безопаснѣе, потому, что ближе къ наружной двери, нежели на чердакѣ, и свободнѣе, нежели здѣсь, въ тѣсной комнатѣ. Внизу всѣ домашніе сморгнули на него съ робостію, и вообще шеперь со вчерашнею бесѣдою была разница, какъ между миромъ и

войною. Тушь угольникъ расказалъ въ короткихъ словахъ слѣдующее:

„Въ то время, какъ я поселился въ этой хижинѣ, домовый ходилъ все въ такомъ видѣ, какъ мы видѣли его сегодня. Поэтому-то никто изъ угольниковъ не хотѣлъ селиться ни здѣсь, ни въ окрестныхъ горахъ, въ кошорыхъ онъ также бродилъ на большое пространство. Онъ былъ нѣкогда самъ угольникъ, очень богатый и очень скупой. Живучи здѣсь, зарывалъ онъ деньги въ разныхъ мѣстахъ; въ самой глуши лѣса, и обхватывалъ тѣ мѣста въ красномъ плащѣ, съ мечемъ и ружьемъ. Первый надѣвалъ для того, какъ говорилъ, чѣмъ бы напоминать разбойникамъ о красномъ плащѣ палача. Когда жъ онъ умеръ и не могъ никому показывать сокровищъ своихъ, то, можешь быть, и забылъ, гдѣ лежалъ они; а поэтому и бродилъ вездѣ, какъ бѣшеный, въ такомъ ужасномъ видѣ.“

„Я же думалъ такъ: если де будешь ты крошокъ и спанешь прилежно молишься, то никакой бѣсъ не одолѣетъ тебя; а еще женьше какой нибудь бѣдный, безумный мерзвецъ. И такъ съ Богомъ перешелъ я сюда. Правда, что сначала было намъ плохое житье съ краснымъ. Идешь, бывало, задумавшись, своимъ пушемъ, да вдругъ и набре-

дешь на это спрашилище. Хоть какой храбрецъ, шакъ испугаешся! А еще хуже бывало дѣшямъ, да и жена моя не мало шерпѣла ошъ шрусосши.“

— „Да, теперь ошашъ наспанешъ для насъ эшо спрашное время“ — сказала со вздохомъ хозяйка. Не могу безъ ужаса вспомнишь, какъ онъ, бывало, заглядываль къ намъ въ дверь, въ своемъ красномъ плащѣ, съ дикимъ, бѣшенымъ, лицомъ.“ — „Поступай, какъ поступала дрежде;“ — сказала угольникъ: — „молишь, имѣй смиренныя мысли, и никто тебѣ ничего не сдѣлаешъ.“

Въ эшо мгновение крѣпко щелкнула у дверей задвижка; всѣ вздрогнули: маленькія дѣшя заплакали. Но угольникъ неробко подошелъ къ дверямъ, и сказалъ громкимъ голосомъ: „Убирайшь ошсюда съ Богомъ. Нѣчего тебѣ у насъ дѣлашь.“ И шущъ, какъ бы вихоръ завылъ и вскрушилъ надъ хижиной. Угольникъ, сѣвши ошашъ за шоль, продолжалъ:

„Надъ нами было шогда испышаніе Божіе. Пущь будешъ оно и впередъ. Спанемъ еще прилежиѣ молишься; будемъ еще шпроже надзирашь за собою. И шакъ мы его довели было до шого, чшо онъ скинулъ свой красный плащъ, сдѣлаалъ очень кропокъ, приходилъ по вечерамъ къ нашей молишьвѣ,

сдобравъ лицомъ и укорошился ростомъ. Казалось, будто понемногу сбрасывалъ онъ съ себя пьло, чѣмъ наконецъ исчезло оно съ лица земли, и чѣмъ душа его успокоилась до послѣдняго великаго дня. И вы, дѣши, наконецъ полюбили шихаго, домоваго; вы жалѣли, что онъ, въ своей униженности, не хотѣлъ никогда занять между нами выше послѣдняго мѣста. Ну, помолишесь опять, шерпише въ чистотѣ и умиленіи сердца. Мы сдѣлаемъ изъ него снова то, что онъ былъ вчера.“

Тутъ и жена, и дѣши, всѣ встали съ веселымъ видомъ и подали опцу семейства руки, въ знакъ охотнаго повиновенія его волю — въ знакъ того, что гошovy борются прошиву зла, въ какомъ бы видѣ оно ни появилось. Только Бершольдъ смотрѣлъ на все это другими глазами. Смутныя мысли бродили въ разсвоенной головѣ его. То считалъ онъ себя въ лихорадочномъ бреду и все диковинное грѣзами возмущеннаго воображенія; то полагалъ, что дурачатъ его; думалъ даже, что попался въ мошенническую шайку, гдѣ обманомъ подбираются къ его деньгамъ. Онъ потребовалъ свою лошадь. Старшій сынъ потѣчасъ побѣжалъ за нею, но хозяинъ сказалъ: „Не лучше ли оспашься съ нами до бѣла-дня? На разсвѣтѣ все еще въ нашемъ

льсу не спокойно.“ — Берпольдь не захотѣлъ оспашься, и могъ замѣнить тогда, что все семейство радо было сжигъ его съ рукъ поскорѣе, и что хозяйинъ уговаривалъ его только изъ одного добродушія. Берпольдь предложилъ плашу за ночлегъ, но она была отвергнуша съ такимъ негодованіемъ, что онъ не имѣлъ смѣлости повторить свое предложеніе. Конь попалъ копытами передъ крыльцомъ; къ сѣдлу привязали чемоданъ, и Берпольдь съѣлъ, провожаемый хозяевами, которые прощались съ нимъ уже совсѣмъ не такъ ласково, какъ наканунѣ встрѣчали его. Въ досадѣ и недоумѣніи поѣхалъ онъ черезъ лѣсъ, гдѣ показали ему выѣздъ.

Дорогой сталъ Берпольдь разсуждать, но никакъ не могъ убѣдить себя, чтобы справедливостъ была на сторонѣ обитателей хижины, а не мертвеца. „Да,“ говорилъ онъ въ самомъ себѣ: „если онъ не мертвецъ, то они обманщики; а если онъ въ самомъ дѣлѣ съ того свѣта, то я не вижу, почему бы не воспользовашься его сокровищами живому, для наслажденія въ жизни.“

Окресный лѣсъ, при сумеркахъ утра, величался передъ нимъ высокими своими деревьями; утренній вѣтерокъ насвистывалъ ему хвалебную пѣсню; шуманы сплалась предъ глазами его ошупелями къверху. „Всѣ

природа въ союзѣ со мною“ думалъ онъ: „какое же ослѣпленіе преградишь мнѣ желанный мой путь?“

„Въ добрый часъ!“ воскликнулъ онъ, и едва произнесъ, какъ увидѣлъ краснаго подлѣ себя. Мершвецъ шелъ и кивалъ съ одобреніемъ головою не только къ словамъ, но и къ мыслямъ его. Сперва смушился Бернгольдъ; но чѣмъ больше выскивалъ причинъ къ успокоенію себя, тѣмъ чаще и ласковѣе кивалъ красный. Наконецъ спалъ говоритъ и онъ:

„Плохое житье было мнѣ съ угольниками, поварищъ! Все пой, да молись. Я скрючился, съежился — ты самъ видѣлъ, какого изъ меня сдѣлали крошку. На тебя смотрѣлъ я сначала, какъ на чужаго и съ робостью, но скоро узналъ, что ты со мной за одно. Тупъ спалъ я росши — о! лишь бы начать, я вытянусь, пожалуй, до звѣздъ. Только ты не робѣй величаться, думай, что ты выше всѣхъ собратьевъ твоихъ — человѣковъ; что все для тебя создано въ мірѣ, что ты безъ шруда, безъ работы доспанишь все, что хочешь. Думай только — тогда, мнѣ не надобно лучше; я ондама шебъ все свои сокровища. Что угольники? Для того они снисконь глупы. — Хочешь ли, спанишь компаня?“

Радостно кивнулъ Бершольдъ, а красный показалъ недалеку возвышеніе, покрытое сосновыми шишками. За недоспашкомъ лопашы, сталъ Бершольдъ рыть землю своимъ охотничьимъ ножомъ, и съ ужасомъ замѣтилъ, что ему помогаетъ съ другой стороны красный, и что тамъ, гдѣ шкнешь онъ кулаками, земля шипитъ и поднимается синій дымокъ, тяжелый для запаха и шуманщій чувшва.

Земля шипѣла, дымокъ поднимался, капились камни, и наконецъ появились два горшка, кошорые, ошъ вліянія свѣжаго воздуха, пошчасъ обрапились въ пепель. И напрасно рылъ Бершольдъ: въ ямъ сокровищъ не было.

Тутъ красный, въ шокъ, жалобно всплеснулъ изсохшими руками, и показалъ еще на ближній холмъ.

Снова принались рыть, и снова нашли горшки, и пепель, и битые черепки. У другихъ пригорковъ была та же работа и шо же отккрытіе. Нешерпѣніе и досада возрастали въ каждомъ. Взбѣшенный мершвецъ колошилъ въ отчаяніи сухими кулаками о пни и деревья, шакъ что сыпались искры, и бранилъ Бершольда, будшо онъ вырылъ сокровища, и воровски ошъ него спряшалъ. Бершольдъ съ шрепешомъ смошрѣлъ на кро-

вавое спрашилище, которое росло все выше и выше въ своемъ бѣшенствѣ, и выпянулось наконецъ въ ровень съ верхушками дубовъ, буковъ и сосенъ. Тушь закричалъ пѣснью. Съ посклявымъ видомъ зашашался мертвецъ, рассыпался, исчезъ, и ушѣшипельный звонъ колокола послышался изъ ближней деревни. Бершольдъ робко побрелъ къ испуганному коню своему, котораго при началѣ рыпья привязалъ къ дереву; сѣлъ и выѣхалъ по-казаннымъ путемъ къ лилымъ мѣстамъ.

Годы протекли съ того времени. Бершольдъ жилъ въ чужихъ краяхъ. Онъ былъ обремененъ дѣлами; но все красный плащъ и семейство угольника не выходили изъ головы его. Замирало сердце, когда онъ думалъ о нихъ, но странное, непреодолимое чувство манило его увидѣшь опять мѣста своихъ по-хождений. Возвращаясь въ опечесство, онъ приложилъ все стараніе, отыскать тушь, котораго прежде слѣдовалъ, не смотря на опасеніе робкаго разума. И вечеръ опять былъ сумраченъ, и въ заглохшемъ лѣсу не слышно было отголоска жизни. Насупилъ уже мракъ ночи, когда Бершольдъ, прося о ночлегъ, стоялъ у дверей хижины угольника.

И также, какъ за нѣсколько лѣтъ, добрымъ, просподушнымъ лица выглянули и стѣ-

снились у двери; хозяйка вынесла свѣчу, заслоня ошъ въшра огонь; ласковый угольникъ попросилъ спранника войши въ избу, а лошадь поручилъ въ присмотръ одного изъ сыновой своихъ. Лишь шолько Берпольдъ вошель, всѣ узнали его, и нельзя сказашъ, что бы съ радостію.

Въ избѣ все было по старому: ошашъ сѣли за круглый семейный столъ; ошашъ подали грушеваго насоя, и съ ужасомъ замѣшилъ Берпольдъ, что мѣсто для мертвеца было оставлено, какъ будшо бы ошъ все еще приходилъ каждый вечеръ непременно. Но при всемъ радушіи хозяевъ, съ копорымъ и шеперь, какъ прежде, приняли они гостя, недоспавало самаго лучшаго угощенія—пріятнаго разговора и веселыхъ пѣсней. Все было тихо, на всѣхъ лицахъ написано было недоумѣніе.

Наконѣцъ чѣстный угольникъ прервалъ молчаніе, и спашъ говоритъ шакъ: „Не знаю, дорогой гостъ, что вы сдѣлали, за нѣсколько предъ симъ лѣшъ, съ нашимъ домовымъ; но довольно вышерпѣли мы послѣ шого шпраха, шоски и огорченій. Вы конечно и сегодня останешесь у насъ ночевашъ, почему желалъ бы я, чтобы вы запаслись крошосшію духа, и не шревожили ни насъ, ни нашѣго мертвеца. Думаю однако, что его уже не

удася вамъ такъ легко испоршишь, хотя бы вы ничего другаго на умъ не имѣли, кромѣ богатства и денегъ. — Но пише, дѣши! наступила часъ молишвы.“

Всѣ сложили руки крестомъ на груди, ошець семейства снялъ свой колпакъ, и началъ пѣть прекрасную пѣснь: Уже лѣса покояшся. Берпольдъ смиренно присоединилъ свой голосъ къ другимъ, въ робости поглядывая на дверь, не явился ли домовый, хоть не въ суровомъ, а въ крошкѣ своемъ видѣ. Однако нѣтъ! все было тихо, только внезапный, опмѣнный свѣтъ пробѣжалъ по горницѣ, и послышался звукъ шихій, пріятный, какъ бы ошъ легкаго прикосновенія по стекламъ гармоники.

Едва миновалъ часъ молишвы, какъ Берпольдъ спросилъ у хозяина, что значили свѣтъ и звуки. „Эшо нашъ домовой;“ — отвѣчалъ угольникъ: „иначе онъ не являешся. Но мы все придерживаемся молишвы, и стараемся сохранить въ чистотѣ сердца наши.“

Въ сердцѣ Берпольда что-то говорило ему, что онъ недостойнъ осшаваться здѣсь на ночь. Онъ пошребовалъ свою лошадь, но несравненно ласковѣе, нежели шогда, въ шу незабвенную ночь. И несравненно ласковѣе взялся спаршій сынъ хозяина пригошовишь

*

и подвесити ее. Вся просидились съ нимъ искренно, замѣчая, что не дурное чувство его гонитъ. По рассказанному и зашверженному пуши, повѣхаль онъ черезъ лѣсъ въ глухую полночь, не съ шаками уже, какъ прежде, мыслями, и ничего непріятнаго съ нимъ не случилось. Но бѣглый огонекъ являлся иногда передъ нимъ, и освѣщалаъ шравы и кусшы на горнаго лѣса неописанно прелесшнымъ блещаніемъ.

Много сказочнаго въ этой исторіи; можешь бышь, она и наспоющая сказка; но кто приметъ ее шолько за пущую, бесполезную сказку, шощь окажешь большую несправедливосшь сочинителю, самому себѣ и общему благу.

Баронъ де ла Моттъ Фуке.

2.

ЗАПИСКИ ОВЪ АНГЛІИ.

Гайдъ-паркъ. Воскресенье.

Spectatum veniunt, veniunt spectantur ut ipsae.

Ovid.

Туда идущь другихъ посмощрьшь и себя показанъ.

„Мнѣ бы хотѣлось, чтошобъ не было въ году ни одного Воскресенья,“ говорила мнѣ одна Леди, кошорой насмѣшливосшь бываешь

иногда остроумна: „Начиная съ моднаго мотылька до земайнаго червя, сколько насекомых выползаешь, съ прекрасною погодою и Воскресеньемъ, изъ улицъ и переулковъ *Сити*, сколько можешь произвести ихъ на свѣсъ жаръ и сырость среди Іюня мѣсяца. Такъ все наводнишь червюю, что право, нельзя сѣсть въ коляску безъ того, чпобъ не получишь полчковъ ошъ какихъ нибудь модныхъ шорговокъ, лавочниковъ, сидѣльцевъ, кошорые въ будни были всѣ низайшіе слуги ваши. Со всѣхъ шпоронъ шолны уродаивыхъ кавалеровъ и пѣшеходныхъ дамъ, разраженныхъ въ пухъ. Между шѣмъ нельзя же пребыть цѣлый день въ церкви или заключишь себя въ своей комнашъ, пошому шолько, что Воскресенье. Если бъ не помогала мнѣ арфа моя и немножко злорѣчія, право, не знала бы я, куда дѣваться въ эшотъ день.“

Между шѣмъ кареша стояла у подъзда. Леди Мери пригласила меня заняшь въ ней уголь и вѣхашъ прокашишься въ Гайдъ-паркъ (*);

(*) Эшотъ паркъ, шоль прославляемый, но ни въ какомъ ошношеніи не могушій сравнишься съ бѣльшою частію другихъ, принадлежащихъ Англійскому дворяншву, есть не что иное, какъ обширная площадь, взяшая Правительствомъ на ошкупъ

съ нею и молоденькою сеспкою ея, для того единственно, говорила она, чпобъ показашь друзьямь своимь, чпо она въ Лондонъ:

у семейства Гайдъ, для удовольствія публики. Напрасно сшали бы искашь шамь аллея, рощиць — нѣтъ ни малѣйшей шѣни, никакой защиты для гуляющихь опъ густыхь облаковъ пыли, поднимающейсь съ песчаной почвы. Съ одной спороны видъ ограничивается длинною шѣною, кошорою обнесень Park-lane; съ другой нѣсколькими разсѣянными деревьями, какъ бы случайно выросшими на эшой пространной степи. Когда явишься шуда въ Воскресенье, прежде всего поражаетсь взоръ длиннымъ рядомъ какихъ нибудь двухъ сошенъ экипажей, прошапнутыхь опъ Оксфордской до Пикадилльской зашавы, и шакъ близко одинъ за другимъ, чшо невозможно пѣшеходу перейши эшу линію. Экипажи сіи въ чешыре или пять минушь едва двигаются на десяшь шаговъ впередъ. Гайдъ-паркъ, для экипажнаго народа, не шолько гульбище, какъ сборище суетности.

Кому вздумается заглянуть въ рощу, или на небольшое пространство, занимаемое деревьями, шотъ найдешь шамь самую опвраишельную нечистоту, и несчастныхъ, покрытыхъ рубищами.

Лордъ Чесперфильдъ, самый пресловушій изъ всѣхъ fashionables (модниковъ), какихъ шолько произвела Англія, имѣлъ до конца жизни привычку появлянься на эшомъ модномъ гульбищѣ. За нѣсколько дней до его смерти, встрѣишлся шамь съ нимъ кшошо изъ друзей его, и удивясь, чшо видишь Графа, кошороаго здоровье было уже очень плохо, спросилъ

„Какой легіонъ Франшовъ-коншорциковъ продолжала она, когда мы въѣхали въ ворота Grosvenor: „Какъ счастливы эшошь народъ, что есть наемныя лошади и кабриолеты! Ничего нѣтъ легче, какъ эшимъ господамъ щеголять въ наняпомъ за дешевую цѣну виски съ жокеемъ, и выказывашь по Воскресеньямъ спранныю свою фигуру на гульбищѣ, гдѣ съѣзжаются люди высшаго круга. Спойшь только запустишь руку въ хозяйскій ящикъ, или набавишь въ Субботу цѣну на какой нибудь шоваръ, сбываемый шѣмъ разсѣяннѣмъ женщинамъ, которыя развѣзжаются по лавкамъ, не для покупокъ, а въ надеждѣ сыскапъ себѣ любовника. Но всего ужаснѣе то, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣють дерзость кланяться дамамъ, совсѣмъ незнающимъ ихъ, единственно для того, чтобы поважничашь, или чтобы выдашь за своихъ знакомыхъ, людей, которыя только что беруть у нихъ шовары.“

„Посмотрите,“ продолжала она: „вопъ у эшого я покупала перья! Кто не скажетъ,

---

его: „Милордъ, что вы здѣсь дѣлаете?“ — „Какъ видишь,“ отвѣчалъ онъ: „дѣлаю пробу своего погребенія.“ Лордъ Честерфильдъ не могъ лучше намѣкнуть на свою обвешалую карешу, чешырехъ лошадей, въ нее запряженныхъ и длинный рядъ экипажей, за нею слѣдовавшихъ. *Сог.*

что онъ похожъ на Генерала въ шапкахъ шпорахъ? Такъ важно прибоченился онъ на своей скопинѣ, какъ будшо какой нибудь Лордъ. А вошь и писарь моего банкира. Какъ онъ выпрямился, какъ спянущъ! скорѣ почтешь его Египетской муміей, нежели человекомъ; нанялъ себѣ какого нибудь празднаго жокея, съ кокардою на шляпѣ, и думаешь выдавашь себя за военнаго. Не могу смотрѣть безъ досады на этихъ шварей! Давно ужъ переспала я вздѣть въ Комедію по Субботамъ; кромѣ того, что предпочитаю Оперу, эти насѣкомыя Чипсайда (Cheapside) (*) обманываютъ въ этишъ день хозяевъ своихъ, запираютъ лавки въ девять часовъ, и идутъ важничать въ Ковенгарденъ или въ Друри-ленъ. И они же роятся по Воскресеньямъ въ паркъ; но наступаешь скучный Понедѣльникъ, и они возвращаются въ свои конторы; тамъ увидишь ихъ: перо за ухомъ, считаютъ свои барыши, чшобъ было изъ чего подурачишься въ Воскресенье; надобдаютъ вамъ жужжаньемъ подъ ухо, чшобъ купили вдвое прошивъ того, сколько надобно, низкопоклонно провожаютъ васъ и шоропливо подсылаютъ руку, пособишь взявъ въ карешу.“

(*) Прекрасная улица въ Сити, населенная богатѣйшими купцами.

Въ эту минушу г. Миллефлоуэрсъ, подвѣхалъ къ нашему ѡкипажу. Онь него понесло благовоиёмъ, какъ онь кустовъ шуберозы. Я почувствоваль носомъ его приближеніе, какъ моряки чувствуюшь близость оспрововъ, копорые изобилуюшь праноспями. Румяны липли на щекахъ его и увеличивали красношу ихъ. Два поддѣльные зуба пристыжали сосѣдей своихъ бѣлизною и полировкой коспи. Изъ устъ его исходилъ запахъ еиміама, копорый воскуряли язычники въ храмахъ своихъ. Онь подвѣхалъ шакъ близко, что лошадь его всунула почти всю голову въ каретныя дверцы: это мнѣ показалось невѣжливимъ и прошивнымъ умвнью жишь, однако моя дама нимало не оскорблялась. На лицъ его появилась принужденная улыбка; онь приподнялъ и поправилъ шляпу и волосы, во-первыхъ для того, что въ выказашъ бѣлизну руки своей, во-вторыхъ, что въ обратилъ вниманіе на прическу свою, копорая, какъ ни была проста, но сполна ему не менѣ двухъ часовъ ушра. Осадивъ лошадь, повѣхалъ онь шагомъ, что въ сонушствовашъ нашему ѡкипажу, находившемуся въ ряду; съ бичемъ подъ мышкой и почти всунувъ голову въ карету, устремилъ онь на Леди Мери взоръ, копорый показался мнѣ дерзкимъ.

„Какая прекрасная лошадь!“ вскричала Леди Мери. — „Да,“ сказала Миллефлуэрсъ: „она одной изъ лучшихъ породъ, и славно скачешъ.“

Я нимало въ шомъ не сомнѣвался: судя по шому, какъ часно совала она голову въ карешу, легко было подумашъ, что она хочешъ въ нее скокнушъ, и, признаюшъ, я желалъ бы видѣшъ ее подальше. Но Леди Мери сняла перчашку и спала гладшъ голову и шею гордаго коня: прекрасная ручка ея, высунушая изъ карешы, привлекала на нее взоры всѣхъ проходящихъ.

И франшъ поглаживалъ шакже коня шелковыми надушенымъ плашкомъ; пошомъ вынулъ другой башишовый, опиралъ себѣ лице и дѣлалъ шысячу кривляній, кошорыя приличнѣе были бы какой нибудь кокешкѣ, нежели гвардейскому Лейшенанпу. Между нѣмъ онъ не перешавалъ говоршъ, но разговоръ его верпѣлся шолько на шомъ, что за лошадъ заплачено 700 гиней; что лошадъ его жокея выиграла закладъ на одномъ бѣгу; что самъ онъ славный ѣздокъ; что онъ въ шшомъ годъ былъ *чертовски* счастливъ въ закладахъ; что, наконецъ, бывъ приглашенъ въ шшомъ день на шри обѣда, онъ не знаешъ, кого предпочешъ, но если на кошоромъ нибудъ изъ шшихъ домовъ будешъ Леди Мери,

то ему не останешся никакого затрудненія въ выборѣ.

Въ эту минушу одинъ изъ знашныхъ любезниковъ, проѣзжая мимо въ коляскѣ чешверней, кошороу правилъ самъ, закричалъ ему, исковерканнымъ голосомъ: „Эй, Карль! я цѣлый вѣкъ не видался съ вами. Скажише, гдѣ вы пряпались?“

— „Я былъ плѣнникомъ Его Величества въ Лондонской башнѣ“ ошвѣчалъ Миллефдоуврсь, подразумѣвая, что былъ въ караулѣ. Попомъ, обращаясь къ Леди Мери, сказалъ ей въ полголоса: „его только что выпустили изъ шюрмы, на зло мошенникамъ заимодавцамъ, кошорые шуда его засадили; вы видише его въ славномъ экипажѣ съ чудесными лошадьми, но за всѣмъ тѣмъ онъ ясно доказалъ свою несостоятельность. Въ бесѣдѣ онъ чрезвычайно милъ, исполненъ огня и веселости; съ бичемъ въ рукѣ, не уступитъ кому бы то ни было въ Англии, и не повѣрише, какъ я счастливъ, что могу сказать: у него естъ до двѣнадцати опланивѣвшихъ лошадей, какихъ только можно опыскашь — разумѣеся, онъ держитъ ихъ подъ моиъ именемъ.“

Онъ выронилъ фиалку, кошороу держалъ въ губахъ, на прощанье сдѣлалъ ручкой Леди Мери, и въ двѣ секунды пропалъ у насъ изъ виду.

„Прекрасный молодой человекъ!“ сказала она.

Я не хотѣлъ прошиворѣчь, и предложилъ ей баночку eau de Cologne, чтобы заглушить запахъ, который могъ оставаться на ея прелестныхъ пальчикахъ, ласкавшихъ семисопливейную лошадь. „Увы!“ думалъ я про себя: „чтожь молодой вершопрахъ успѣлъ сдѣлать нѣжное впечатлѣніе. Леди Мери богата. Не досадно ли, что она ослѣпляется такимъ въпренякомъ, сославленнымъ изъ жеманства и припираній, который, промывавъ на глупости все имѣніе свое, не пощадишь конечно и женина? Но Милле-флуверъ человекъ самый модный, а того только и надобно для легкомыслія молодой подруги моей.“

Высмащивая, не увидишь ли его опять, она замѣтила нѣсколько женщинъ, одѣтыхъ въ Парижскіе костюмы, самые модные и самые лучшіе. „Взгляните,“ сказала она мнѣ: „вошь все, что только можно сдѣлать изъ шелку, перьевъ, цвѣшовъ и кружевъ, но по крикливости этихъ женщинъ въ прошломъ разговоръ, по тому, что за ними нѣтъ слуги, по соломинкѣ, прилипшей къ плащю одной изъ нихъ, пошчасъ узнаешь, что онъ изъ Fleet - street, или изъ Ludgate - Hill (*), —

(*) Тоже улицы въ Сити.

пріѣхали въ фіякръ, чѣмъ играть здѣсь ролю знашныхъ барынь. А вѣпотъ хвашь, который соупштвуешь имъ? Не замѣшно ли, что онъ въ первый разъ надѣлъ такое хорошее плашье, и что блестящіе сапоги его никогда не касались боковъ лошади?“

Тутъ поравнялась съ нами коляска Мишрись Перкинсонъ.

„Милая Леди Мери!“ закричала она: „я задыхаюсь отъ пыли, и спрахъ какъ успала смошрѣть на вѣпотъ просщолюдный сбродъ. Мнѣ кажется весь Лондонъ переселился сюда, начиная съ Палашы Перовъ до послѣдняго лавочника въ Сити. Но мнѣ надо много пересказашь вамъ новаго. Заимодавцы бѣдной Леди А* недавно ее арестовали. Лордъ Б* выигралъ свою шажбу съ женою, и объявилъ о разводѣ съ нею; сомнѣвающся даже въ законности дѣшей. С* осужденъ на 10.000 пенн съ процентами, и уѣхалъ во Францію. Представитель нашего городка въ Парламентѣ совершенно разорился. Молодой Д* былъ вызванъ на дуэль; но у него доспало ума не шоропитсья къ мѣсту свиданія, а послалъ шуда напередъ полицейскаго.“

Такимъ образомъ продолжала она шерзашь добрую славу всѣхъ знакомыхъ своихъ, и я замѣшалъ, что слуги, стоявшіе за обѣими карешами, прислушивались съ особеннымъ

вниманіемъ къ такому разговору. Когда говорунья опъѣхала, я сказала Леди Мери, что, по моему мнѣнію, господамъ не должно было бы шолковать шакъ свободно передъ слугами, изъ уваженія къ самимъ себѣ и къ обществу. Она съ видомъ безпечности покачала головою. „Наши слуги!“ вскричала она: „неужели думаете вы, что ихъ уму поспигнуешь шо, о чемъ говоримъ мы?“ Я не былъ убѣжденъ такимъ возраженіемъ, и въ послѣдствіи часшо имѣлъ случай удостовериться въ своемъ заключеніи.

Миллефлюурсъ въ впу минушу подъяхалъ къ намъ опашь. Онъ предложилъ Леди Мери билетш въ концершъ, а на меня посмощрѣлъ съ такимъ видомъ, какъ будшо бы желая сказать: „какой ты счастливый смершншй!“ Тупшъ взглянулсь они между собою, а попомъ онъ сказалъ съ пришворнымъ равнодушіемъ: „шеперь шолько всшрѣшилъ я Сира Панемаръ, Набоба; онъ клянешся, что никогда не видалъ и невозможно видѣшь прелесншѣ женщины, какъ Испанка; кошорая прогуливаетшя шеперь въ Кензингшонскомъ саду (мы были шогда предъ самымъ шуда входомъ). Злоязычники говорятшъ, что вшо одна изъ покровишельшвуемыхъ какимъ-шо Перомъ, другіе ушверждающъ, что жена богашаго брилліаншщика. Дѣло шолько въ шомъ,

что всё сбѣгаюся посмотришь на нее, и кажешься, стоишь шруда.“

Онъ задѣлъ меня за слабую спруну; признаюсь, я большой любитель всего прекраснаго. И прелестная женщина, какъ хорошая картина, привлекаешь взоры мои; но любя услаждаешь ихъ, я не проспираю далѣе своихъ желаній. Между шѣмъ подозрѣвалъ я шущь, что это была полько искусная уловка, приличнымъ образомъ ошь меня ошдѣлашься; впрочемъ, если и шо, я не люблю бытъ навязчивымъ. И шакъ я попросилъ позволенія выйши изъ карешы, чшобъ сходишь на минушу въ садъ. Леди Мери охотно согласилась на шо, но сама не изъявила желанія прогуляшься, а сказала мнѣ, что будешь меня ждашь, пока я досыща наглажусь на прелестную незнакомку. Счастливымъ Миллефдоуврсь предложилъ шогда занять мѣсто до моего возвращенія, и шакимъ образомъ все усприлось по желанію всѣхъ и каждого. Я вышель изъ карешы; молодой франшь, садясь въ нее, разорвалъ шпорами плашье Леди Мери, но шшимъ не расприоль ни мало ея веселаго расположенія духа. Тушь я посовѣшовалъ ей огораживашь себя впередъ рогашками въ зацишу ошь нашиска кавалеріи; и удоспрился за шо прияшной улыбки, съ послѣшнымъ восклицаніемъ: „до свиданія!“

Напрасно обѣгалъ я всѣ главнѣйшія аллеи сада ; ни гдѣ не повспрѣчалась мнѣ la bella Senoga, и хотя послѣ Миллефлоуэрсъ дѣлалъ шоржеспвенныя увѣренія, будто Набобъ точно ее тамъ видѣлъ, но я ни мало не сомнѣвался, что это была его выдумка. Нѣсколько времени просидѣлъ я на низкомъ заборѣ, который отдѣляетъ садъ отъ парка, и подслушивалъ разговоры лакеевъ, кошорые во множествѣ шуть собираются.

„Какъ тебѣ нравишься въ этой ливреѣ, Жерри?“ спросилъ одинъ изъ слугъ у своего поварища : бѣюсь объ закладъ, что ты не проходишь въ ней долго. Когда-то и я былъ въ услугахъ швоей старушки, и очень знаю, какова она : не дашь съѣсть куска хлѣба ; шо и дѣло въ работѣ, ни минушы покою ; каршочныя деньги собираешь сама, вся провизія за замкомъ, и бережешься лучше, нежели на военномъ кораблѣ ; каждый вечеръ записываешь она расходъ въ прокляшой своей книгѣ. Голову свою прозакладую, если удастся тебѣ у нее зашибить гинею сверхъ швоего жалованья. Старикъ мужъ ея, правда что добрый человекъ : глухъ и пьянъ, и никогда не сердится.“ Другой изъ числа этого жалкаго народа заговорилъ на счетъ своего поварища и одной очень почтенной дамы шакія мерзости, что у меня поднялась

уже палка, чтобъ опхвѣсишь ему порядочный ударъ въ спину, но я ушелъ, не желая подпасть искушенію и слушать долѣе подобный вздоръ.

Я возвратился къ каретѣ Леди Мери, и Миллефлоуэрсъ усступилъ мнѣ опять мое мѣсто. Когда онъ разспался съ нами, я спалъ шумишь на счетъ напрасной прогулки, копорую сдѣлалъ по его милосши. Но ни шушки мои, ни прорѣха на плашь, ни безнравственностъ этого молодаго въшпрогона, ни мало на нее не дѣйспвовали. Все вшо казалось ей, какъ бы непременно долженствующимъ шакъ бышь въ большомъ свѣтѣ. И при всемъ шомъ она благородна, разсудительна, добродѣтельна, но вша любезная женщина *на ходу*, какъ бы сказала Леди Перкинсонъ, и я опъ души о ней жалю.

Было уже пяшь часовъ, и въ паркѣ набрались люди прешьяго разбора, копорые, казалось, пришли изъ за обѣда, пошому чшо ихъ щеки украшались шѣмъ живымъ румянцемъ, какой выгоняешся наружу виномъ, пуншемъ и другими крѣпкими напитки. Между вшими новыми группами было много дѣшей въ маленькихъ шелѣжкахъ, везомыхъ собаками или ихъ паеньками; другихъ мащери несли на рукахъ; замѣшны были шак-

же полешые, коренасные мужья; нерѣдко и какая нибудь дородная, необъемная бабища, ведомая подь руку маленькимъ супругомъ, съ видомъ покорности и послушанія, какъ бы съ вывѣскою домашней подчиненности.

Какъ скоро начинаешь появляться въшопъ классъ людей, всѣ модныя мошылки разлетаются въ мигъ. Это минуша для шуалешныхъ работъ и удовольствій. Я оставилъ свою прелестную подругу предаваться на свободу въшимъ занятіямъ, въ которыхъ конечно найдешь она больше развлеченія, нежели сколько я могъ ей доставить.

Съ Франц.

II.

С Л О В Е С Н О С Т Ь:

Письмо къ другу о Наукахъ и Словесности.

Со времени твоего отъѣзда, милый другъ мой, какая-то грусть заняла мое сердце, какой-то недоспашокъ открылся въ душѣ моей. Твое отсутствіе лишило ее сей полноты удовольствій и оставило въ сердцѣ уныніе — савдствіе сего недоспашка. —

Въ кругу знакомыхъ недоспаешь себя, другъ мой; въ шумъ забавъ сердце ищетъ чего-то. Самыя Музы, добрыя подружки наши, кажущаяся мнѣ безъ тебя унылыми. Сокрылись тѣ пламенные восторги, кошорые переливали мы другъ другу при ученіи и чтеніи; прешлы шопъ жаръ, кошорый воспламенялъ души наши, еще слабыя, но способныя къ сильнымъ чувшпованіямъ — къ небеснымъ удовольшвіямъ.

О! другъ мой! нѣшь! Науки не сущъ *хладное средство одной только пользы!* Въ нихъ сокрытъ небесный пламень, кошорый пишаешь души не земными, быспро прешекающими удовольшвіями, но небесными, неизьяснимыми, непоняшными для душъ грубыхъ, ищущихъ удовлетшворенія въ чувшвенныхъ наслажденіяхъ. Пущъ хладный счешчикъ избираешь преимущественно шу или другую Науку предметомъ своихъ заняшій соошвшшвенно видамъ корышлюбія или чешшлюбія; пущъ съ надменноштію называешь онъ всѣ прочія пущыми забавами слабыхъ душъ, непонимающихъ, по его разумѣнію, истинной пользы. Удалимъ ошъ себя шаковое мнѣніе, лишакющее душу небесныхъ удовольшвій, а сердце благороднѣйшихъ чувшпованій. Корышное прешпрашше всегда было источникомъ самыхъ сугу-

быхъ заблужденій. Начиная опъ высокой Науки Нравспвенности до сухихъ выкладокъ Машемашики — сей рядъ Наукъ имѣешь общее всѣмъ достоинство. Сіе достоинство пребудешь неколебимо опъ силы предразсудковъ и заблужденій. Подобно вѣчному свѣшпиу міра, оно не померкнешъ за мрачными шучами, не исчезнешъ на западъ своемъ. Пусть Руссо спремительно нападаешь на нихъ; пусть ушонченный въ софизмахъ умъ представляешь цѣлые томы для убѣжденія, что Науки вредны; пусть грубые варвары, въ дикомъ звѣрствѣ своемъ, изгоняшъ ихъ изъ мирныхъ обществъ въ мрачныя ущелія; пусть новый Омаръ и новый Амру въ неистовомъ бѣшенствѣ, подобномъ губишельнымъ пожарамъ ихъ, сокроюшъ ихъ подъ спрашными кучами пепла: но, изъ самага пепла родяшся онѣ, какъ новые фениксы, и быстро съ смершными полешяшъ въ страну безсмертія; какъ величественный Нилъ изыдупгъ они съ новымъ шоржествомъ изъ шѣсныхъ предѣловъ и напояшъ поля благошворною влагою, истинную жизнь и счастье въ себѣ заключающею, и сей пламень вашъ еще болѣе озаришъ славу ихъ и вашу малость, неистовые!

Непреодолимое пристрастіе ученыхъ къ Наукамъ, увѣрешъ насъ о внутреннемъ ихъ

достоинствъ; а сіе приспращіе, прѣспер-
 нѣе даже до предпочтенія любимой Науки
 прочимъ, доказываетъ, что сіе внутреннее
 достоинство заключаешь въ себѣ высокое
 качество, превышающее всѣ удовольствія
 чувственныхыя. Посмотри на спрашнаго Ан-
 тикварія, вышающаго пылію архивовъ,
 почищающаго драгоценными объѣдки мышей,
 приходящаго въ восхищеніе ошъ одной чер-
 ной съдой древности, или низвергающагося
 въ мрачныя пещеры и подземелья, или буж-
 дающаго между развалинами, покрытыми
 мхомъ и ржавчиною, ошврапщельными для
 нѣжныхъ глазъ, но прелесными для любо-
 пытнаго взора его, или сидящаго въ фило-
 софской задумчивости на египетскихъ насы-
 пяхъ, незамѣчаемыхъ бѣлыми взоромъ путеше-
 ственника; взгляни на неушомимаго не-
 пышавшаго природы, палмаго огненнымъ
 солнцемъ Африки, скипающагося въ раска-
 ленныхъ пустыняхъ ея, добровольно подвер-
 гающагося всѣмъ непріятностямъ немогодъ,
 помимаго нуждою, голодомъ и жаждою, или
 ледяющаго при непроходимыхъ льдахъ сѣ-
 вера, и вѣдыхающаго о невозможности про-
 никнуть къ нѣчкѣ полюса — и ты признаешь
 достоинство Науки, и ты почувствуешь
 прелестъ оныхъ.

Сія прелесть, сіе достоїнство *Наукъ* заключається въ удовлешворені гармоні души нашей. Такъ, другъ мой! Великій Творецъ, образовавши нашу душу, въ семь самоъ образовані заключилъ *блаженство*. Всякое удовлешворені сей гармоні души есть уже наслажденіе. Самыя чувствєнныя удовольствія, доставляемыя намъ *Изящными Искусствами* (*), получають бытіе свое ошь удовлешворенія сей гармоні, хопя бѣдному, ограниченному уму нашему еще неизвѣстны почно связь и соотношенія между душою и чувствєнностію. Науки же имѣють шо преимущєство предъ предметами чувствєнныхъ наслажденій, что онѣ непосредствєнно удовлешворяють сей гармоні души, а пошому наслажденія, ими доставляемыя, суть чистѣйшія, благороднѣйшія, невричасныя ни какому злу въ своемъ началѣ, наслажденія — не мгновенно исчезающія, но вѣчно питающія душу и сердце ученаго.

Сія-шо прелесть — сіе-шо небесное удовольствие заключено во всякой *Наукѣ*, или лучше скажашь, во всѣхъ предметахъ природы, изслѣдываніемъ коихъ занимаєшься умъ человеческій. Пифагоръ ощутилъ оное въ

(*). Какъ шо: Музыкаю, Живописью, Ваяніемъ, Архитектурую и проч.

ударахъ кузнечнаго молота. Глубокомысленный Философъ Лейбницъ занимался сочиненіемъ музыки. Пылкій въ чувствахъ, красноръчивый Руссо также привязался къ Бошаникъ, какъ преданъ былъ Словесности и Философіи, и наконецъ съ такою же спрасцію привязался къ списыванію нотъ, сухой машеріи для невѣжды. Сія-то благородная спрассть къ Наукамъ свергла Эмпедокла въ горящую бездну Эпны, задушила Пдинія изверженными изъ Везувія сирадомъ и пепломъ, предала смерти испышашелей природы на вершинахъ и въ пропастяхъ Альповъ, среди ордъ дикихъ народовъ и въ глухихъ горящихъ степяхъ Африки. Съ другой стороны Науки, раскрывая предъ нами безконечно великую, безконечно разнообразную, безконечно дивную природу, опшверзая неисчислимыми ея сокровища, опшкрывая великія ея шашнства, доставляющъ намъ удовольствія, кошоприя производящъ въ умъ шрепешное удивленіе, а сердце исполняющъ благоговѣніа къ Великому Зиждителю вселенныа. Такъ, другъ мой! Ежели и просшой взглядъ на природу раждаешъ въ каждомъ восхишительныа чувствва: шо глубочайшее изслѣдованіе оной увлекаешъ насъ внѣ нашей сшеры — въ предѣлы неба! И можно ли бышь равнодушнымъ при изслѣдываніи природы, гдѣ умъ нашъ на

каждомъ шагѣ поражаемся тысячею чудесъ разнообразныхъ, и чѣмъ болѣе углубляемся въ изслѣдованіе оныхъ, тѣмъ болѣе и болѣе раскрываемся предъ нимъ картина возмужъ, дивныхъ, неисчлѣпимыхъ чудесъ Всемогущаго, возвышающаго душу и сердце его. Вотъ почему пылалъ земанъ, понираемая ногами нашими; равно какъ и вѣчно пылающее, вѣчно благодѣющее вселенной, великое свѣтило міра, могущее дать душѣ высокія чувства. Живописныя, небѣдомыя, рисунки и микроды также могли возвысить души Бюффона и Беннетта, какъ величественное небо Шеллея. И какой ученый, въ минуты своихъ занятій, не чувствовалъ восторга Архимеда и благоговѣнія Невтона? И какой истинно ученый, въ блаженныхъ минуты своихъ занятій, не восклицалъ въвѣра въ безсмертія Платона Сэвера:

Незвѣстный, Неоспичный!

Я знаю, что души моея

Воображеніе бессильно

И пѣни начершаешь Твоей!

Но если славословишь должно,

То слабымъ смершнымъ невозможно

Ничѣмъ иныиъ Тебя почишь,

Какъ имъ въ Тебѣ лишь возвышаться,

Въ безмѣрной разности перахъ

И благодарны слезы лишь.

Вопь что, милай другъ мой, питаешь душу и сердце ученаго. Вопь въ чемъ заключается источникъ его наслажденій! Вопь причина пламенной его любви и благородной страсти къ Наукамъ. И вопь въ чемъ состоитъ истинное ихъ достоинство. Оно заключается въ каждой Наукѣ, хотя бы для глазъ невѣжды она казалась самою пустою. Вопь почему чувствуешь онъ равный восторгъ въ прелестныхъ Словесностяхъ, какъ и въ сухихъ, кепоящихся для невѣждъ формулахъ Математики.

И такъ надобно признаться, что всѣ Науки имѣютъ равное достоинство, и что по внутреннему ихъ достоинству, ни одной изъ нихъ нельзя справедливо ожидать преимуществъ предъ другою. Только нравственные Науки, основанныя на истинномъ откровеніи, имѣютъ неоспоримое преимущество предъ всеми прочими. Но сіе преимущество заключается въ томъ же самомъ внутреннемъ достоинствѣ. Ибо нравственные Науки, основанныя на истинахъ Разума, яснѣе представляютъ намъ то, что сколько можно и обичиво поражаетъ насъ при изученіи прочихъ Наукъ; онѣ яснѣе раскрываютъ предъ нами природу; ярче называютъ намъ собственное бытіе наше, а потому, лучше всѣхъ другихъ Наукъ, зна-

комаясь насъ съ нами самими, прѣмѣ показывающъ намъ наше отношеніе къ природѣ и къ общему съ нею Творцу нашему, и такимъ образомъ объясняющъ для ума нашего то, часто шемное и смѣшанное, но вмѣстѣ сладостное чувство, кошорымъ исполняешся душа наша при изученіи другихъ Наукъ..

Такъ, другъ мой! Редигія естѣ испинный свѣсъ, кошорый долженъ освѣщашъ всѣ пути наши въ Наукахъ, дабы показашъ намъ истинную цѣль нашихъ изысканій. Иначе умъ заперяешся въ лабиринтъ ученія. Иначе каждый шагъ нашъ будетъ шагомъ къ заблужденію. Ибо бѣдный умъ нашъ, со всѣми своими усиліями, со всѣми опкрытіями своихъ предшешвенниковъ и современниковъ, на каждомъ шагу встрѣчаешъ шисячу заблужденій, и чѣмъ болѣе спремился опкрытъ для себя въ природѣ истину, чѣмъ болѣе углубляешся онъ въ шайншва ея, шѣмъ болѣе запусываешся въ сомнѣніяхъ, и награждаешся шолько новыми заблужденіями; ибо сколько сія природа безконечна, сполько же и разнообразна. Ошъ перваго на нее взгляда философскаго до насшоящихъ времешъ, ошъ Гермеса до нашихъ насшавниковъ, сколько было Философовъ, сколько было мудрецовъ! И всѣ они гении, всѣ они блиспашельные умы шолько опровергали своихъ предше-

спвенниковъ и современниковъ, и наконецъ сами были опровергнуты. Таковъ удѣлъ разума, оставленнаго самому себѣ! Такъ ежеминутно сражаешь онъ самъ съ собою, и заблуждшій въ эпоху необъятнаго лабиринта, въ эпоху вѣчномъ для него хаосѣ, нерѣдко низвергается въ ужасную пропасть, и влечетъ за собою своихъ послѣдователей, или ушомленный тщетнымъ бореніемъ, онъ обращается наконецъ къ небу, взываетъ о помощи и видишь тамъ себя, Святая утѣшительница — Божественная Религія! видишь простершыя къ себѣ крошкія обѣщанія твои; слышишь твой дружескій гласъ, зовущій его къ предмету, достойнѣйшему пламенныхъ его желаній и спасительнѣйшему для души его! Здѣсь наконецъ обрѣщаешь онъ истину во всемъ ея величій, познаешь суешу своихъ исканій, успокоиваешь въ своихъ желаніяхъ и жалѣешь о прежнемъ своемъ безуміи!

Но кромѣ внутренняго достоинства, Науки имѣютъ еще и *внѣшнее*, т. е., пользу, кою оную они доставили и доставляютъ роду человѣческому. По всему внѣшнему ихъ достоинству, безъ сомнѣнія, они предъ другими имѣютъ преимущество. Но такая оцѣнка достоинства Наукъ не есть истинная цѣна оныхъ; ибо польза имѣешь

различныя отношенія. Что въ одномъ отношеніи кажутся совсѣмъ незначительными, то въ другомъ имѣють великую важность. Въ семъ случаѣ вся цѣна Наукъ должна зависѣть отъ времени, мѣста и обстоятельствъ. Но таковая, говорю, цѣна не есть цѣна истинная такого сокровища, котораго достоинство не зависѣтъ отъ случаевъ и обстоятельствъ, но заключается въ себѣ самомъ свою цѣну, не смотря ни на какія отношенія.

Кромѣ того, оно значило бы желаніе унижить одно изъ благороднѣйшихъ твореній Создателя, которому самою природою вложена благородная любовь къ Наукамъ, съ самаго младенческаго его раскрывающаяся въ непресытанномъ стремленіи *любопытностию* его, безъ всякихъ видовъ желающаго познать окружающіе его предметы; оно значило бы, говорю, желаніе унижить одно изъ благороднѣйшихъ твореній Создателя, заставляя его въ лучшихъ, благороднѣйшихъ занятіяхъ искать одной только пользы или одного только удовольствія своихъ видовъ или своихъ побужденій.

Съ другой стороны, если судить о достоинствѣ Наукъ по одной только пользѣ, или доставляемой, то, можетъ быть, цѣлая половина Наукъ не заслужить священнаго

имени оныхъ. Самыя ближайшія къ нашимъ потребностямъ Науки — Физика, Химія, Естественная Исторія и пр. едва ли и половину своихъ сокровищъ предлагающъ къ услугамъ человѣка.

Наконецъ, ежели судишь о достоинствѣ Наукъ по одной только пользѣ, ими доставаемой, въ то же время надобно спросишься и того зла, которое они произвели и производящъ въ міръ. Подумай, другъ мой — прелесть Словесности сдѣлана орудіемъ развращенія сердецъ и обольщенія умовъ, уповченный вкусъ генія Художника оскверняется гнусными, немисловыми изображеніями разврата, онкрытія Химіи и Физики усшремлены къ ужаснѣйшему обману легковѣрія, къ пагубѣ невинности, и наконецъ упошреблены орудіями смерти. Ахъ! въ вѣкъ варварства не сколько видѣли мы превращенныхъ въ пепель богатыхъ городовъ и бѣдныхъ хижинъ; въ вѣкъ варварства не сколько видѣли мы рѣкъ крови человѣческой и невинныхъ жертвъ люшой войны, какъ во времена наши, во времена просвѣщенія, когда умъ человѣческой справедливо гордишся, съ другой стороны, своимъ просвѣщеніемъ. И чувствительный филантропъ, съ расшерзаннымъ сердцемъ взирая на люшья бѣдствія человечества во времена про-

свѣщенія, съ горькими на глазахъ слезами восклицаешь: „вѣкъ просвѣщенія ешь вмѣстѣ и вѣкъ варварства! Ты правъ чувствительный, благородный Руссо! Такъ! ты правъ, Руссо, возшая прошивъ злоупотребленія Наукъ, но не правъ, опровергая совсѣмъ ихъ достоинство! Да и справедливо ли обвиняешь Науки поному, что человекъ употребляетъ ихъ орудіемъ пагубныхъ своихъ предпріяній? Ножъ въ рукахъ мирнаго гражданина, ешь благодѣтельное орудіе для жизни; но въ рукахъ убійцы онъ становится орудіемъ смерти. О! чего человекъ не употребляетъ во зло!

Но за всѣмъ шѣмъ добро, доставленное Науками роду человѣческому несравненно превосходитъ зло, которое производяшь онъ въ міръ. Не будемъ исчислять его. Оно неисчислимо. Обращимся только на одно важнѣйшее ихъ слѣдствіе. Посмотримъ только на усовершенствованіе нравственности. О, милый другъ, сравни времена варварства и времена просвѣщенія! Какимъ въ сихъ двухъ эпохахъ является человечество! Въ первой изъ нихъ оно унижено, погрязло бездушными кумирами, погрязло въ шнѣ мрачнѣйшаго суевѣрія и грубѣйшихъ заблужденій, а въ другой, въ вѣнцѣ безсмертія возносятся къ небу, съ шоржесствомъ стремятся къ Источ-

нику своему — Богу. Посмотри, другъ мой, какъ въ первой изъ сихъ эпохъ, оно пренецешъ предъ нечлвпнымъ гуломъ бездушныхъ кумировъ, а въ другой превращаетъ ихъ въ прахъ и пепель, починая недостойнымъ швореніемъ рукъ своихъ. Посмотри, какъ во времена варварства, спонетъ чловчешво, какъ льетса рѣками кровь за одно прошивное мнѣніе; подумай, наконецъ, о томъ, что въ сіи времена невѣжествѣ покушалось на самую Божественную Религію лишишь ее достоинства. . . . Но оставь сіи мрачныя мысли; обрати на времена просвѣщенія — на времена наши, когда благодѣтельные Науки, очистиши разумъ отъ всѣхъ нечлвпныхъ заблужденій, отъ всѣхъ мрачныхъ мнѣній, связуешь чистѣйшими узами чловка съ подобнымъ ему, чловка съ чловчешвомъ, патриота съ народами, державныхъ владыкъ земли съ владыками чуждыми, Царей съ народами, народъ съ Царями.

Наконецъ признашьса должно, что Науки пригосовили многихъ къ принатию Божественной Религіи! Уже геній ума чловческаго въ Греціи и Римѣ началъ быстро освобождаться изъ мрака невѣжества, изъ подъ ига суеврїа. Уже Философы признавали Боговъ своихъ нечлвпными, гнусными произведеніями блуждающаго воображенія; уже

бессмертiе души, единство Бога утѣшало мудрыхъ; уже Сократы признавали, что всѣ знанiя человѣческiя суть невѣжество; уже Платоны, чувствуя всю важность сей истины, молили небо, да умилосердится надъ несчастнымъ родомъ человѣческимъ, и да ниспослаетъ на землю Насправника — и Онъ явился, и проведена черта, отдѣляющая человѣчество великое отъ человѣчества въ настоящемъ его существѣ.

Но еще листъ Истори — и человечество съ блистательнаго своего величiя снова низвержено въ шину варварства, и Религiя, ея Божественная исправница истины, содѣлалась орудиемъ спрасней человѣческихъ. Только во мракѣ невѣчества можно было, подъ предлогомъ защиты Вѣры, ненаказанно производить всякiя несправства, унижающiя природу человѣческую; только во мракѣ невѣчества, разумное существо можетъ се почитать величiемъ Неба. Не должно ли человечество благодарить Святой Промыслъ за то, что Онъ не допустилъ невѣчеству и варварству исказить Божественную Исправницу; не допустилъ истинѣ ея смѣшаться съ нелѣпостями, въспрѣчающимися въ Религiяхъ не-Христіанскихъ. Но вотъ Исторiя представляетъ намъ еще плачевнѣйшее зрѣлище . . . . . Увы! почти самый умъ человѣ-

скій, кошорый одна Религія могла очистишь ошь всѣхъ ужаснѣйшихъ заблужденій, недоспойныхъ разумной природы, пошь самый умъ человѣческой, кошорый она облагороживаешь и возвышаешь, возспаешь прошивъ своей благодѣшельницы! Спыдь и поношеніе, гнуснѣйшія самага грубаго невѣжества, самаго дикаго варварства! Здѣсь начинаешся брань прошивъ Религіи не грубыхъ заблужденій, не несчастныхъ предразсудковъ невѣжества: но люшая брань умовъ, просвѣщенныхъ Науками и Философією, цобуждаемыхъ единственно сашанинскою гордосшію, шщеславіемъ и зависшію. Но чѣмъ жесточе брань, тѣмъ славнѣе побѣда! Въ сей великой брани прошивъ Религіи испощено все шо, что могло шолько бышь упошреблено къ ея низверженію; ничего болѣе не оспалось, ничего болѣе и вымышлено бышь не можешь; ибо упошреблено наконецъ орудіемъ шо, что должеспивовало бы болѣе ушверждашь ея величіе — упошреблены орудіемъ самыя Науки, кошорыя, просвѣщая умъ человѣческой, еще болѣе должны привязывашь его къ Религіи. И сія побѣда одержана испиннымъ просвѣщеніемъ подъ хоругвию Вѣры. Здѣсь наконецъ обнаружена вся бѣдность ума человѣческаго предъ Слышою Религією; симъ наконецъ доказано, что бѣдный умъ человѣческой долженъ благоговѣшь

и унижашься предъ ея величіемъ, и со всѣмъ ешрменіемъ предавашься въ павнъ ея, а не держашь буйешвенно повѣрдінь ея съ несчастными своими слабоспими и заблужденіями.

Какое доказательство истинны! Какое торжество для Религіи! Какое зръище для міра! Какой урокъ для смертныхъ! видѣшь того, котораго общество заблуждашихъ оспроумцевъ чаяло имѣть камнемъ краеугольнымъ, въ крѣпости основанія, *мнимаго храма разума*, столпомъ, утверждающимъ сіе нечесшное зданіе, бисеромъ, могущимъ пошемпить блескъ злата и каменій многоцѣнныхъ, видѣшь, говорю, того Философа, того Пюшпа, того знаменишаго Вишю Франціи — того славнаго Лагарпа, который своими дарованіями, умомъ и ученоспію не уступалъ никому изъ мужей знаменишѣйшихъ, которому и самая зависть принуждена: была отдавать справедливое преимущество, и которой за честь поспавлялъ бышь непримиримымъ врагомъ Христіанства, видѣшь добровольно повергшагося къ подножію Креста, рыдающаго предъ величіемъ Религіи, проникнушаго до глубины души и сердца ея истинною, простошою и свяшоспію! Какой урокъ для смертныхъ!

Такъ, другъ мой! чѣмъ основательнѣе (*) человекъ проникаетъ въ сущность Религіи, тѣмъ болѣе увѣряется онъ, что не Религія противорѣчитъ разуму, какъ говорящъ безумные остроумцы, но развращенный разумъ и испорченное сердце противорѣчатъ истинѣ ея, почитая собственную превратность за мнимую несообразность Религіи съ природою человѣчскою (**). Какъ равншельно видѣть шоржество Религіи надъ усиліями бѣднаго ума человѣческаго, спремащагося опровергнушь ее! Послушаемъ на минушу жалкаго Софиста (***) , кошорый, усиливаясь прошивъ свяшой Религіи, не могъ наконецъ не сознашьяся, что „величіе Свяшаго Писанія изумляетъ его. Свяшость Евангелія , говоривъ онъ, вопіешъ моему сердцу; разсмопри книги Философовъ, со всею ихъ надменностію, какъ они малы въ сравненіи съ сею. Возможно ли, чшобы книга, споль высокая, и вмѣстѣ споль просшая, была произведеніемъ человека? Возможно ли, чшобы

(*) Въ возраженія прошивъ Религіи обращены шолько на одну какую либо сторону предмета.

(**) „Поверхностное ученіе производитъ апенсповъ,“ говоривъ Баконъ Веруламскій: „но глубочайшее изслѣдываніе непременно приводитъ къ Религіи.“

(***) Confes. de Rousseau.

Тотъ, Коего она описываетъ Исторію, былъ только человекъ? Гласъ Его есть ли гласъ энтузіаста или высокоумнаго основателя секты? Какая крошечность, какая непорочность въ его нравахъ! Какая разительная пріятность въ его поученіяхъ, какая выскочность въ его правилахъ! Какая глубокая премудрость въ его бесѣдахъ! Какая шокность и почность въ его ошвѣтахъ! Какое пришествіе духа! Какое владычество надъ своими спрашными! Покажите мнѣ человекъ, покажите мнѣ мудреца, который бы умѣлъ жить, спрадать и умереть безъ слабости и безъ щеславія! Когда Платонъ описываетъ вымышленнаго праведника (*), укоряемаго всѣми гнусными пресшупленіями и достойнаго всѣхъ наградъ добродѣтели, то онъ почѣ въ почѣ описываетъ Иисуса Христа. — Сходство сіе споль поразительно, что всѣ Святые Отцы ошупили оное, и никакъ невозможно этого не чувствовашъ! Какому должно бытъ предразсудку, какому ослѣпленію и невѣжеству, чтобы дерзнуть сравнить сына Софрониска (**), съ сыномъ Маріи! Какое разшояніе между швми и другимъ! Сограшъ, умирая безъ болѣзни и безъ поноше-

---

(*) Въ своей Республикѣ.

(**) Сограша.

нія, легко могъ выдержашъ ролю свою до конца, и если бы сія легкая смерть не приносила чести его жизни, шо можно было бы усомнишься, былъ ли Сократъ, при всемъ своемъ разумѣ, другое что, какъ не Софистъ. Онъ опкрылъ, говорящъ, нравственностъ: но другіе прежде его показали сію нравственностъ самыми дѣлами. Онъ шолько *говорилъ* шо, что уже прежде дѣлали; онъ шолько *примѣры* передалъ въ наставленія. Аристидъ былъ справедливъ прежде, нежели Сократъ опредѣлилъ, что шакое справедливостъ. Леонидъ умеръ за опечесшво прежде, нежели Сократъ поставилъ въ должностъ любить свое опечесшво. Спарта была шрезва гораздо прежде, нежели Сократъ похвалилъ шрезовостъ. И прежде, нежели онъ опредѣлилъ добродѣшель, Греція изобиловала уже добродѣшельными мужами. Но опкуда Иисусъ Христосъ почерпнулъ высокую и чистую нравственностъ, коей Онъ одинъ былъ и наставникомъ и примѣромъ? Изъ нѣдръ ужаснаго фанатизма Іудейскаго народа возникаетъ гласъ высочайшія Премудрости, и простота доблешвенныхъ добродѣтелей украсила презрѣннѣйшій народъ во вселенной. Смершь Сократа, спокойно бесѣдующаго съ своими друзьями, естъ самая спокойнѣшая смершь, какой шолько можно желашъ. Но смершь И-

суса, умирающаго среди мученій, осмѣиваемаго, поносимаго, злословимаго и проклинаемаго цѣлымъ народомъ, есть самая ужаснѣйшая смерть, какой только можно спрашиваться. Сократъ, принимая смертоносный сосудъ съ ядомъ, благословляетъ того, кошорый подноситъ ему оный, и кошорый при томъ плачетъ объ немъ, а Иисусъ, посреди ужаснѣйшихъ мученій, молился за любѣйшихъ Своихъ мучителей! Такъ, ежели жизнь и смерть Сократа показываютъ мудреца, то жизнь и смерть Иисуса Христа знаменуютъ Бога.“

„Скажемъ ли мы, что Евангельская Исторія выдумана для забавы? Нѣтъ! не такимъ образомъ выдумываютъ. Два Сократовы, о кошорыхъ никто не сомнѣвается, не только засвидѣтельствованы, какъ дѣянія Иисуса Христа. Еще непонятнѣе было бы утверждать, что многіе люди, согласившись, составили Евангеліе. Иудейскіе Писатели никогда не нашли бы ни такого пона, ни такой нравственности, а Евангеліе содержитъ въ себѣ характеры истины столь высокіе, столь поразительные и совершенно неподражаемые, что изобрѣшатель гораздо большаго достоинства былъ бы удивленіемъ, ежели самый герой онаго.“

Вошь, что говоришь самый опасный Софистъ въ пользу Религій!

Ахъ, другъ мой! Не осмивай никогда Религій. Она только одна есть вѣрный руководитель въ мѣръ земь, въ эшомъ вѣчномъ для ума человѣческаго хаосѣ. Не полагайся на бѣдный разумъ, кошорый въ вещахъ самыхъ обыкновенныхъ, принимаетъ сего дня то, что опровергаетъ завтра, и потомъ опять впадаетъ въ новое заблужденіе. На того, кто хочешь убѣдить себя повѣрять сію Религію, сей Божественный разумъ съ бѣднымъ разсудкомъ человѣческимъ, зрирай, какъ на злѣйшаго врага швоего, хотя бы онъ дѣлалъ то безъ всякаго умысла, по одному только заблужденію. „Бѣгай невѣрныхъ,“ говоришь шонъ же Софистъ: „бѣгай шѣхъ, кошорые, подъ видомъ изслѣдованія и исполкованія природы вещей, всѣваютъ въ сердца человѣческія опечаливающее ученіе, и кошорыхъ наружныя сомнѣнія во сшо крашъ ушвердительное и рѣшиительное, нежели рѣшишительный гласъ ихъ сопровивниковъ, и подъ высокоумнымъ предлогомъ истины повелительно насъ поработцають дерзкими своими рѣшеніями, и невѣрыя системою свои, созданныя блуждающимъ ихъ воображеніемъ, выдають за истинныя начала, и шакимъ образомъ, испровергая, разрушая и попирая нога-

ми все то, къ чему люди пишутъ благоговѣнне, они опшнмають у несчастныхъ послѣднее утѣшеніе ихъ бѣдности, а у сильныхъ и богатыхъ разрывають единственную послѣднюю узду ихъ спрасшей, умерщвляють въ сердцахъ раскаяніе о пресшупленіяхъ, надежду на добродѣтель и мечшають еще, что они благодѣтели человѣческаго рода! Никогда, говорятъ они, истина не бываетъ вредна людямъ. Въ этошь я съ ними совершенно согласенъ; и сіе-шо самое, по мнѣнію моему, есть наилучшее доказательство, что все то, что они проповѣдують, не есть истина!" Какъ жаль, другъ мой, что сей бѣдный Руссо не обратился сихъ важныхъ словъ къ самому себѣ — къ уму своему!

Но извини, милый мой, что я далеко увлекся. Эти чувства невольнo излились изъ души моей при имени свяшой Религіи и при горешной мысли, что Науки, долженствующія имѣть цѣлю своими изслѣдваніями еще болѣе убѣждать насъ въ истиннахъ Религіи, кошорыя истинную цѣну свою могутъ получить только ошъ сего высокаго ихъ назначенія, и кошорыя собственное свое достоинство получили ошъ истиннъ Религіи — сіи Науки употреблены къ опроверженію своей благодѣтельности!

Оканчиваю письмо сіе прекраснымъ разсужденіемъ о Наукахъ Малшъ - Бруна. „Наука и Словесность! Вы принадлежите къ нравственному порядку міра; ваша колыбель въ небесахъ; для васъ земля — страна чуждая. Если вы озаряете мелькомъ глубокий мракъ вещественнаго міра, то вы осмаетесь вѣчнымъ украшеніемъ міра нравственнаго; онъ могъ бы существовать и безъ васъ, а вы, напрошивъ того, лишаете безсмертнаго основанія, падаете во прахъ; и тогда вы не что иное, какъ ремесла или забава. Безъ начала нравственнаго и богопочитающаго, Науки и Поэзія ничего не имѣютъ такого, что бы поставляло ихъ выше рабскаго занятія шрудиться для грубыхъ потребностей шѣла. Мимо идите, игрушки народной забавы; мимо идите — на челъ вашемъ нѣтъ святой печати безсмертія; небеса зашворены для васъ.“

I — скій.

III.

НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

О ДЕРЕВЯННОМЪ СТРОЕНІИ ВЪ РОССИИ.

У насъ въ Россіи всѣ деревни и всѣ почти города построены изъ дерева. Число каменныхъ господскихъ домовъ, въ городахъ и деревняхъ, шакъ маловажно, что трудно опредѣлишь его отношеніе къ деревяннымъ, — за то, какъ очевиденъ вредъ, ошъ того происходящій! Истребленіе лѣсовъ и безпресшанные пожары суть неминуемыя и гибельныя сего послѣдствія. Вредное вліяніе на здоровье, а всего болѣе на характеръ цѣлаго народа, видно въ живыхъ примѣрахъ. Для эшой послѣдней цѣли намѣренъ я написать нѣсколько слѣдующихъ строкъ; но прежде, нежели приступлю къ нравственному оцѣлку, мнѣ должно доказать, что деревянная постройка не есть необходимость Русскаго, пошомъ, что каменная возможна — физически и даже выгодна въ хозяйственномъ отношеніи. Иначе меня могутъ укорить въ напрасной декламации, въ сраженіи съ стихіями, кошорыхъ нельзя ни избѣжать, ни ошвратить.

Необходимостію можно признашь только невозможность замѣнить дерево другимъ

матеріаломъ, ш. е. камнемъ или кирпичемъ; Но весь нѣтъ Сѣверъ изобилуетъ всякаго рода пластами, годными въ постройку, а доказательствомъ тому служатъ и каменоломни по всей Олонецкой, Вологодской, С. Петербургской, Тверской и Новгородской губерніи. Гдѣ же нѣтъ пластовой ломки, тамъ голыши, валуны и вообще гранитные обломки, по всѣмъ полямъ разсыянные, даютъ превосходный матеріалъ для наливной кладки съ глиною, какъ дѣлаются корчмы въ Остѣ-Зейскихъ провинціяхъ (*). Вся Украина изобилуетъ меловыми горами и известковыми породами. Только средина Россіи, ш. е. Московская, Тульская, Нижегородская и части прилежащихъ губерній, лишена сей выгоды, но одни ручьи и рѣки своими камешками и ракушками доставить могутъ стѣны на половину ихъ населенія. Припомъ же до сихъ поръ не было дѣлано изысканій: можешь бышь, на сажень внизъ лежатъ тамъ слои шифера, сланца или известняка, годные въ постройку. Но предположивъ даже, что во всей Россіи нѣтъ дѣльнаго камня, или что добытка его спанетъ дорого — вѣрно никакъ не по-

---

(*) Даже мазанки и битыя стѣны изъ глины съ вересомъ, по чистотѣ и прочности своей, предпочтительнѣе бревенчатыхъ изъбъ.

споришь, что въ глинь и песку у насъ нѣтъ недоспашка! А для дѣланія кирпича больше ничего не надобно. Мнѣ скажешь, что для обжиганія кирпича поже пойдешь много лѣсу — не лѣсу, а дровъ, буду ошвѣчать я, и въ эшомъ великая разница. Кирпичъ обжигать можно и валежникомъ, и сучьями, и шурфомъ, и бурьяномъ — спроешь избу нельзя иначе, какъ изъ 50-лѣшняго лучшаго лѣса.

Теперь вшорю необходимостію могутъ посшавишь мнѣ привычку Русскихъ жить въ деревянномъ спроеніи, и ихъ предразсудокъ прошиву каменнаго жилья. Но эшо происходитъ ошъ шого, что они не имѣють при-мѣра или видають очень дурные, ш. е. службы нныхъ господъ своихъ, по бѣльшей части посшроеенныя наскоро, худо высушенныя, и ошъ шого сырыя зимою и запшлыя лѣшомъ. Но покажише ему хижину, складенную изъ добраго кирпича, хорошо покрышую, сухую — и онъ скоро поймешъ ея выгоды въ домашнемъ бышу и въ пожарномъ случаѣ. Онъ почувствшуетъ выгоду не бышь шерзаему насѣкомыми — вѣчными жильцами щелей, не бышь продуваему всякимъ вѣшромъ, какъ въ деревянной избѣ, и замѣнишь, вопреки предубѣжденію, что если каменный домъ шрудно нагрѣшь, за шо еще шруднѣе просшудишь. Однимъ словомъ, онъ бросишь эшомъ пред-

разсудокъ, какъ половина Русскихъ мужиковъ черныя печи, которыя (сначала увѣрили они) гораздо теплѣе и суше бѣлыхъ, съ челами и трубами. Возможность физическая при изобиліи матеріаловъ, соспонтъ въ рабочихъ рукахъ — а нигдѣ въ мірѣ кѣшъ ручной работы дешевле, чѣмъ у насъ. Наука дѣлаетъ кирпичи, право, не хитрая, и во всякой деревнѣ или по крайней мѣрѣ округѣ, есть печникъ, который необходимо знаешь всю ремесло. Слѣдовательно, спонтъ только пощипкамъ захошѣшь, и у крѣстьянъ ихъ возвысися каменные жилища. Если расчиташъ время, употребленное каждымъ мужикомъ на вывозку себѣ избы, на срубку ея, и наконецъ на поставку (для чего онъ собираетъ *помощи* человекъ до сорока), то все время рабочихъ въ сложности немногимъ развѣ чѣмъ разнишся отъ работы кирпичника съ мянѣемъ глины, обжогомъ, и потомъ снѣжною кладкою. Но какая разница въ долговѣчности!

На щель выгодъ хозяйственныхъ — деревянное имѣетъ на своей сторонѣ настоящую дешевизну и скоросшь; но шущъ прямое тройное правило. Чѣмъ дешевле — тѣмъ непрочнѣе, тѣмъ менѣе цѣнно въ продажѣ. Чѣмъ скорѣе спроща, тѣмъ скорѣе и разрушаешся. Извѣстно по опыту, что избы изъ лучшаго дѣсу и въ бережи, спонтъ не болѣе

бо лѣшь. Но круглымъ числомъ, ошъ пожа-
ровъ, съѣдающихъ по крайней мѣрѣ двѣ тре-
тти деревяннаго жилья, нельзя каждой избѣ
дать болѣе 20 лѣшь въку. И такъ каждый
кресстьянинъ черезъ двадцать лѣшь долженъ
возобновлять свою избу, дворъ, хлѣва, анба-
ры, ѣздишь за каждымъ бревномъ верспѣ за
40, 70, а въ безлѣсныхъ губерніяхъ и за 200,
покупаешь ихъ дорого, если нѣшь своихъ
участковъ, или шерьашъ время, которое шѣ
же деньги работника, и плашу за дерево, ко-
торое онъ могъ бы продать купцу на мачшм
или на пиловку. То же самое должно разумѣшь
и о помѣщикахъ; они весьма ошибаются, ду-
мая, что имъ ничего не стоить постройки,
ошъ шого, что они не выдаютъ на нее де-
негъ... да за шо они не берутъ денегъ съ сво-
его работника, который могъ бы съ болѣшею
выгодою употребленъ бышь къ продажнымъ
произведеніямъ (*).

Расчитавъ такимъ образомъ, что день
ошо дня деревянная постройка спановашся

(*) Есть хозяева, кои, по правдѣ сказать, не умѣ-
ють свести двухъ мыслей въ хозяйствѣ; напримѣръ:
изъ степныхъ губерній везушь въ Москву запасъ
домашній, и для двухъ дюжинъ пошроховъ или брин-
ки масла, нѣсколько мужиковъ съ лошадьми ошорваны
ошъ работы на два мѣсяца.

дороге, между шпиль какъ долговѣчность ихъ
остается въ прежней пропорціи, можно пред-
видѣть, что скоро, волею или неволею, мы
прійдемъ къ необходимости каменныхъ зда-
ній, введеніе кошорыхъ совѣтуешь теперь
здравый смыслъ. Съ расширеніемъ торговли
и съ умноженіемъ людности, лѣса рѣдѣють;
но бѣда, если они вовсе исчезнуть въ спра-
нѣ шуманной и въприспой, какова наша.
Расчистка лѣсовъ очищаетъ воздухъ и бла-
гораспоряетъ климатъ, но вырубка сихъ
сушитъ почву и лишаетъ ее плодородія.
Напрасно мы себя лѣшимъ надеждою, что
лѣса наши неиспощимы: тамъ, гдѣ прежде
росли они борами, теперь качающіяся одні
поросли, и прибережя главныхъ рѣкъ, слав-
ныхъ прежде мачшовыми деревьями, шакъ
обнажены вершѣ на бо, что шрудно вырѣ-
зашъ прямой хлыстикъ. Стекланные заводы
и неразумная гонка дегтю пожирають дра-
гоцѣнныя поколѣнія лѣсовъ. Лыки, березки
для Троицына дня и Семика, и подрѣзываніе
деревьевъ для соку испребалють дровяной
лѣсъ. Пожары довершаютъ ошальнее въ
обоихъ.

Слѣдовательно . . . цѣна на спроевой
лѣсъ для досокъ внутри, земли и для опус-
ка за границу, возвышашься будетъ годъ ошъ
года, и пошому владѣльцы ихъ будущъ те;

рять съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, употребляя для себя то, что могло бы приносить имъ двойную пользу. Земледѣіе упадетъ или затруднится, а при этомъ пожары, кромѣ спѣвъ разрушающъ и пожаришки, не рѣдко самый скопъ. Все еще вѣспѣ доказываешь, что каменное строеніе полезно, возможно и выгодно. Теперь прислунаю къ часамъ моральной, завлекшись не-хотя въ подробности вещественной.

Человѣкъ — привычное животное. Первые впечатлѣнія образуютъ его память; память образуетъ его сужденіе примѣрами. Но какіе примѣры передаютъ ему кровля дома, подъ кошорой не умираетъ его дѣдъ, ни прадѣдъ; кошора не была свидѣтельница ни добрыхъ, ни злыхъ поступковъ родныхъ его? Спѣвы дома измѣнялись на его глазахъ; онъ моложе вѣку чедовѣческаго — и онъ не глядитъ на нихъ съ уваженіемъ неразлучнымъ съ древностию. Онъ ничего не придоминаетъ ему — и онъ къ нему равнодушенъ. Ему легко покинуть домъ ошцевъ, пошому, что легко кое-какъ скатишь новый; а кому легко расстаться съ спѣвами роднаго жилища, шому не шрудно бросить и родину — позабыть все родимое. Дерево шветъ, горитъ, а съ нимъ пропадаютъ и прежніе нравы и дѣдовскіе обычаи. Необходимость мѣняетъ жили-

ща, отъ огня или дряхлости, обращаешь въ привычку . . . привычка образуетъ характеръ, и вошь отъ чего у насъ о перестройкѣ, о продажѣ дома, о перемѣнѣ города, о сносѣ деревни съ мѣста на мѣсто говорятъ, какъ будто о старыхъ башмакахъ. Это никого не прогаешь, никого не огорчаешь сердчно. Но такое равнодушіе унижаетъ человека въ кругъ живыхъ. Кто не вспоминаетъ о своихъ предшественникахъ, тотъ не ищетъ жишъ въ воспоминаніи, тотъ не имѣетъ даже мысли объ улучшеніи своего сословія. Опыты, умъ въковъ протекшихъ для него поперяны. Онъ живетъ одинъ, и день за днемъ. — Не отъ того ли это, что ни одинъ камень, ни одна развалина не хранишь внукамъ народныхъ происшествій, ни одна спѣна преданій семейныхъ? Отъ этого мы видимъ у себя цѣлыя поколѣнія безъ воспоминаній историческихъ, безъ предковъ. Бренность, невѣрность жилищъ, пріучая умъ къ часшой перемѣнѣ, дала характеру Русскаго народа какую-то безпечность. Каждый живетъ дома, какъ въ гостяхъ. Не заботишься о выгодахъ жизни, о долговременныхъ занятіяхъ, о прочныхъ издѣліяхъ. „Въ животѣ и добръ Богъ воленъ“ говоришь онъ: „можешь, завтра же все сгоришь“ — и въ слѣдствіе этой философіи, онъ дѣлаетъ все какъ будто, и поль-

ко на текущій день. Спѣешь ли украшать, починаешь домъ, котораго паденіе онъ можешь расчислять по пальцамъ? Эта беззаботность подъ угрюмымъ небомъ съвера простирается и на все, его окружающее. Онъ на все глядишь спокойно, пока гроза не грянетъ надъ нимъ — а тогда уже поздно. Однимъ словомъ, глядя на характеръ земляковъ моихъ, на ихъ поступки, на ихъ жилье, право, кажешься, что они спѣешь кочевьемъ, что для нихъ не существуешь завтра.

Выше я говорилъ болѣе о простомъ народѣ. Однако и на высшій классъ деревянное жилье не менѣе дѣлаешь вліянія. Мы родимся или, по крайней мѣрѣ, воспитываемся въ городахъ, а города (исключая столицы) наибольшую частію деревянные. Память людей знаменитыхъ гибнетъ съ жилищами ихъ, не шакъ какъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ даже вымышленные герои освятили именами своими мѣста и зданія, гдѣ каждый камень говоришь сердцу, воспламеняетъ умъ. И шакъ, не успѣвая полюбить дома свои, пошому, что они измѣняются или перемѣняются ежегодно, не успѣвая даже взять живопную къ нимъ привычку, мы уезжаемъ, и возвращаясь чрезъ долгое время на родину — не узнаемъ мѣста крова нашего дѣшства. И вновь покидаемъ его безъ сожалѣнія, какъ

сперва тамъ жили равнодушно. Пошомъ строимъ сами каршочные домики, лишь бы это было скоро; и проведя весну безцвѣшную, скучаемъ наслѣдникамъ своимъ безплодною осенью. И вошь почему, недовольные собою, мы всегда гошновы прельщашься другими странами; ибо тамъ, гдѣ нѣшь спрасши къ своему — тамъ скоро явился приспрасшїе къ чужому. Унизительное предпочшенїе иноземцевъ, къ несчастїю, слишкомъ это доказываетъ.

А. Б.

IV.

А Р Х Е О Л О Г І Я.

О тактикѣ Ахейнѣ и Троянѣ, о построении войскѣ, о расположении и укрѣпленіи становѣ (лагерей) у Гомера (*).

(Изъ общихъ примѣчаній (I) къ переводу *Иліады*).

Т а к т и к а.

Гомеръ есть единственнѣйшій Поэтъ, котораго Исторія смѣешь призывашъ въ свидѣтельство. *Иліада*, первая Поэма, есть и

(*) Н. И. Гнѣдичъ, кончивъ переводъ *Иліады* гекзаметрами, гошовишъ оный къ изданію въ свѣтъ съ археологическими, которыя должны способствовать читателямъ какъ къ уразумѣнію творенія Гомерова, такъ и вообще для распространенія познаній о Древностяхъ Греческихъ. Желая познакомить отечественную публику нашу съ свойствомъ и достоинствомъ замѣчаній, кои Г. Гнѣдичъ присоединяетъ къ переводу своему, мы испросили у него позволеніе напечатать нѣкоторыя изъ нихъ въ Сынѣ Отечества. *Изд.*

(I) Названіемъ *общихъ* примѣчаній Переводчикъ предполагаетъ ошлечить ихъ ошъ примѣчаній частныхъ: послѣднія обыкновенно изъясняютъ какое либо слово, выраженіе, или стихъ Поэмы; но первыя должны относиться къ такимъ предметамъ, которыя или входятъ въ цѣлый кругъ ея дѣйствія, на примѣръ: *Военное Искусство*, *Міѳологія*, *Восточность* (оріентализмъ) нравовъ и обычаевъ у Гомера; или требуютъ особенныхъ изысканій и объясненій, какъ *щитъ Ахиллеса*, *скиптръ Агамемнона* и проч. Такимъ образомъ примѣчанія общія, должны

первая Исторія Греціи. Полибій и другіе древніе Писатели, разсуждавшіе о Военномъ Искусствѣ, говоряшь, что первыя основанія Тактики и расположенія шановъ (лагерей) находятся у Гомера; они правы, особенно, когда вспомнимъ, что все, надъ чѣмъ великіе умы въ какомъ либо искусствѣ прудились, и что наконецъ усовершенствовали, произошло ошъ началъ малыхъ и простыхъ, которыхъ почто можно найши въ Гомерѣ. — Если начала Тактики соспояшь въ помѣ, чтоошъ шѣла движущіяся, имѣющія извѣстныя силы, назначенныя для извѣстной цѣли, двигалися на извѣстномъ пространствѣ, въ извѣстномъ направленіи и порядкѣ, шо есть, шройно и красиво, слѣдшвенно съ удобностію и легкостію и приномъ съ величайшею силою и быспрошою: шо въ самомъ дѣлѣ начала Военнаго Искусства можно находить въ Иліадѣ, которыхъ разсѣялъ Гомеръ съ великою простотою, но съ важностію наславника.

Тактика однао жѣ, въ пространномъ смыслѣ, заключаешъ болѣе предметовъ, нежели сколько ихъ здѣсь должно войти въ разсмотрѣніе (*). Здѣсь она означаешъ един-

сшвующія разливашъ ясностъ на всю Поэму, не могутъ бышь крашки, какъ примѣчанія частныя.

(*) Здѣсь они излагаюшся, сколько нужно для объясненія Поэмы.

сплвенно шощь способъ , по кошорому войска, во времена героическiя , бмалн составлены , раздвляемы , и приводимы въ боевой порядокъ и поспроенiе. Но какъ и сей способъ шребуешь , чшобы войска хорошо были раздвляемы на части , чшобы опредвляемы были вожди , ихъ долгъ и подчиненность , шо надобно сказашь , что во время войны Троянской , предметовъ сихъ были изввспны одни начала.

Въ шеченiе 9 лшшь брани подъ Троею , Трояне держались въ ствнхъ ; Ахейцы же шо опустошали смежныя мвша , шо покушались взойши на ствны (1) , шо двлали зашасы , чшобы произвесшь какую либо военную хшшрость , не со всвхъ , впрочемъ , споронъ осаждая городъ , и не совершенно заградивъ всякой выходъ для осажденныхъ ; однако Ахейцы не сдвляли въ войнв никакого успвха. Между швмъ возгорвлася вражда между Ахиллесомъ и Агамемнономъ ; и когда первый , пшшая гнввъ , удерживалъ своихъ Мирмидоновъ отъ брани , Агамемнонъ , изъ ненависти и презрвнiя къ нему , рвшлся вывесшь воинства (2) , и , безъ Ахиллеса , взять городъ. Въ шо же время и Трояне , узнавъ о

(1) Пвсь VI , ст. 435 и слвд.

(2) II , ст. 29 и слвд.

раздоръ въ станѣ враговъ, рѣшились выйти изъ города, на что прежде не осмѣливались (1), удерживаемые совѣтомъ Спартьшинъ (2), которые справедливо полагали, что Ахейцы, истощивъ силы войною продолжительною, отступивъ, ничего не сдѣлавъ. Полидамасъ, по довольно счастливомъ приближеніи къ стану корабельному, еще убѣждалъ Троянъ послѣдовать тому же совѣту; но Гекторъ, и гордостью побуждаемый и видя, что богашства Троянъ истощались долговременною бранью (3), не хотѣлъ войскъ заключить въ стѣны.

П о с т р о е н і е в о й с к ѡ .

Но прежде, чѣмъ говорить о боевомъ построеніи войскъ, должно нѣчто сказать о самыхъ войскахъ. Трояне, кромѣ своихъ, имѣли войска союзныя, собранныя частію изъ самой Троицы; частію изъ соседственныхъ варварскихъ народовъ. Воинство Ахеевъ состояло изъ народовъ одного племени и происхожденія, съ нѣкоторою однако разностию поколѣній, семействъ, земель и жилищъ, также нравовъ и оружія. Важнѣйша

(1) Пѣс. V, ст. 788, 799. IX, 351 и слѣд. XIII, 101—5 и слѣд.

(2) XV, ст. 721—3 и слѣд.

(3) XVIII, ст. 285 и слѣд.

сила воинства ихъ заключалась въ колесницахъ и войнахъ, тяжело вооруженныхъ, кошорыхъ однако число было, кажешся, гораздо менше. Они большею часпю были вооружены копьями мешашельными; оспрадовъ, сражавшихся одними спрѣлами, если не обманываюсъ, весьма не много, — хопя впрочемъ луки составляли общее оружіе воинствъ. Только Локры упошребляли единспвенно лукъ и пращу (1). Другіе имѣли тяжелые доспѣхи, ш. е. длинное копье, щипъ, шлемъ, поножи, какъ Мирмидоняне (2), Абанпы (3), шакже Аргосцы и Лакедемоняне, кошорые всѣ, какъ явспвуешъ, были *ὀπλίται*, *тяжело вооруженные*.

Такиими же доспѣхами, но большей тяжести и вѣса, были вооружены пѣ, кошорые находились на колесницахъ; они назывались *ιππεῖς*, *коңные*; оспальные же всѣ, какой родъ оружія ни упошребляли, — *πυθίαι*, *πευλῆες*, какъ въ Пѣсн. V. сп. 743, хопя у Грамашиковъ они обыкновенно называюшся *περὶ ὀπλίται*. — О самыхъ начальникахъ, кошорые сражаюшся сойдя съ колесницы, говорипся, что они сражаюшся, *πευλῆες*, *πυ-*

(1) Пѣс. XIII, сп. 715.

(2) XVI, сп. 211 и слѣд.

(3) II, сп. 542 и слѣд.

шіе (1). Предводитель пѣшихъ, *πευλέων*, упомянушъ въ одномъ только мѣстѣ (2).

Пѣшіе, кощоры послѣ нападеній, начавшихъ передовыми (*promachi*), вступающъ въ бой, сражающа, какъ видно, почти шолпами, ошрядами, а не какимъ либо правильнымъ строемъ; неизвѣстно также, многіе ли и какого рода ряды были въ каждомъ ошрядѣ; стоящіе позади первыхъ рядовъ могли одними мешашельными копьями дѣйствовать, или стояли праздыне. Первые ряды, по крайней мѣрѣ въ началѣ сраженія, такъ были расположены, что сомкнувшими щипами составляли фалангу. Впрочемъ, въ Илиадѣ нѣтъ ничего, что бы относилось къ общему боевому порядку; но видно только, что ошрядами, шолпами, что нападающъ, что ошступаютъ, что возобновляютъ сраженіе. Толпами также сражающа что ворвавшись въ шолпы непріятельскія, что сомкнувшими рядами ошразитъ непріятелей; объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣсколько мѣстъ, рачительно замѣченныхъ древними (3). Этому роду построения называется *πύργος* башня, и сра-

(1) Пѣс. XII, ст. 77. XI, ст. 49.

(2) XV, ст. 517.

(3) XIII, ст. 129 и слѣд. XVI, ст. 211 и слѣд.

жающа *περὺν*, построясь въ видѣ башни, каждая толпа особенно.

Такимъ образомъ первыя основанія Тактики видимы въ томъ, что толпы старались по крайней мѣрѣ соблюдать извѣстный порядокъ. Имъ также приписываются *στίχες* ряды, въ общемъ нѣкоторомъ значеніи: о нашихъ рядахъ нельзя еще думать; и безъ сомнѣнія, эти слова *ὄμιλος*, *στίχες*, *Φάλαγγες*, толпа, ряды, фаланга, не съ такою точностію употребляются, чтобы можно было сказать что нибудь опредѣлительное.

Начальники, находящіеся на колесницахъ, когорныя, какъ извѣстно, были легки и шель низки, что на нихъ удобно всходили сзади, сражающа не одинакимъ образомъ: иногда на колесницахъ, врываясь въ толпы пѣшихъ, или близко ихъ разъѣзжая, чтобы видѣть, гдѣ можно разорвать ряды слабѣйшіе; иногда съ колесницъ сходятъ и сражающа пѣшіе, имѣя вблизи колесницу съ возницею: ибо управляя конями, стоя въ колесницѣ, было дѣло другаго; сей назывался *ἡνίοχος*, а сражавшійся, *παραβάτης* (1). Колесница должна была находиться вблизи сражающагося, чтобы упомянутый, или раненный, или ушиблемый врагомъ, взойдя на нее, могъ спа-

(1) Пѣс. XIII, стр. 192.

сашься. На колесницъ также полагали доспѣхи съ пораженныхъ сняшые, увозили тѣла убитыхъ начальниковъ. Начальники сѣи, *ἀρχῆται*, всегда находяшся впереди, проходяшъ между двухъ боевыхъ линій и межъ рядами; они по большей части называющся *πρόμαχοι*, *впереди сражающіеся, передовые*, хотя и не собранные въ одинъ отрядъ, но каждый предъ своею толпою, сражающіеся. Когда сойдушся въ бой, толпы сначала раздражаютъ непріятеля, бросая въ него, на удачу, мешательныя копья; потомъ выбѣгають передовые и сражаются впереди рядовъ; такимъ образомъ бой во многихъ мѣстахъ распространяется. Обычай сражашься съ колесницы долженствовавъ имѣть особенную силу предъ всякимъ обычаемъ и способомъ тогдашней войны; весь почти успѣхъ битвы зависѣлъ отъ сей части войнъ: сей обычай доставлялъ великую пользу во многихъ отношеніяхъ: могли быспрѣе двигашься, на однихъ незапно нападашъ, другимъ легко помогашъ; находящіеся долго на колесницахъ могли живѣе сходишъ къ пѣшему бою, или боемъ ушомленные, всходишъ въ колесницу: ибо герои Гомеровы упошребляли доспѣхи тяжелые и обременительныя, подъ копорыми они не могли не зашрудняшъся въ движеніяхъ; къ шому же

для ношенія шапихъ доспѣховъ требова-
лось шло огромное, сила великая, изъясне-
нiемъ чего Гомеръ часто любилъ занимать-
ся. — Обычай и употребленiе передовыхъ,
впередъ выбѣгающихъ, удивительно были спо-
собны для умноженiя и воспаленiя храбрости
въ каждомъ воинѣ. Сей обычай передовыхъ,
выходящихъ на бой передъ воинство, поро-
дилъ особенный родъ сраженiя: храбрѣйшiй
вызывалъ ошъ непрiшелей храбрѣйшаго, и
нерѣдко, по сдѣланному условiю, успѣхъ и
шого и другаго воинства и весь споръ о дѣ-
лѣ долженъ былъ рѣшиться такимъ едино-
борствомъ, что и видимъ въ Илiадѣ (1).
Эпосъ же выходъ передовыхъ передъ воин-
ство давалъ мѣсто и поводъ къ шлмъ рѣ-
чамъ, кошорыя, вышедши къ бою, между со-
бой говорятъ герои Гомеровы; ополченiя съ
шой и другой спороны, увидѣвъ сходящихся
двухъ передовыхъ, стоятъ неподвижно. Та-
кимъ образомъ разговоры эти на полѣ би-
твы, несообразные съ понятiемъ нашимъ,
суть не вымыслъ Поэты, но древнiй обы-
чай народа, слѣды кошорого сохраняютъ и
новѣйшiе Греки, что подтверждаютъ многiе
Писатели, намъ современные (2), личные сви-

(1) Пѣс. III, ст. 15 и слѣд.

(2) *Voutier: Mémoires sur la guerre actuelle de*

дѣтели подобныхъ явленій — въ настоящую войну Грековъ съ Турками.

Обнажашь убишыхъ также едва ли было можно иначе, какъ посредствомъ передовыхъ, изъ рядовъ выбѣгающихъ: каждаго изъ нихъ окружаешь своя дружина. Такимъ образомъ, для обнаженія или похищенія мертваго шѣла, обыкновенно завязывающа бипвы, по часпнымъ, по общія, цѣлыми полпами, или множествомъ передовыхъ, въ одно время выбѣжавшихъ. Большая часть стиховъ Гомеровыхъ заключаешь въ себѣ эпі бипвы, полпами производимыя, особенно за шѣло Пашрокла. —

Здѣсь нельзя не замѣнить, что обычай не предавашь шѣлъ убишыхъ въ жершву непришелоу, споль священнѣй между воинами древности, сохранился Греками до нашихъ временъ, и представилъ Полковнику Вушье прогашельные примѣры пашрїошзма. Но вмѣстѣ нельзя не подивиться древнему мнѣнію, сполько несообразному съ нашимъ, о воинской славѣ и чести: убишаго иногда обнажаешь другой, неубившїй его, и эпо не почиталось безчестнымъ (1). Легко по-

---

Grecs. *Fauriel*: Chants popul. de la Grèce Moderne, и другїе.

(1) Пѣс. IV, стр. 463.

нать, сколько сей обычай, обнажая шѣла, производилъ въ сраженіяхъ безпорядковъ и остановокъ. Поэтому Агамемнонь, въ битвѣ, еще сомнительной, даетъ повелѣніе, чтобы никто не обнажалъ шѣль и не дѣлалъ остановки сраженію (1).

Изъ Военачальниковъ Ахейскихъ, знающихъ въкоторое Искусство такшическое, именуемыхъ двое. Менесей, вождь Аѳинскій (2), о комъ, впрочемъ, кромѣ похвалы его знанію успроивать въ бой коней (колесницы) и мужей щитоносныхъ, ничего не встрѣчается болѣе, что бы подтвердило о немъ сказанное, развѣ только то: что *отборные* Аѳиняне, *προλεγευμένοι*, подъ предводительствомъ Менесея, противопоставили нападающему Гектору ошрядъ, крѣпко сомкнутый (3). Другой, Несшоръ, два раза предлагаетъ родъ Такшики. Въ первомъ мѣсцѣ (4), когда даетъ совѣтъ Агамемнону, чтобы онъ повелѣлъ воинству раздѣлиться на *Φύλα* и *Φεήτρας*, племена и колѣна. Такимъ образомъ кажется, (чему впрочемъ трудно вѣришь), что до того времени сражались всѣ

(1) Пѣс. VI, ст. 67.

(2) II, ст. 553 и слѣд.

(3) XIII, ст. 689.

(4) II, ст. 362.

вмѣстѣ, безъ порядка, собираясь въ одну громаду для боя. Симъ способомъ, продолжаешь Несторъ, легко можно опкрышь, который изъ вождей и какой изъ ошрядовъ оказываешь храбросшь; можно также узнашь, ошъ неразумѣнія дѣла, или ошъ нерадѣнія воинновъ, война такъ долго продолжается. — Въ другомъ мѣстѣ (1) можно видѣшь поспроеніе воинства, какое онъ дѣлаешь; онъ велишь, чшобы конные поспавлены были впереди, пѣшіе, сколько есть храбрѣйшихъ, сзади, а въ срединѣ слабые, на храбросшь которыхъ нельзя полагаться. Дѣло это, хотя не большой изобрѣшашельности, но заслуживаешь похвалу при начашкахъ Такшики. Къ этому присоединяешь онъ другое повелѣніе (2), до конныхъ относящееся: чшобы конники *удерживали коней*, не дѣлая смяшенія; чшобъ *стояли въ рядахъ*, не выѣзжая впередъ, ни позади рядовъ не ошаваяся: ошъ этого сила ихъ будетъ значительнѣе; наконецъ, когда сблизашся съ врагами такъ, что въ колесницѣ споящій можешь прошивника досшашъ оружіемъ, чшобъ *съ колесницы его принималъ копье*, а съ нее бы не сходилъ и пѣшій не

(1) IV, стр. 297.

(2) IV, стр. 297 и слѣд.

сражался. — Пользу сего способа доказываетъ онъ примѣрами предковъ; почему и видимъ, что такимъ образомъ сражающся (1).

Впрочемъ, какъ ни полезны предложенныя Неспоромъ наставленія шакшическія, особенно послѣднее, чтобы войска слабѣйшія были помѣщаемы въ срединѣ, между первымъ и послѣднимъ строемъ, но въ Илиадѣ не видно точнаго исполненія оныхъ. Похвалы, по большей части общія, приписываются Ахейцамъ, Аргивянамъ, Данаямъ, или порознь, по вождямъ, по народамъ; но какимъ образомъ составлялось боевое построение Ахейцевъ, Певнь съ точностію нигдѣ не излагаетъ; большая часть объясняется вождями, копорыхъ доблестію совершаются подвиги. И они-то суть тѣ предметы, къ которымъ геній Гомера быстро устремляется, употребляя или размышленіе, или чувство, когда спѣвшияъ рассказашъ по, что можешъ произвестъ какое либо впечатлѣніе въ душѣ слушателя. Онъ хорошо разумѣетъ, что на него не возлагается долгъ и обязанность Историка; онъ не желаетъ учить и *поучая, пѣвнать*, но хочетъ пѣвнать и *пѣвная, поучать*. Повѣтъ также хорошо понимаетъ, что, для достиженія цѣли своей, ему не дол-

---

(1) Пѣс. VIII. стр. 118 и слѣд.

жно останавливаясь надъ общимъ изображеніемъ сраженія; но должно занимашься до блеснію *каждаго*: ибо подвиги *каждаго* въ особенності, единственно выгодны для повѣщиванія поэтическаго: симъ способомъ видъ сраженія можешь быть разнообразимъ до безконечности. Такимъ образомъ все почти повѣщиваніе въ *Иліадѣ* относится или къ передовымъ, или къ оживленнымъ дѣламъ *каждаго* героя.

Нѣкошорый видъ описанія общаго боеваго строя можно, кажешься, находишь тамъ, гдѣ повѣщиваеть объ Агамемнонѣ, обходящемъ ряды воинства, когда онъ и совѣщаніи и угрозами воспаляетъ души: въ вѣномъ обходѣ сначала приходишь онъ къ опрядамъ Кришанъ, которые, надобно думать, стояли отъ него ближайшіе (1); пошомъ къ рядамъ Садаминянъ; далѣ Пидосцевъ, Аениянъ, Кефалонянъ, кошорыхъ Одиссей, и Аргосцевъ, кошорыхъ Діомедъ предводилъ. Здѣсь можно спросишь, съ кого началъ и до кого дошелъ Агамемнонъ? *Середину боеваго строя*, вѣроятно, сославлялъ Агамемнонъ и Менелай съ Микенцами и Лакедемонцами; Агамемнонъ же обходилъ опряды *по львому крылу*; шакое однако жъ порядокъ опрядовъ не довольно со-

(1) Пѣс. IV, ст. 251.

гласенъ съ повѣствованіемъ о самой битвѣ: такъ Аяксъ вездѣ занимаетъ крайнюю часть лѣваго крыла. Далѣе неизвѣстно, какіе народы стояли на *правомъ* крылѣ, которое въ такомъ случаѣ было бы обнажено, если Ахиллесъ, что мѣсто занимаешь долженствовавшій, оставался въ станѣ: ибо правую къ Сигею сторону стана, онъ занималъ съ Мирмидонами. Развѣ одно сказать можно, что о срединѣ споря между двумя крылами вовсе не должно думать, но что строемъ пропязанный простирался отъ одного крыла къ другому.

Выше замѣчено, что въ устроеніи боеваго порядка ничѣмъ не управляла и не располагала воля *одного* въ цѣломъ воишествѣ, но что каждый изъ вождей, по собственному произволу, распоряжалъ своими войсками — и это шотчасъ видно въ началѣ перваго сраженія: когда предъ ополченіемъ Агамемнона и Менелая происходила бой между Парисомъ и Менелаемъ, и когда вскорѣ, по нарушеніи договора, оба противныя воишества опять сходились въ битву — Кесаловцы и Аеняне, смотря издали, ожидаютъ, не сколько знака къ сраженію, сколько примѣра другихъ ополченій, которые усуремляются бы на непріятелей (1).

(1) Пѣс. IV. ст. 330.

Въ первой сшибкѣ, въ которой сходятся сначала отряды щитоносцевъ (*οπλιτῶν*), (1) въ савдъ за ними видимъ сперва сражающагося Аншилаха, савдсвенно Пилосцевъ (2), Аякса, и такъ Саламинцевъ, Одиссея съ Мемкійцами, Диора (3) изъ Элиды, Фоаса Эполійскаго; потомъ Діомеда, снискавшаго отличную хвалу своею храбростію въ сей битвѣ (4). — Послѣ бѣгства Троянъ упоминается Агамемнонъ, Идомеи съ сподвижникомъ Меріономъ, Менеаидъ, Мегесъ — сей послѣдній привелъ войско изъ Эхинадъ, — Эврипилъ изъ Фессалии, Свенель, сподвижникъ Діомедовъ. Не видно, чшобы они сохраняли какой либо порядокъ, по крайней мѣрѣ Поэшь никакго не показываетъ, или не примѣчаетъ порядка ни въ сраженіи, ни въ сражающихся, такъ, что изъ слѣдующихъ за симъ описаній битвъ нельзя сосланишь понятія о расположеніи общаго боеваго строя.

Воинство Троянъ успроено было съ искусствомъ, какъ кажется, гораздо грубѣйшимъ. Гекторъ хотя имѣлъ начальство, какъ видно изъ пѣсни II, ст. 802, но его можно по-

(1) Пѣс. IV, ст. 447 и слѣд.

(2) IV, ст. 457.

(3) IV, ст. 517.

(4) V.

члннашъ предводнтелемъ своихъ только гражд-
данъ; союзники Трои были народы спранъ
различныхъ, говорили языкомъ различнымъ,
и оружіемъ и образомъ бншвъ различные и
повиновавшіеся своимъ только воеводамъ;
Гекторъ, кажется, управлялъ всею войною
въ помъ единственно опношеніи, что по-
давалъ знакъ къ сраженію.

Такимъ образомъ въ воинствѣ Ахейскомъ
вообще видно болѣе порядка, усшройства и
знанія военнаго искусства; симъ причинами
соотвѣшствуюшь и дѣйствія. Ахеи идущъ
въ бой въ болшемъ усшройствѣ; вожди
отдаютъ повелѣнія (1), рашники идущъ
безмолвные, какъ бы люди, по выраженію
Поэша, *неимлюще голоса*; глубокое мол-
чаніе сохраняющъ они изъ пошненія къ вож-
дамъ, и чтобы слышашъ ихъ повелѣнія.

Таковы въ самомъ дѣлѣ существенныя
свойства военнаго усшройства: порядокъ и
шнщина необходимы, чтобы повелѣніе и ис-
полненіе были въ согласіи.

Трояне, напрошивъ, въ спанъ своемъ, по
выраженію Поэша, подобны овцамъ въ заго-
нѣ, копоры *блеютъ* непрестанно (2); смя-

(1) Пѣс. IV, ст. 428.

(2) IV, ст. 433 и слѣд.

шанный крикъ раздается по широкому ихъ спану.

Когда Ахеяне, по голосу ихъ вождей, спрояшся въ бишву, спройно и густо смыкающся ряды ихъ (1):

Словно какъ спъну спроишель изъ плошно слагаемыхъ камней

Въ спроемомъ домъ смыкаешъ, въ сппору насильсшвенныхъ вшровъ:

Такъ шпшаки и шпшы бруговидные сомкнушы были,
Шпшь со шпшомъ, шпшакъ съ шпшакомъ, человекъ съ человекомъ

Плошно спирались; шелома, волнуясь, касались другъ друга

Свъшлыми бляхами: шакъ Мирмидоны, сомкнувшисъ, шпоали.

Въ сихъ сппцахъ древнiе находятъ первья основанiя фаланги; и Полибiй, послѣ двухъ шысячъ лѣшъ, еще удивляется (въ сппцахъ у Гомера) вѣрности и живости сего изображенiя фаланги въ дѣйствиiи.

Вошъ успѣхъ ея сраженiя: на фалангу, предводимую Аяксами (3), напали Трояне, предводимые Гекшоромъ:

(1) Пъс. XIII, ст. 131 и слѣд. XVI, 212.

(2) XIII, ст. 136 и слѣд.

. . . . . Предъ Троянами Гекшоръ
 Бурный лешель, какъ въ полетѣ крушишельный ка-
 мень съ ушеса,
 Если съ вершины громаду осенія воды обрушатъ,
 Ливнемъ-дождемъ разорвавши ушеса жестокаго связи:
 Скачущій къ верху, лепишь онъ; шрецишь, на ле-
 шу имъ крушимый
 Лесь; безпретонно и прямо лепишь онъ; пока на
 долину
 Рухнешь и, какъ ни спремилелень, шамъ не кру-
 шимся онъ болъ:
 Гекшоръ шаковъ! при началъ грѣзился, до самаго
 моря.
 Быспро пройши межъ судовъ и межъ кущей, по
 шрупамъ Данаевъ;
 Но едва лишь упалъ на сомкнувшіяся швердо фаланги,
 Спалъ; какъ ни близко нагривушій: дружно его
 Аргиване
 Встрѣши и оспрыхъ мечей и дрошовъ двубонечныхъ
 ударомъ,
 Прочь ошразили. —

Здѣсь можно замѣтить, что сопроти-
 вленіе, представлено Поэтомъ, какъ болѣе
 достойное уваженія, болѣе славное, чѣмъ са-
 мое нападеніе. Сія мысль оспалась навсегда
 утвержденною, освященною въ военныхъ мнѣ-
 ніяхъ Грековъ: безчестіемъ всегда почиша-
 лось пошерять щипъ, но не мечъ; шакимъ
 мнѣніемъ какъ бы воздавалось уваженіе шому
 началу нравшвенному, что война почищен-
 на и священна шогда наиболѣе, когда защи-

щающся, когда защищающъ отечество и согражданъ.

Такимъ образомъ въ Иліадѣ, мужество благоразумное, подкрѣпленное искусствомъ и вспомоществуемое порядкомъ, въ послѣдствіи беретъ верхъ надъ силою и храбростію, неимѣющею устройствъ и знанія, и наконецъ сославляетъ шоржество образованности надъ варварствомъ, Европы надъ Азією.

(Продолженіе впрѣдъ.)

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧУВСТВА РУССКАГО КРЕСТЬЯНИНА
ПРИ СВЯЩЕННѢЙШЕМЪ КОРОНОВАНІИ
ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ ПЕРВАГО.

Сог. Михайла Суханова.

Не средь вечера, средь весення дня ;
Вдругъ зашмилося небо ясное,
Накапилися тучи черныя,
Громы грянули по всему свѣшу,
И разсыпались изъ конца въ конецъ
Огнекрылыя страшны молніи.

Въспры вырвались изъ пещеръ своихъ. . . .
 И вселенная содрогнулася :
 Воды хлынули изъ береговъ своихъ ,
 Поглощали все, что встрѣчалось ;
 Шицы съ гвѣздъ вспорхнувъ, ихъ покинули ,
 И лешѣли въ даль незнакомую ;
 На лугахъ сшада разбѣжались ;
 Успрашенные за рабскою
 Земледѣльцы всѣ съ поля бросились .
 Лишь одни шолько звѣри хищные
 Рыщущъ по лѣсу, ищущъ жершвъ себѣ ,
 Ушопишь свою алчность люшую .

Вдругъ явилось солнце красное !
 Вмигъ разсѣялись шучи черныя
 Громы, молніи — всѣ ушпхнули ; —
 Въ лѣсъ сокрылися звѣри хищные ;
 Воды вновь вошли въ берега свои ;
 Тишина вездѣ воцарилася .
 Земледѣльцы вновь на поляхъ своихъ ,
 И рабошая, сами плакали ,
 Славословили благъ Подателя . . . .
 И опяшь сшада, какъ на шелковыхъ ,
 На цвѣшныхъ лугахъ, рассыпаяся ,
 Вкругъ ихъ рѣзвяшся, дѣляшъ радощь ихъ .

Такъ печалію взволновалася
 Вся свяшая Русь по Царѣ своемъ ,
 Какъ бы бурей пораженная .
 Но явился вповь лучезарный свѣшъ !
 Солнце новое обогрѣло насъ ;
 Мы услышали, что Создатель ,
 Что Свяшымъ Его изволеніемъ ,

Николай у насъ Императороужь ;
 Александра Братъ намъ второй онецъ !
 Озаришь Онъ насъ свѣтомъ истины ,
 Обогрѣешь насъ милосердіемъ !
 Позавидуюшь нашей участи !

Есть ли Царство гдѣ споль просиранное ?
 Есть ли Царство гдѣ больше славное ?
 Мы Россіане — всѣхъ счастливые .
 Насъ Господь хранишь , къ намъ Онъ милосщивъ .
 Сколь великъ Господь въ своей благости !
 Миновалась горестъ люшая !
 И ушщилъ насъ Всемогущій Богъ !
 Николай въ вѣнцѣ , скипщрь приѣмлошь Онъ ,
 Облекаешся Онъ порфиною ,
 И Онъ любишь насъ , какъ дѣшей Своихъ !
 Александровъ Братъ , Онъ надежда намъ !
 Блещешъ правдою , блещешъ милосщью .
 Твердый доблещью , какъ Великій Петръ ,
 Онъ опорю Царству Русскому .

Ахъ! почто же ты, вся святая Русь,
 Не вмѣстилася въ каменной Москвѣ !
 Чтобы всякій зрѣлъ шоржешво шоржешвъ
 Богомъ вѣнчанна Императора ,
 Ошъ Кошораго наше счастье ,
 Какъ ошъ солнца лучъ — возблищаешъ намъ !
 Мы лишь мыслию шамъ присутствуемъ ,
 И душей своей лишь привѣщствуемъ ;
 Не имѣли мы сребра, золоша ,
 Ни каменія драгоцѣннаго
 Поднесши Ему въ даръ любви своей .
 Но намъ сердце есть , чщобъ любишь Царя !

И усна намъ есть, ядцобъ, молюсь о Немъ!
 Поселяне мы, — но одинъ Монархъ,
 И богашому и убогому.
 Въ проспошь и мы шаже чувствуемъ,
 И участвуемъ въ общей радости.

Славься, добрый Царь! Николай — ура!
 Ты живи, блистай, неисчешны дни!
 Бога молимъ мы, намъ Царя храни.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 6.

С л о в е с н о с т ь.

199. *Узнанная.*

Heureux, trop heureux dans sa noble carrière
 Celui, qui rejetant ses regards en arrière,
 Y retrouve partout ses défauts combattus,
 Les traces du travail et celles des vertus.

Delille.

М. 1826, въ шип. Имп. Московскаго Театра, у содержателя А. Похорскаго. 10 с. въ м. 12.

Исторія.

200. *Военныя дѣйствія Россійскаго флота противъ Шведскаго*, въ 1788, 89 и 90 годахъ, почерпнутыя изъ дневныхъ записокъ и донесеній Главнонадѣльствовавшего надъ онымъ Адмирала Чичагова. Издавъ съ прилѣжаніями своими А. Ш. П. въ тип. И. Росс. Акад. 1826. 291 с. въ 8, съ шрема каршами.
201. *Изъясненіе таблицы Римской Исторіи*, ошъ древнѣйшихъ временъ до раздѣленія Имперіи, составленной по Хронологическимъ таблицамъ Блера, Лангле-Дюфренуа, Гельвеція, Гохарша и проч. Изд. Эйнерлингъ. П. у Гг. Слениныхъ, въ домѣ Кусовникова; Свѣшниковъ, въ Госп. дворѣ No 14 и 16; Заикина, въ домѣ Г. Балабина. Цѣна 4 руб. Наклеенная на холстѣ и въ фушлярѣ 7 руб.; въ тип. Депарш. Нар. Просвѣщенія. 1826. 12 с. въ 8.

Правовѣдніе.

202. *Краткая выписка изъ Законовъ по Уголовной части*, служащая для руководства всякому дѣлопроизводителю, къ удобнѣйшему и скорѣйшему пріисканію относящихся по приличію до нижеслѣдующихъ расположенныхъ по азбуч-

ному порядку машерій. Съ крашкинь изложеніемъ изъ сихъ Указовъ содержанія, и показаніемъ, въ какихъ книгахъ какъ оныя Указы, шакъ и прочія узаконенія находяшся. Соснавленна Колл. Сов. и Кав. *Ивансмъ Орловымъ*. М. въ Унив. шип. 1826. XXV и 313 с. въ 4.

203. *Второе дополненіе къ книгѣ о Заемныхъ актахъ*. Сочиненіе П. *Дегая*. М. въ шип. С. Селивановскаго. 1826. 43 с. въ 8.

М е д и ц и н а.

204. *Вѣрный хранитель здравія матерей и дѣтей*. Англійское сочиненіе Вилліама Бухана. Переводъ съ Французскаго *Ивана Кеппена*. М. въ шип. И. Моск. Театра. 1826. X и 375 с. въ 6. 8.
205. *Всеобщая практическая Медицина*, изданная Іосифомъ Франкомъ, Сп. Сов. и Кав. Професс. И. Виленскаго Университеша и пр. Переведенная съ Латинскаго языка Сшуденшомъ Импер. Медико-Хирургической Академіи Московскаго Опдѣленія *Михаиломъ Матѣевскимъ*. Первой части, книга 2-я, содержащая ученіе о болѣзняхъ кожи. М. въ шип. А. Семена. 1826. XXX и 743 с. въ 8.

Ботаника.

206. *Разсужденіе о семействѣ крестовидныхъ растений Г. Декандоля*, переведенное съ Французскаго П. Троицкимъ, съ фигурами. М. въ Унив. тип. 1826. 165 с. (съ двумя чершежами).
207. *Списокъ растений Московскоя Флоры*, составленный Михаиломъ Максимовичемъ. М. въ Унив. тип. 1826. 24 с. въ 8.
208. *Изясненіе таблицы*, представляющей главное раздѣленіе растений. М. въ Университ. тип. 1826. 17 с. въ 8.

Технологія.

209. *Красильная практика*, содержащая крашеніе шерсти и суконъ въ вѣрныхъ и для всякаго понятныхъ предписаніяхъ, но кошорымъ легко можно съ хорошимъ успѣхомъ составлять всѣ желаемыя цвѣты. Съ раскрашенными образцами. Соч. Иоганна Георгія Шейблера. Ч. I, содержащая крашеніе шерсти и шерстяной пряжи, съ присовокупленіемъ практическаго наставленія для составленія суконъ съ искрами, въ шрехъ особыхъ таблицахъ. — (Цѣна 1 экземп. на писчей бумагѣ съ раскрашенными образцами 35 р. ассигн., вкз. на тонкой бумагѣ безъ образцовъ 25 р.) 162 с., двѣ таб-

лицы и реестръ. Ч. II, содержащая крашение суконъ, казмировъ, салоновъ, шаделей и всѣхъ шерстяныхъ матерій, съ прибавленіемъ, служащимъ для познанія употребительнѣйшихъ красильныхъ веществъ. 183 с. М. въ тип. С. Селивановскаго. 1826. во 2.

Д о м о в о д с т в о .

210. *Ручная книжка для хозяевъ и хозяекъ, къ употребленію въ городѣ и деревнѣ, или собраніе новѣйшихъ секретовъ, къ сельской и домашней экономіи относящихся, заимствованное изъ разныхъ Авшоровъ, писавшихъ о сей матеріи. Съ пририсовкою изображенія знаковъ, по которымъ сеялиныи женщины узнавають предлежащую породу.* Переводъ М. въ тип. С. Селивановскаго. 1826. Ч. I. VIII и 97 с.; Ч. II. 251 с. въ 8.

Б и б л и о г р а ф і я .

211. *Реестръ Россійскимъ книгамъ Александра Ширлева.* М. въ Унив. тип. 1826. 8а. с. въ 8.

КОНЕЦЪ СТО ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О Д Е В Я Т О Й Ч А С Т И .

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Эдуардъ, Повѣсь	3
(оконч.)	106
2. Семейство угольника	265
3. Записки объ Англии	284
II. Словесность.	
Письмо къ другу о Наукахъ и Словесности	298
III. Воспитаніе.	
Отрывокъ изъ Опыта о военномъ воспитаніи	200
IV. Философія.	
Объ усовершенствованіи самого себя	236
V. Естественная Исторія.	
О царствѣ прозябаемыхъ въ Европѣ	50
VI. Современная Исторія.	
1. Нѣчто о Персіи	82
2. Объ Англійскомъ Государственномъ доходѣ и расходѣ	211
VII. Наблюденія въ отечествѣ.	
О деревянномъ строеніи въ Россіи	322

VIII. АРХЕОЛОГІЯ.

О шабшнхъ Ахеянъ и Троянъ 330

IX. ПОЛИТИКА.

Прнмръ неуспройсшва, общаго республн-
канскому Правленію 63

X. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Чувсшва Русскаго креспьянина при Свя-
щеннѣйшемъ Коронованіи Императора
Ннколая Перваго 349

XI. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ 100

260

352

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
1826. № 17.

С Е Н Т Я Б Р Я 1.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

- I. **Изящная Словесность.** 3
Эдуардъ. Повѣсть.
- II. **Естественная Исторія.** 50
О царствѣ прозабаемыхъ въ Европѣ.
- III. **Политика** 63
Примѣръ неустройства, общаго респу-
бликанскому правленію.
- IV. **Современная Исторія** 82
Нѣчто о Персіи.
- V. **Современная Русская Вивлио-
графія** 100

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.
Санктпетербургъ. Августа 15 дня 1826 года.
Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 18 и 19.

С Е Н Т Я Б Р Ъ И О К Т Я Б Р Ъ .

О Г Л А В Л Е Н И Е .

- I. Изящная Словесность. 105
Эдуардъ. Повѣсть (оконч.).
- II. Воспитаніе. 200
Отрывокъ изъ Опыта о всеобщей нрав-
ственности.
- III. Современная Исторія 211
Объ Англійскомъ Государственномъ до-
ходѣ и расходѣ.
- IV. Философія 236
Объ усовершенствованіи самого себя
- V. Современная Русская Библіо-
графія 260

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я .

Санктпетербургъ. Октября 15 дня 1826 года.

Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 20.

О К Т Я Б Р Я 15.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

- I. **Изящная Словесность** 265
1. Семейство угольщика.
2. Записки объ Англіи.
- II. **Словесность** 298
Письмо къ другу о Наукахъ и Словесности.
- III. **Наважденія въ Отечества** . . . 322
О деревянномъ строемъ въ Россіи.
- IV. **Археологія** 330
О шапкахъ Ахейскъ и Троянскъ.
- V. **Стихотворенія** 349
Чувства Русскаго крестьянина при Священнѣйшемъ Коронованіи Императора Николая Перваго.
- VI. **Современная Русская Библиографія** 352

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.
Санктпетербургъ, Ноября 8 дня 1826 года.
*Цензоръ Колл. Ассесс. и Кавалеръ
Константинъ Сербиновичъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРКЧА.

